

ISSN 0132 - 1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАУК

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ
№ _____ г.

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4

1992

• НАУКА •

Славяноведение

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ—АВГУСТ

4

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Косик В. И.</i> Из истории начала российской эмиграции.....	3
<i>Козлитин В. Д.</i> Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919—1923).....	7
<i>Косик В. И.</i> Русская Югославия: фрагменты истории, 1919—1944.....	20
<i>Никифоров К. В.</i> Русский Белград (К вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов).....	33
<i>Борисёнок Е. Ю.</i> Русское земледельческое движение в Чехословакии в 1920-е годы.....	45
<i>Горяинов А. Н.</i> Из забытых «мелочей» журнала «Славянский Глас» (1919—1933).....	56

НАЙДЕНО В АРХИВАХ

<i>Робинсон М. А., Петровский Л. П., Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой:</i> проблема евразийства в контексте «дела славистов» (по материалам ОГПУ — НКВД).....	68
<i>Робинсон М. А.</i> Письмо П. Н. Савицкого Ф. И. Успенскому.....	83
<i>Горизонтов Л. Е.</i> Евразийство, 1921—1931 гг.: взгляд изнутри.....	86

МАТЕРИАЛЫ К УЧЕБНИКУ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

<i>Плетнева А. А.</i> Графико-орфографическая система церковнославянского языка.....	105
--	-----

1992

ЖУРНАЛ

ОСНОВАН

В ЯНВАРЕ

1965 г.

МОСКВА

«НАУКА»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. ПОП (главный редактор), В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИНА,
А. А. ГУГНИН, В. А. ДЬЯКОВ, М. С. КАШУБА, М. Н. КУЗЬМИН,
Г. Ф. МАТВЕЕВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, А. Ф. НОСКОВА,
Л. А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), Б. Н. ФЛОРЯ, Т. В. ЦИВЬЯН
(зам. главного редактора), М. А. ВАСИЛЬЕВ (отв. секретарь)

Зав. редакцией *И. И. Бизяева*

Рукописи представляются в редакцию в двух экземплярах объемом: статьи — не более одного авторского листа (24 стр. машинописного текста через 2 интервала); сообщения — до 16 стр.; рецензии, заметки о научной жизни и т. п. — до 6—7 стр. машинописи. Рукописи, оформленные без учета принятых в журнале требований, к рассмотрению не принимаются; рукописи не рецензируются. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

ИЗ ИСТОРИИ НАЧАЛА РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Бесполезно, конечно, напоминать, что мы живем в эпоху, которой будут весьма интересоваться наши потомки. Но, может быть, следует подумать о том, что о Русской революции будет написано столько же лжи, сколько о Французской. Из этой лжи вытечет опять какая-нибудь новая беда. Для нас это ясно... Поэтому в высшей степени важно для нашего будущего правдивое изображение того, что сейчас происходит перед нашими глазами... [1, с. 284].

Во время работы в Архиве внешней политики России с материалами по истории гражданской войны и русской эмиграции мною был найден документ, связанный со скитаниями и мытарствами белых отрядов и части гражданского населения после оставления Одессы в 1920 г. Сжатость и нарочитая сухость не мешают воспринимать его как одно из ярчайших свидетельств тех грозных лет, призрак которых настойчиво стучится в наши двери.

Сразу следует оговорить, что бегству из Одессы уделено большое место в книге В. В. Шульгина «1920 год. Очерки», за хранение первого издания которой (Л., 1926) читатели могли заплатить годами тюрьмы, а возможно, и жизнью. Переиздание было осуществлено лишь в 1989 г. Свидетельством с «той» стороны можно назвать и воспоминания А. И. Деникина. Речь идет о 5-томных «Очерках Русской смуты», изданных им в 20-е годы в эмиграции. В этом сочинении также встречается ряд мест, посвященных оставлению Добровольческой армией Одессы. Равным образом в «Архиве русской революции», издаваемом в 20—30-е годы в Берлине под редакцией И. Гессена, были опубликованы воспоминания Ф. Штейнмана «Отступление от Одессы».

Теперь несколько слов об обстановке, сложившейся тогда вокруг Одесского района. По мнению союзнических представителей — начальника британской военной миссии генерала Хольмана и французского генерала Мажена, потеря Одессы означала бы прекращение снабжения армий юга. Действительно, опасность занятия красноармейскими частями Одесского района и Крыма была налицо. Вследствие этого командующий Добровольческой армией Деникин приказал главноначальствующему Новороссийской областью и командующему войсками в Одессе генералу Н. Н. Шиллингу удерживать закрепленные за его войсками районы. Одновременно союзникам было заявлено, что «для обеспечения операции и морального спокойствия войск

и, главное, на случай неудачи необходимо: 1) обеспечение эвакуации Одессы союзным флотом и союзным транспортом; 2) право вывоза семейств и лиц, оставление которых грозило им опасностью; 3) право прохода в Румынию войск, подвижных составов и технических средств». В результате переговоров командования Добрармией с союзниками поддержка была обещана, в том числе и по переходу в Румынию воинских формирований и беженцев. В частности, как пишет далее Деникин, руководитель британской миссии в Одессе 18 января 1920 г. обещал Шиллингу, что «с большой достоверностью может гарантировать проход наших войск в Бессарабию» [2, с. 232—233]. Тем не менее переговоры по этому вопросу продолжались весь январь, а задача Шиллинга становилась все более затруднительной вследствие отхода большей части войсковых частей области в Крым. 18 января части Добрармии оставили Херсон и Николаев. Положение Одессы стало катастрофическим. Надо сказать, что румынская служба безопасности еще 12 января получила сведения о выступлении Деникина перед бессарабскими денежными тузами, пожертвовавшими крупную сумму денег в фонд Добрармии. Генералом, в частности, было сказано: «Дайте мне время, чтобы восстановить Россию и очистить ее от большевиков, а затем будут очищены и восстановлены все бывшие русские провинции, в том числе и Бессарабия, тем более, что у меня есть согласие Франции, Англии и Америки на восстановление России такой, какой она была в 1914 г.». Полученная информация, память о демаршах деникинцев по вопросу о Бессарабии на Парижской мирной конференции и видимая безнадежность деникинских сил, отступавших перед натиском Красной Армии, были основными причинами того, что в Бухаресте решили не допустить перехода белых через Днестр [3].

23 января Шиллинг подписал приказ, по которому войска под командованием генерала Н. Э. Бредова 1-го из района Одессы должны были отходить на Бессарабию. (Шеститысячный корпус его не был пропущен румынами, встретившими бредовцев пулеметным огнем. Корпус двинулся в Польшу, где и был интернирован. В июле 1920 г. с уже трехтысячным отрядом Бредов через румынскую территорию пробрался в Крым к П. Н. Врангелю. Этот поход был отмечен Врангелем учреждением креста для его участников.) В самой Одессе вся власть оставалась у полковника Стесселя, в чью задачу входило прикрытие эвакуации города [2, с. 234—235]. Он должен был осуществлять и руководство различными отрядами, сформированными самыми разнообразными лицами, например, митрополитом Платоном, экс-редактором «Киевлянина» В. В. Шульгиным, автором предлагаемого читателю документа бывшим директором гимназии Дмитрием Михайловичем Одинцом [1, с. 312. 316—318].

25 января части Красной армии пошли на штурм Одессы, и начался отход частей во главе с Стесселем на Аккерман под защиту румын.

Из письма профессора Д. М. Одица от 2 июня 1920 г. из Белграда [4]:

«После невероятных лишений и препятствий, перед которыми бледнеют все вымыслы Жюль Верна, мне с небольшими остатками батальона „Союза возрождения России“ удалось спастись. Большинство же погибло. Мы вышли 25 января из Одессы в составе 3000 штыков и 10 000 гражданских беженцев с обозом, растянувшимся более чем на 10 верст. Чего только не было в этом обозе. Прекрасные автомобили с трудом влекаемые 6-ю лошадьми, целые квартирные обстановки, дамы с собачками, но всего более господ офицеров, не слезавших с

¹ Одица Д. М. — член правительства Центральной рады на Украине, министр по великоросским делам, деятель «Союза возрождения России», инициатор создания автономного Одесского отряда «Союза возрождения России» при Добровольческой армии. В эмиграции был связан с Б. Савинковым. «Союз возрождения России» организован весной 1918 г. В его формировании принимали участие представители энесов, правых эсеров, меньшевиков, кадетов. Первым председателем был В. А. Мякотин. Придерживался просоюзнической ориентации. Ставил своими целями установление буржуазного строя, восстановление России в границах 1914 г. без Польши и Финляндии. Стоял за созыв Учредительного собрания.

возов и искренне уверенных, что кто-то другой должен их защищать. В батальоне „Союза возрождения России“ было около 450 штыков. Вместе с батальоном из Одессы вышли Шнейерсон, Василенко и Семячко. Чтобы более к этому не возвращаться, я скажу уже теперь, что Шнейерсон от ужасов пути сошел с ума, а остальные двое были вынуждены сдаться большевикам. Выходя из Одессы, мы получили от генерала Шиллинга бумагу с приказанием отступать на Ольвидиополь с заверением, что переход в Румынию обеспечен. На деле оказалось совершенно иное, трое суток наш батальон, оцененный военным начальством как один из наиболее стойких, прикрывал от большевиков переправу через Ольвидиопольский лиман в Аккермане. Но за эти дни румыны не только отказались разрешить какую бы то ни было переправу на свой берег, но успели даже обстрелять артиллерией и пулеметами несчастных детей Одесского кадетского корпуса. На льду лимана, шириной около 10 верст, разыгрывались ужасные сцены. Гражданские беженцы проводили целые ночи на льду в виду Аккермана. Многие замерзли. Но румыны остались безжалостными. К ним никто не был допущен, ни женщины, ни дети². Из 400 кадет сохранилось только 57; остальные частью погибли, частью рассеялись³. Когда через 3—4 дня выяснилась полная невозможность перейти в Румынию⁴, то командование (ген. Васильева)⁵ решило пробиться на север к Тирасполю на соединение с Бредовым. Начался, воистину, новый ледовый поход. Окруженные со всех сторон большевиками, успевшими к этому времени стянуть к нашему пути довольно значительные силы, мы имели на этом пути шесть раз столкновения с большевиками и каждый раз они одерживали верх.

Особенно серьезным был бой под Нанделем, куда мы умудрились войти без предварительной разведки, в то время как Нандель был занят большевиками. Хотя мы попали таким образом в засаду, но нам удалось выйти с честью. Наш батальон, всюду шедший авангардной колонной, первым бросился в атаку с криком „долгой советскую власть, да здравствует учредительное собрание“. Большевики были разбиты наголову и бежали... но наше командование испугалось того, что кольцо большевиков становится более тесным, и приказало нам отступить и снова попытаться перейти на румынский берег, а в то время до Бредова нам оставалось не более 40—50 верст... В Румынию мы на этот раз перешли. Румынские власти растерялись и даже разрешили занять деревню Росновцы⁶. Но за ночь они окружили нас пулеметами и утром открыли по нас стрельбу. Приходилось опять переходить на большевистский берег, уже вплотную занятый красноармейцами. Начался полный хаос. Многие погибли от румынских пулеметов, офицеры массами кончали жизнь самоубийством. Большая часть войск и почти все гражданские беженцы сдались большевикам, но наш батальон и немногие другие части решили сделать попытку еще раз пробиться. Началась самая кошмарная часть нашего похода. Измученные, не спавшие, голодные, полумертвые мы двинулись снова в поход, проваливаясь через диестровский лед, оставляя за собой раненых, замерзших и изможденных сотоварищей. Два дня мы питались только снегом, шли между двух огней, переходя неоднократно с большевистского берега на румынский и обратно. Несколько раз мы просили румын, чтобы

² Были пропущены лишь «польские подданные» [1, с. 333].

³ От коменданта Аккермана было получено разрешение на переправу кадет после отправки директором корпуса телеграммы на имя румынской королевы Марии. Начавшееся 28 января движение кадет по льду лимана было встречено на подходе к бессарабскому берегу артиллерийским огнем румын. Появились раненые, контуженные. Корпус был вынужден повернуть вспять, чтобы избежать новых жертв. На следующий день кадетам все же было разрешено перебраться на противоположный берег. Однако 31 января кадеты вновь перешли лиман и присоединились к основной массе беженцев, питавших надежду попасть в Аккерман. Кадеты заявляли, что их «выгнали румыны». Судя по рассказам кадет, в здание местной гимназии, где их вначале разместили, поздно вечером «был введен румынский отряд с пулеметами». Воспитанникам корпуса было предложено очистить здание и вернуться назад. После категорического отказа кадет, измученных двухдневными переходами, покидать помещения даже под угрозой применения оружия румынская сторона «в виде милости» разрешила им пребывание в Аккермане до 6 часов утра [5].

⁴ В 1916 г. Румынское королевство выступило в первой мировой войне на стороне Антанты. К началу 1918 г. большая часть страны оказалась занята немцами, с которыми в марте того же года было заключено перемирие. Весной 1918 г. правящие круги Румынии, пользуясь благоприятной обстановкой, ввели войска в Бессарабию. Осенью же союзнические войска сумели добиться победы на Западном фронте, вследствие чего румынский король Фердинанд отверг ратификацию мирного договора с немцами. В своей внешней политике Румыния после «присоединения» Бессарабии была заинтересована в урегулировании отношений с советским правительством. Одновременно в Румынии не могли полностью игнорировать Антанту, с представителями которой велись долгие переговоры о пропуске частей белой армии и беженцев на свою территорию. Фактически же дело свелось к приему лишь отдельных лиц и небольших групп. Крупные формирования — как это было с корпусом Бредова — не допускались.

⁵ Каких-либо данных о нем установить не удалось. Известно лишь, что он покончил жизнь самоубийством, застрелившись в конце похода [1, с. 358].

⁶ После заявления Васильева, сделанного им на переговорах с румынскими офицерами, румынская сторона согласилась оставить их лишь до утра. Через переводчика генерал сказал, что «мы совершенно замерзли и умираем от голода... Что мы безоружны, потому что у нас нет патронов... Что мы просим оказать нам приют, ибо мы погибаем... И что я заявляю, что если мы не будем приняты, то мне ничего больше не остается, как застрелиться тут же...» [1, с. 348].

они просто расстреляли нас. Но последние ограничились тем, что обезоружили нас, ограбили совершенно и снова прогнали на большевистскую сторону. К этому времени из 450 кадра нашего батальона сохранилось не более 15 человек. Наконец, обезоруженные румынами, мы разбились на группы по 3—4 человека и решили пробраться вглубь Румынии и там затеряться среди местного населения. Этого сделать не удалось. Румыны нас заметили. Мы были арестованы. Некоторых румыны еще раз отправили к большевикам. Другим удалось задержаться. Я и Линеровский были в том числе. Два тяжелых месяца я прожил интернированным в Румынии. Теперь я живу в Белграде. Тут же находится Линеровский, а также Бем, Елачич и Уляницкий, успевшие выехать из Одессы на пароходе. Я здесь бедствую как и прочие, в особенности те, кто прибыл с боевыми частями и был ограблен румынами. Белград — глухая провинция. Делать здесь нечего. Моя семья в Киеве. Ее судьба мне неизвестна».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шульгин В. В. Дни. 1920. М., 1989.
2. Деникин А. И. Поход на Москву. М., 1989.
3. Копанский Я. М., Левит И. Э. Советское мирное наступление и Румыния (конец 1919 — начало 1920 г.).— В кн.: Проблемы внутри- и внешнеполитической истории Румынии нового и новейшего времени. Кишинев, 1988, с. 205.
4. Архив внешней политики России, ф. Российская миссия в Белграде, оп. 508/3, д. 33, л. 96—99.
5. Штейнман Ф. Отступление от Одессы.— В кн.: Архив русской революции. Т. 2. М., 1991, с. 91—92.

КОЗЛИТИН В. Д.

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В КОРОЛЕВСТВЕ СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ (1919—1923)

С окончанием мировой войны возникшее на Балканах Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. — Югославия) стало притягательным местом для беженцев из объятай пламенем гражданской войны России. Многие из них надеялись, что в братской славянской стране они смогут в относительно благоприятных условиях переждать смутные времена. Правительство королевства, исходя из объективных национально-государственных интересов страны, не препятствовало (а позже и активно содействовало) вселению российских беженцев.

В течение 1919 г. на территорию королевства въехали несколько сот беженцев из России [1, с. 236]. Их приемом и размещением занимались Российская дипломатическая миссия в Белграде во главе с посланником В. Н. Штрандтманом и МВД. Частично заботу об устройстве брала на себя общественная благотворительная организация Русско-югославянский комитет. Всяческое содействие беженцам оказывали королевский двор, правительство, Сербская православная церковь.

Летом 1919 г. правительство предоставило российским беженцам право льготного обмена русских денег на местную валюту. За 1 тыс. руб. давали 800 дин., хотя биржевая цена «думской» тысячерублевки составляла всего 110—115 дин. [2, 1920, 30 IV]. При этом обмен не был регламентирован какими-либо правилами и являлся неограниченным.

Продолжавшаяся в 1920 г. гражданская война в России выталкивала за ее пределы сотни тысяч новых беженцев. Большая часть российских граждан прибывала в КСХС в ходе организованных эвакуаций. В январе 1920 г., после поражения деникинской армии, из Новороссийска в королевство были эвакуированы около 8,5 тыс. человек [3, ф. 6792, оп. 1, д. 582, л. 1; 2, 1920, 28 V]. Они содержались на средства королевского правительства. Позже их стали называть беженцами «сербской» эвакуации. Около 3 тыс. новороссийских беженцев первоначально были эвакуированы англичанами на острова Эгейского моря, а в марте 1920 г. около 2,5 тыс. человек из них перевезены в королевство. Английское правительство обязалось оказывать им материальную поддержку [3, ф. 6792, оп. 1, д. 582, л. 1; 1, с. 236]. Эту группу стали называть беженцами «английской» эвакуации. В течение лета и осени 1920 г. продолжался въезд новых групп по отдельным

визам. Большая их часть прибывала в королевство через Салоники, Пирот и Гевгели, меньшая — через территории Румынии и Венгрии.

В связи со значительным увеличением численности беженцев в январе 1920 г. были созданы специальные организации для руководства их приемом и расселением. 21 января 1920 г. приказом генерала Деникина учреждалась особая должность главноуполномоченного (с 1 мая 1920 г. — правительственного уполномоченного) по устройству русских беженцев в королевстве¹. Через месяц в Белграде начало действовать Управление (Канцелярия) главноуполномоченного, в составе нескольких отделов: финансового, школьного, почтового, труда и др. Основной задачей главноуполномоченного и состоявших при нем организаций и должностных лиц являлись «облегчение забот Королевского Правительства и устранение затруднений, вызываемых прибытием русских беженцев, возможно планомерная организация их движения и расселения, содействие к самостоятельному их устройству и, наконец, поддержание лиц, совершенно неимущих и нетрудоспособных» [3, ф. 6792, оп. 2, д. 31, л. 1].

24 января того же года правительство королевства сформировало из представителей различных государственных ведомств, соприкасавшихся с вопросами помощи российским беженцам, Государственный комитет по приему и устройству русских беженцев, который должен был проводить государственную политику по отношению к российским беженцам путем координации деятельности государственных учреждений и российских беженских организаций.

Весной 1920 г. в Белграде открыли свои представительства Российское общество Красного Креста (РОКК), Всероссийский земский союз (ВЗС) и Всероссийский союз городов (ВСГ).

Разгром армии Деникина и прибытие в королевство новых тысяч беженцев внесли серьезные изменения в уже устоявшуюся беженскую среду. Во-первых, пользуясь правом свободного выбора места жительства и льготного (часто бесплатного) проезда на железнодорожном транспорте, часть российских беженцев устремилась в Белград и иные крупные города, где жизнь являлась более благоустроенной. Это привело весной и летом 1920 г. к чрезмерному скоплению беженцев в Белграде, Земуне, Сараево, Загребе и других крупных административных и культурных центрах. Возросли трудности с поисками жилья, работы, участились случаи нарушения общественного порядка со стороны беженцев. Последнее вызывало недовольство как местных властей, так и части общественности, что вынудило правительство ввести для российских граждан некоторые ограничения свободного передвижения по стране и выбора места жительства.

Во-вторых, в связи с увеличением численности российских беженцев возрос спрос на деньги, выделяемые правительством для льготного размена. В марте 1920 г. он был ограничен 1 тыс. руб. на одного человека в месяц и производился из расчета 600 дин. за 1 тыс. руб. [2, 1920, 30 IV, 19 V]. В мае того же года правительство ограничило денежную помощь российским беженцам ежемесячным отпуском 3 млн дин. под расписку российского посланника. Контроль за расходованием этих средств возлагался на Государственный Комитет по приему и устройству русских беженцев.

В-третьих, приезд почти 10 тыс. беженцев, переживших ужасы братоубийственной войны, активизировал борьбу различных групп и политических направлений в их среде. Она являлась, с одной стороны, продолжением прежних разногласий, возникших еще в России, а, с другой — результатом новых противоречий из-за должностей и льгот, предоставляемых правительством королевства [3, ф. 6792, оп. 1, д. 641, л. 2; 4, 1920, 27 V; 5]. Ситуация несколько стабилизировалась только к осени 1920 г., когда более

¹ В КСХС всех подданных Российской империи называли русскими.

четко определилась структура управления делами беженцев и сложилась система самоуправления. На совещании представителей правительственных и общественных организаций российских беженцев, состоявшемся 22 мая в Белграде, было принято решение о распределении между ними отдельных направлений работы: на представительство РОКК возлагалась организация медико-санитарной и продуктовой помощи беженцам, на представительство ВЗС — профессиональная подготовка и трудоустройство, на представительство Всероссийского союза городов — организация школьного образования и помощи детям [3, ф. 6792, оп. 1, д. 582, л. 6].

В-четвертых, весной и летом 1920 г. произошли изменения в самом образе жизни российских беженцев в КСХС. Многие из них начали понимать нереальность надежд на скорое возвращение в Россию и поэтому искали возможности более прочно обустроиться на новом месте. Правительство оказывало им содействие, предоставляя на определенное время денежную помощь за счет казны.

С 1 июля 1920 г. оно ввело новые правила оказания денежной помощи российским беженцам. В соответствии с ними льготному размену был придан характер безвозмездных субсидий или ссуд, выдаваемых ежемесячно в следующем размере: одиноким — 400 дин., семьям из двух лиц — 700, из трех — 850, четырех — 1 тыс. дин. и т. д. [3, ф. 6792, оп. 1, д. 641, л. 7; 4, 1920, 4 VI]. Правом на получение ссуд пользовались «только беженцы из России, т. е. русские подданные, прибывшие на жительство в Королевство из России под давлением политических обстоятельств после 1 декабря 1918 г.». Были лишены этого права беженцы, имевшие личные средства к существованию или получившие постоянный заработок, превышающий минимальный прожиточный уровень [4, 1920, 4 VI].

Начиная с лета 1920 г., главные усилия правительства и беженских организаций были направлены на стимулирование производственной активности трудоспособных беженцев, оказание им помощи в приобретении специальности, переквалификации и трудоустройстве. Уже до начала 1921 г. представительство ВЗС, ответственное за решение этих вопросов, совместно с Государственным комитетом осуществило определенную работу. В наиболее крупных центрах расселения российских беженцев было открыто свыше 50 курсов сербохорватского языка на 1 тыс. человек [3, ф. 6792, оп. 1, д. 641, л. 15; 6, с. 112; 7, с. 25—26]. В это же время начали работу свыше 30 краткосрочных курсов профессиональной подготовки, на которых обучались около 1,3 тыс. беженцев [3, ф. 6792, оп. 1, д. 641, л. 15]. Российским гражданам для организации собственных предприятий предоставлялись кредиты, специалистам выдавались ссуды на приобретение пособий и инструментов. До марта 1921 г. включительно было открыто около 300 предприятий. На их организацию представительство ВЗС выдало ссуду в размере более 1 млн. дин. [3, ф. 5942, оп. 1, д. 2, л. 84; 7, с. 13]. Эти и другие меры помогали части беженцев найти заработок. В 1921 г. без особых хлопот устраивались на службу инженеры, техники, землемеры, работники образования, врачи, деятели культуры. Так, к осени 28 российских профессора получили кафедры в вузах королевства с ежемесячным окладом в 1 тыс. дин. [2, 1920, 8 X; 4, 2 VI]. Врачи, как правило, получали работу по специальности только в провинциальных городах, где зарабатывали до 1 тыс. дин. в месяц [2, 1920, 8 X]. Сложно было подыскать работу по специальности юристам, военным и чиновникам. Из примерно 200 дипломированных российских юристов в это время имели работу по специальности около 40 человек с окладом до 600 дин. [2, 1920, 8 X; 8, 1921, 12 XII]. Значительная часть бывших военнослужащих и чиновников вынужденно довольствовалась скромным служебным положением в провинции с невысокой оплатой или же занималась физическим трудом. Многие беженцы продолжали жить в надежде на скорое возвращение на Родину. Поэтому

они не желали серьезно заниматься поисками надежного источника существования, грубым физическим или нудным канцелярским трудом, проживали накопленные деньги и драгоценности, полагались на благотворительность, материальную поддержку от правительства или беженских организаций.

Трудные условия эвакуации, лишения по пути в королевство и в первые месяцы пребывания на его территории, как правило, плохое питание и жилье, часто изнурительный труд приводили к увеличению заболеваемости. Медико-санитарная помощь беженцам, находившаяся в ведении РОКК, оказывалась как непосредственно лечебными учреждениями данной организации, так и путем оплаты лечения в государственных и частных медицинских заведениях королевства. Предоставлялось также курортное лечение, а для инвалидов заказывались протезы, ортопедическая обувь и пр.

Весной 1920 г. РОКК открыло центральную амбулаторию в Белграде, летом того же года — амбулаторию в Скопле и Вранске-Бане, чуть позже — в Нише и Земуне [3, ф. 6792, оп. 1, д. 582, л. 15—16]. В небольших провинциальных городах открывались врачебные пункты, состоявшие из одного врача. С конца апреля до осени 1920 г. в Топчидере под Белградом действовал русский санитарий на 16 мест. В сентябре 1920 г. РОКК открыло зубо-врачебный кабинет при Белградской амбулатории, а в последующем — и в других городах [3, ф. 6792, оп. 1, д. 582, л. 17; 7, с. 5—6].

Возможность длительного проживания российских беженцев в КСХС требовала организации обучения детей. Королевство стало первой страной, где уже в 1920 г. зарождалась российская зарубежная школа. Основу беженской школьной сети в королевстве составили эвакуированные в начале 1920 г. из южной России казенные учебные заведения — два кадетских корпуса (Киевский и Одесский, объединенные в Русский кадетский корпус) и два девичьих института (Харьковский и Донской Мариинский) [3, ф. 6792, оп. 1, д. 641, л. 19]. Первоначально финансирование кадетских корпусов и девичьих институтов осуществлялось правительством Юга России, а с лета 1920 г. начала возрастать денежная помощь правительства КСХС, осуществляемая через Государственный комитет по приему и устройству русских беженцев. Осенью 1920 г. на содержание Харьковского и Донского институтов, а также Русского кадетского корпуса комитетом выдавалась ежемесячно определенная сумма из расчета 400 дин. на каждую институтку или кадета [10; 11].

С мая 1920 г. представительство Всероссийского союза городов приступило к осуществлению своей миссии по организации школьных учреждений. В это время в среде беженцев еще преобладало мнение о кратковременности их пребывания вдали от России. Поэтому руководство указанной организации видело свою задачу в создании таких школьных учреждений, которые, не требуя крупных средств на свое содержание, давали бы детям классическое русское воспитание и образование. Учитывалась также разбросанность небольших групп беженцев по территории всей страны, невозможность для многих детей нормального семейного воспитания. Летом 1920 г. в Белграде, Панчево, Сараево, Земуне и Скопле возникли детские заведения, которые взяли на себя все заботы о детях в течение дня: питание, обучение, отдых. Такие заведения назывались детскими домами. На первых порах деятельность представительства Всероссийского союза городов в королевстве финансировалась правительством Юга России. Однако средств не хватало. В какой-то мере они пополнялись за счет пожертвований английских благотворительных обществ через российского посланника в Белграде [12, с. 2].

В октябре 1920 г. в Белграде, благодаря финансовой поддержке Государственного комитета по приему и устройству русских беженцев, по предложению профессора В. Н. Плетнева была открыта 1-я Русско-сербская гимназия в составе пяти (III—VII) старших классов [13]. Создание первых

русских учебных заведений имело важное значение, но в 1920 г. большая часть беженцев не обучались в школах.

В 1919—1920 гг. юридический статус российских беженцев в КСХС был достаточно определенным — граждане России, временно проживающие на территории королевства. В последующие годы они получили статус политических беженцев. Однако в связи с отсутствием нормальных дипломатических отношений между королевством и Советской Россией в общественном положении российских беженцев оставалось много неясных вопросов. Служащие Российской дипломатической миссии с согласия правительства КСХС на основании свидетельских показаний устанавливали личность беженца в случае утери им своих документов. Правительство признавало юридическую силу документов российских беженских организаций. На основании удостоверений и рекомендаций эмигрантских организаций власти выдавали документы на право проживания в королевстве.

В КСХС, в отличие от западноевропейских стран, свидетельства и дипломы об образовании, воинские звания, полученные в России до Февральской революции, а также научные степени считались имеющими законную силу. Российские подданные, по сравнению с подданными других государств, находились в явно привилегированном положении. До конца 1920 г. они имели право свободного выбора места жительства (с лета 1920 г. — за исключением нескольких крупных городов), свободы передвижения по стране, занятия предпринимательством (вплоть до валютных операций), занятия должностей в армии и государственном аппарате.

Для общественной жизни российских беженцев в 1919—1920 гг. были характерны активная религиозная и церковная деятельность, образование ряда общественно-политических организаций, профессиональных, культурно-просветительных, благотворительных и других обществ. Во многих местах расселения российских граждан организовывались православные приходы. Они являлись не только сосредоточием религиозно-нравственной жизни беженцев, но и имели организующее, воспитательно-патриотическое значение.

В развитии общественной жизни российских граждан в 1919—1920 гг. можно выделить два периода. До весны — лета 1920 г. она не отличалась активностью беженцев. В их политическом сознании господствовали либерально-демократические настроения. Общественная деятельность была направлена на создание не политических организаций, а благотворительных культурно-просветительских обществ, подобных возникшему в феврале 1920 г. Обществу попечения о духовных нуждах православных русских в Королевстве СХС. Резкое увеличение численности российских беженцев в начале 1920 г. привело к некоторой активизации их общественной жизни. Весной и летом того же года продолжала формироваться система местного самоуправления, оформлялись политические группы и движения, профессиональные организации — Общество русских офицеров, Союз русских инженеров, Общество русских ученых. Весной 1920 г. заявила о себе белградская группа кадетской партии, заметно активизировались монархисты. В Белграде начали выходить газеты на русском языке — «Возрождение», «Новое время», «Русская газета».

В октябре 1920 г. Русская Армия была разгромлена большевиками. В ходе осенней эвакуации более 100 тыс. военных и около 50 тыс. гражданских лиц покинули Крым [14]. Генерал Врангель обратился к правительствам многих стран с просьбой о приеме «крымских» беженцев. Одним из первых откликнулось правительство КСХС. Оно дало согласие на въезд более 20 тыс. гражданских беженцев, предварительно заручившись обещанием французских властей оказать им денежную поддержку [3, ф. 6792, оп. 1, д. 641, л. 6]. Уже 18 ноября 1920 г. правительство королевства утвердило общий план приема и расселения «крымских» беженцев. В соответствии с

ним в течение ноября 1920 г.— января 1921 г. они были приняты в бухтах Катарро (Бока Которская), Бакар (близ Фиуме) и Дубровнике [3, ф. 6792, оп. 1, д. 582, л. 8, 22—24; 2, 1920, 10 XII; 15, 1920, 29 XI, 3 XII; 16]. В местах их высадки представительство РОКК организовало бесплатное питание стоимостью на одного человека в среднем 5 дин в сутки [3, ф. 6792, оп. 1, д. 582, л. 23].

Долгое пребывание в трюмах и на палубах судов в ужасающих антисанитарных условиях вызвало еще в море вспышку эпидемий сыпного и возвратного тифа, которые продолжали усиливаться после высадки на берег. Особенно тяжелое положение сложилось среди высаженных в районе Которской бухты. К середине января 1921 г. число больных в открытых там РОКК четырех лазаретах, рассчитанных всего на 450 коек, достигало 1,5 тыс. человек [3, ф. 6792, оп. 1, д. 641, л. 23]. После двух-трехмесячного карантина беженцев эшелонами отправляли вглубь страны. По путям их следования РОКК организовывало питание и медико-санитарное обслуживание. Большую часть расходов по приему и провозу беженцев к месту жительства брало на себя правительство королевства [7, с. 5].

В декабре 1920 г. генерал Врангель начал переговоры с правительством КСХС о переселении в его пределы армейских частей из района Константинополя. К середине 1921 г. эти вопросы в основном были решены [17; 18, с. 41; 19, с. 1—7]. В течение 1921—1923 гг. в королевство въехали около 10 тыс. гражданских и военных лиц [20, с. 9]. Общая же их численность в эти годы колебалась от 50 до 70 тыс. человек [1, с. 236, 249; 15, 1923, 29 VIII; 21, 1921, 18 IV; 1931, 7 IV]. Многие уезжали через Балканы в другие страны.

Вновь прибывшие беженцы расселялись по всему королевству в уже имевшиеся русские колонии или основывались новые. Весной 1921 г. существовало 233 колонии, а через год их количество увеличилось до 300 [3, ф. 6792, оп. 1, д. 522, л. 1—6, 13—20; 18, с. 36].

В январе 1921 г. правительством были установлены более строгие правила передвижения беженцев по территории королевства. МВД дало распоряжение местным властям взять на учет всех российских беженцев, каждому выдать удостоверение личности и запретить без разрешения властей покидать место, которое им было определено для проживания. Ограничения вселения к весне 1921 г. были установлены для Белграда, Земуна, Загреба, Любляны, Нови Сада, Сараево и некоторых других городов. Проживание в них, ввиду перенаселенности этих городов, разрешалось властями только в тех случаях, когда беженцы были связаны с данными городами какими-либо занятиями или службой [22]. Расселение российских беженцев по территории королевства не было равномерным. Наибольшее их количество проживало в Хорватии, Славонии, Сербии и Воеводине [23]. Самые многочисленные русские колонии размещались в Белграде, Ерцегнови, Нови Саде, Требиньи, Панчево, Земуне и др. [3, ф. 6792, оп. 1, д. 522, л. 1—6, 13—20].

Состав беженцев можно проанализировать на основе данных Управления правительственного уполномоченного, Государственного комитета по приему и устройству русских беженцев, статистического отдела Державной комиссии по делам русских беженцев. Они свидетельствуют о его многонациональности, сословно-профессиональной и половозрастной пестроте. По некоторым данным, не менее 50% российских беженцев были украинцами по происхождению [24; 25, ф. 3696, оп. 2, д. 520, л. 32; д. 521, л. 3]. Более половины из 30 тыс. беженцев, состоявших осенью 1921 г. на учете в Державной комиссии, в прошлом являлись военными и чиновниками, меньше трети до войны работали в хозяйственной сфере, 14% приходилось на педагогов, врачей, литераторов, духовенство, художников и артистов, 5% составляли квалифицированные канцелярские работники [8, 1921, 12 XII; 26, с. 24]. Достаточно высоким был образовательный ценз: 13% составляли

лица с высшим образованием, 62% — со средним, примерно 22% — начальным домашним и только 3% — лица без образования [26, с. 24]. Среди мужчин более 17,5% окончили высшие учебные заведения и почти 56% — средние. Среди женщин высшее образование имели более 13% и среднее — почти 62,5% [3, ф. 6792, оп. 1, д. 641, л. 12]. Детей и подростков до 18 лет насчитывалось в разное время примерно 6—7 тыс. человек, причем около 35% детей, в основном мальчики, не имели в королевстве родных. В эти же годы на территории КСХС находились около 2 тыс. не окончивших образования студентов и курсисток. Мужчин и женщин в возрасте от 21 до 60 лет насчитывалось более 23 тыс. (16 тыс. и около 7 тыс. соответственно). Пожилых людей в возрасте от 61 года и старше было около 1 тыс. человек. По данным представительства РОКК, к 1 ноября 1921 г. в стране проживало около 2 тыс. военных и 1 тыс. гражданских инвалидов [3, ф. 6792, оп. 1, д. 582, л. 28—30, 37; д. 641, л. 12—13; ф. 5942, оп. 2, д. 3, л. 12].

Поражение антибольшевистских сил в гражданской войне и эвакуация Крыма вызвали необходимость новых изменений в управлении делами российских беженцев в КСХС. Возросла роль Государственного комитета по приему и устройству русских беженцев и наоборот, уменьшилось значение правительственного уполномоченного, должность которого в октябре 1921 г. была ликвидирована. Некоторое время дела беженцев были сосредоточены в российском посольстве.

В ноябре 1921 г. правительство Королевства СХС создало упмянутую уже Державную (Государственную) комиссию по делам русских беженцев, к которой перешли все функции Государственного комитета по приему и устройству русских беженцев. Основная задача Державной комиссии состояла в установлении общих правил пользования денежными судами и распределении между колониями и отдельными лицами всей денежной помощи, получаемой от правительства королевства, а также Англии и Франции [3, ф. 6792, оп. 1, д. 530, л. 1]. Персональный состав Державной комиссии неоднократно менялся. В конце 1921 г. ее председателем был один из лидеров сербской Радикальной партии, член парламента, бывший министр внутренних дел Л. Йованович, а в 1922 г. — известный русофил, профессор Белградского университета А. Белич. Державная комиссия имела свою канцелярию и несколько отделов по разным направлениям работы (статистический, учебный, труда и т. д.), а также штат контролеров и агентов в крупных городах.

В 1921 г. окончательно сложилась система местного самоуправления. Внутренняя жизнь колоний (общин) регулировалась «Положением о колониях русских беженцев в Королевстве СХС», утвержденным Государственным Комитетом по приему и устройству русских беженцев 10 марта 1921 г. Согласно «Положению», все российские беженцы независимо от категорий (эвакуаций), к которым они принадлежали, группировались по месту жительства в колонии. Их члены обоего пола (не моложе 21 года) на общем собрании избирали на один год председателя (старосту, представителя) колонии или, при численности колонии более 25 человек, правление в составе от 4 до 9 человек [3, ф. 5942, оп. 5, д. 1, л. 2—9] для попечения о нуждах беженцев и посредничества между ними и правительственными учреждениями [1, с. 236]. МВД королевства предписало местным властям решать все вопросы беженцев при участии правлений колоний. В письме по этому поводу указывалось, что «каждый русский беженец по всякому делу должен обращаться в правление, которое дает свое заключение и передает надлежащим образом просьбу-властям» [27]. На практике основное содержание работы правлений колоний состояло в получении из Белграда и выдаче ее членам отпускаемых ежемесячных денежных ссуд.

Положение военнотружущих Русской Армии, находившихся на территории королевства, определялось несколько иными правилами. Все они,

даже проживая в какой-либо колонии, до апреля 1922 г. прежде всего находились в распоряжении российского военного агента, который назначал своих представителей (комендантов) в колонии.

В связи с увеличением числа беженцев в конце 1920 — начале 1921 г. правительство КСХС выделило дополнительные кредиты на оказание им материальной помощи, но по более низким ставкам: абсолютно нетрудоспособным (старикам, инвалидам и т. д.) — 360 дин. в месяц, а остальным — 240 дин. на одного человека [3, ф. 5942, оп. 1, д. 2, л. 8]. Для беженцев «крымской» эвакуации, имевших заработок, размер денежной помощи зависел от его величины. Однако общая тенденция к сокращению сумм выдаваемых безвозмездных ссуд сохранялась и для них. Военным инвалидам сверх ссуды ежемесячно полагалось по 200 дин. пособия. Впоследствии по особым постановлениям Государственного комитета дополнительное пособие назначалось и невоенным инвалидам — престарелым и тяжело больным [3, ф. 6792, оп. 1, д. 641, л. 8].

С апреля 1921 г. размер ссуд беженцам «сербской» эвакуации был сокращен: безработным — на 10%, имеющим заработок — на 25%. С мая эти сокращения увеличились соответственно до 15% и 35%. Были уменьшены на 50% инвалидные пособия и единовременные денежные ссуды больным и престарелым [3, ф. 6792, оп. 1, д. 641, л. 8—9]. Государственный комитет постепенно стал сводить к минимуму назначения ссуд вновь прибывающим беженцам и отказывать в продлении государственной помощи лицам, въезжавшим в королевство по отдельным визам. Размеры выдаваемых беженцам денежных ссуд продолжали сокращаться во второй половине 1921 г., 1922 и 1923 гг. Сокращалась и общая сумма кредита, отпускавшаяся правительством КС на нужды беженцев. Так, по сведениям Державной комиссии, в 1920 г. было ассигновано 22 244 800 дин., 1921 г. — 81 669 248, 1922 г. — 76 990 288, 1923 г. — 65 451 329 дин. [3, ф. 6792, оп. 1, д. 77, л. 45]. Предоставляемые в распоряжение Державной комиссии деньги расходовались прежде всего на поддержание инвалидов и нетрудоспособных стариков, содержание учащихся и учебных заведений, медицинскую помощь больным, профессиональную подготовку и стимулирование трудовой деятельности беженцев.

Правительство королевства увеличивало финансирование различных программ профессиональной подготовки и трудоустройства беженцев. С этой целью в апреле 1921 г. при Государственном комитете были организованы отдел (бюро) труда и его отделения на местах [3, ф. 6792, оп. 1, д. 641, л. 16]. Для «крымских» беженцев продолжали работу и открывались новые курсы сербохорватского языка, а также профессиональные курсы и мастерские [3, ф. 6792, д. 522, л. 20; 6, с. 112]. Совершенствовалась и их программа. Так, в 1922—1923 гг. представительство ВЗС расширило программу бухгалтерских курсов, постепенно преобразовывая их в высшие коммерческие курсы. К осени 1922 г. в системе профессиональной подготовки, организованной Державной комиссией, обучались более 1 тыс. человек [15, 1922, 28 X]. К осени 1923 г. количество всевозможных ремесленно-технических курсов стало сокращаться. Абсолютное большинство беженцев, окончивших ранее профессиональные курсы, получили работу по новой специальности.

В 1921—1923 гг. росла хозяйственная инициатива беженцев, расширялись старые и открывались новые предприятия, владельцы которых остро нуждались в дешевом кредите. С 1 июня 1920 г. по 1 января 1922 г. только представительство ВЗС выдало более 1 тыс. ссуд (на сумму более 2 млн дин.), которыми воспользовались 1883 человека. Из-за недостатка средств представительству приходилось удовлетворять только 10% поступивших просьб [6, с. 108]. При содействии представительства возникло около 80 сельскохозяйственных предприятий [7, с. 15].

В 1921—1923 гг. в КСХС въехали около 11,5 тыс. военнослужащих бывшей Русской Армии [20, с. 9]. Большинство из них организованным порядком устроились на пограничную службу и строительство дорог [19; 20]. К концу 1923 г. приказ Врангеля от 10 июля 1922 г. о переводе армии на трудовое положение был в основном выполнен.

По данным статистического отдела Державной комиссии, в начале 1922 г. были трудоустроены более 5,5 тыс. беженцев, из них 2,7 тыс. имели постоянную работу, 2,9 тыс. — временную [3, ф. 6792, оп. 1, д. 641, л. 18]. Согласно статистике Международного бюро труда, в 1924 г. в королевстве насчитывалось около 19 тыс. безработных российских беженцев [28].

Значительная часть российских беженцев в первые годы пребывания в королевстве остро нуждалась в самом необходимом. Одним из самых действенных видов помощи беженцам в местах их поселений являлось устройство дешевых столовых. Еще весной 1920 г. первая такая столовая была открыта в Белграде на средства РОКК. До 1 января 1922 г. она отпустила около 30 тыс. бесплатных и более 70 тыс. платных обедов [3, ф. 6792, оп. 1, д. 582, л. 25]. Весной 1921 г. ВЗС при помощи Государственного комитета, представительства РОКК и Русско-югославянского комитета организовал работу столовых на 1310 мест в 17 пунктах проживания российских беженцев [6, с. 133—114]. Выполнив свою задачу в самые напряженные месяцы 1921 г., к январю 1922 г. половина из них была закрыта в связи с отсутствием средств [6, с. 114; 7, с. 33]. В 1921—1922 гг. сотни беженцев перемещались по стране в поисках жизненных благ. Для них РОКК и ВЗС к концу 1921 г. открыли в девяти городах общежития на 370 мест [3, ф. 6792, оп. 1, д. 582, л. 25; 6, с. 114—115; 7, с. 33].

Особое внимание королевское правительство, российские беженские организации и различные благотворительные общества уделяли одиноким престарелым, инвалидам и детям. Власти КСХС почти уравнили в правах около 2 тыс. российских военных инвалидов и инвалидов королевства [15, 1924, 21 II; 29]. РОКК оборудовало специальный приют для инвалидов в Рисано (Далмация) на 70 коек и приют для престарелых и нетрудоспособных в Иголо (Далмация) [3, ф. 6792, оп. 1, д. 582, л. 28—29].

Большая часть детей, эвакуированных из Крыма или родившихся уже в КСХС, нуждались в медицинской помощи и усиленном питании. Для детей, больных рахитом и детским туберкулезом, РОКК с 1 октября 1921 г. в Ерцегнови открыло детский санаторий на 60 мест [3, ф. 6792, оп. 1, д. 582, л. 37]. Для детей-сирот был организован приют при Лесническом женском монастыре в селе Хопове. В августе 1921 г. в Белграде на средства бельгийских благотворительных организаций, предоставлявших 10 тыс. франков в месяц, открылась специальная детская амбулатория РОКК [3, ф. 6792, оп. 1, д. 582, л. 30]. С мая 1921 г. по май 1923 г. представительство Международного Красного Креста в Белграде по просьбе отдельных колоний и учебных заведений периодически отпускало им продукты питания для детей. Так, только с мая по ноябрь 1921 г. было выдано 43 тыс. кг муки, 3,6 тыс. кг какао, 17 тыс. кг сахара, 15 тыс. кг фасоли, 11,7 тыс. кг риса и других продуктов в среднем на 3 тыс. детей в месяц [3, ф. 6792, оп. 1, д. 582, л. 41]. В 1921 г. различные международные благотворительные организации передали в распоряжение РОКК и ВЗС для распределения среди российских беженцев более 100 тыс. предметов белья, одежды, обуви и проч. [3, ф. 6792, оп. 1, д. 582, л. 34—35; 6, с. 119]. Помощь беженцам в первый период их пребывания в королевстве позволила им пережить наиболее острые моменты нужды.

Появление «крымских» беженцев, среди которых было несколько тысяч детей, подростков и молодых людей; нуждавшихся в завершении своего образования сделало необходимым расширение сети русских учебных заведений. Зимой 1920—1921 гг. в королевство прибыли еще два кадетских

Наименование учебных заведений	Общее количество учащихся	Из них содержащихся в интернате
Учреждения, находящиеся в ведении Державной комиссии и полностью содержащиеся за ее счет		
1. Крымский кадетский корпус (Б. Церковь)	520	520
2. Донской кадетский корпус (Билече)	320	320
3. Русский кадетский корпус (Сараево)	310	310
4. Харьковский девичий институт (Н.-Бечей)	250	250
5. Донской Мариинский институт (Б. Церковь)	200	200
6. Русско-сербская девичья гимназия (Великая Кикинда)	220	220
7. Русско-сербская смешанная гимназия (Белград)	250	120
Учреждения, субсидируемые как Державной комиссией, так и Земско-городским комитетом, и находящиеся в ведении представительства Всероссийского союза городов		
8. Реальная гимназия (Пановиче)	150	150
9. Детский дом в Белграде (I—III кл.)	98	—
10. Детский дом в Загребе (I—VIII кл.)	61	—
11. Детский дом в Земуне (I—VI кл.)	103	—
12. Детский дом в Нови Саде (I—VI кл.)	99	—
13. Детский дом в Панчеве (I—III кл.)	47	—
14. Детский дом в Сараево (I—IV кл.)	42	—
15. «Матурные» курсы в Панчеве	59	—
16. Школьная группа в Дубровнике	30	—
17. Школьная группа в В. Бечереке	15	—
18. Школьная группа в Сомборе	17	—
19. Школьная группа в Ерцегнови	18	—
20. Школьная группа в Княжеваце	15	—
21. Школьная группа в Вршаце	25	—
Учреждения, частично субсидируемые Державной комиссией и находящиеся в ведении Общества попечения о нуждах сирот и семей воинов		
22—24. Три приюта (в Хоповском монастыре, Белой Церкви и Панчеве)	67	67
Итого...	2916	2157

корпуса — Донской и Крымский, а также группа институток. В ноябре 1921 г. группой бывших преподавателей Харьковского девичьего института была открыта женская гимназия в Великой Кикинде. В 1921 г. открылись детские дома в Княжеваце, Нови Саде и Ерцегнови, в 1922 г. — в Загребе и Пановичах. Там, где не удавалось организовать такой дом, создавались школьные группы. В 1921 г. они начали работать в Скопле, Дервенте, Стырнице, Пригревце, Дубровнике, в 1922 г. — в Суботице, Вршаце, Любляне, Вранячке Бане, Зайчаре [12, с. 1]. В течение первого, 1920/21 учебного года детские дома приобретали форму классического учебного заведения. В большинстве из них была принята программа русского реального училища предвоенных лет. Кадетские корпуса и девичьи институты в наибольшей степени сохраняли традиционные черты соответствующих закрытых учебных заведений, существовавших в дореволюционной России.

С осени 1922 г. начались практические шаги по сближению русских учебных заведений со школьной системой КСХС. Вносились соответствующие изменения в учебный план: увеличивалось число уроков по «сербским»

предметам — языку, литературе, истории и географии, причем преподавание велось на сербохорватском языке [26, с. 29]. В 1922—1923 гг. русским средним учебным заведениям (корпусам, институтам, гимназиям и части детских домов) были представлены права государственных гимназий. У части беженцев возникали опасения, что эти процессы приведут к денационализации русской школы. Поэтому они выступали за сохранение самостоятельности и национальной специфичности своих учебных заведений. До 1923 г. им это в основном удавалось.

В 1923/24 учебном году на территории КСХС действовали 24 русских учебных заведения (см. таблицу [26, с. 27—28]).

На протяжении 1921—1923 гг. в общей сумме денежных средств, выделяемых правительством королевства для помощи российским беженцам, постоянно возрастала доля расходов на школьные нужды: в марте 1921 г. она составила 500 тыс. дин. (8,3%), марте 1922 г. — 1,6 млн (26,6%), марте 1923 г. — 2,5 млн (41,7%), в начале 1924 г. — 2,9 млн дин. [26, с. 25].

Из 5317 русских детей и подростков, проживавших в королевстве, 2916 человек обучались в русских школах, около 200 человек — сербских, около 1 тыс. детей и подростков в возрасте от 6 до 18 лет оставались вне школы [26, с. 45—46]. Однако число последних в течение 1921/22—1923/24 учебных годов сократилось с 58,1% до 22,6% [26, с. 46].

С осени 1921 г. из-за недостатка средств деятельность РОКК в королевстве стала сворачиваться. Это выразилось прежде всего в сокращении количества лечебных учреждений [3, ф. 6792, оп. 1, д. 582, л. 16—17]. Если в конце 1921 г. общество содержало три госпиталя: в Панчево на 120 коек, замке Лобор (Хорватия) на 80 коек и в Тибла близ Дубровника на 60 коек, то в сентябре 1923 г. Панчевский госпиталь оставался единственным русским госпиталем в КСХС [3, ф. 6792, оп. 1, д. 582, л. 10]. С октября 1923 г. Державная комиссия приняла на свое полное содержание 60 коек и ассигновала РОКК по 7 тыс. дин. в месяц на Панчевский госпиталь [15, 1923, 6 XI].

С сентября 1923 г., согласно распоряжения министра народного здравоохранения КСХС, больные российские беженцы, не имевшие средств на лечение, получали право на бесплатное обслуживание во всех больницах королевства за счет правительства. При этом требовалось предъявить справку от правления колонии о «совершенном отсутствии средств». Остальные российские беженцы должны были вносить плату за лечение наравне со всеми иностранцами — по 30 дин. в сутки [15, 1923, 6 IX].

Несмотря на значительные усилия правительства КСХС и беженских организаций в оказании медицинской помощи российским гражданам, тяжелые условия существования вызывали относительно высокий уровень заболеваемости среди них в первые годы пребывания в королевстве. Об этом свидетельствует распространение туберкулеза среди детей и студентов. Русским туберкулезным диспансером в Белграде за 1923 г. было отмечено 641 детское посещение. По результатам медицинского освидетельствования российских студентов в Загребе оказалось, что 50% из них были больны активными формами туберкулеза и еще 25% — склонны к заболеванию [15, 1924, 15 III].

В 1921—1923 гг. активизировалась общественная жизнь в среде российских беженцев. Возникли десятки различных общественно-политических организаций, экономические, профессиональные, культурно-просветительные, благотворительные и иные общества. Шло интенсивное строительство русских православных храмов во многих беженских колониях.

Среди политических движений преобладали монархисты, пользовавшиеся поддержкой 80—90% политически активных беженцев, 8—9% российских граждан стояли на позициях партии «народной свободы» (кадетов) и около

1% — эсеров [3, ф. 5942, оп. 1, д. 2, л. 12—13]. Активизация деятельности последних была особенно заметна с 1923 г. В это же время в среде беженцев возросло внимание к национальным проблемам. Предпринимались попытки создания украинских национальных культурно-просветительных организаций, особенно в Хорватии и Славонии [30; 31; 32]. В Загребе возникли первые евразийские организации (Русский кружок) [33].

Большая часть российских граждан не принимала активного участия в общественно-политической жизни страны, их приютившей. Для политически активной части беженцев наиболее важной проблемой в рассматриваемый период была проблема отношения к России, к ее прошлому, настоящему и будущему. В 1922—1923 гг. в ходе жарких дискуссий о возможности и необходимости для королевства установления нормальных дипломатических отношений с Советской Россией почти все организации российских беженцев выступали противниками признания «большевистского правительства». Для убеждения в этом депутатов Скупщины, членов правительства, общественности страны они активно использовали самые разнообразные формы и методы.

Отношение к российским гражданам со стороны местных жителей было в целом благожелательным. Наиболее известными сторонниками дружеского отношения к беженцам из России были самые крупные и влиятельные политические партии — Демократическая и Радикальная. Рьяными их противниками являлись югославские коммунисты. Сдержанно относились к российским беженцам Союз земледельцев, Хорватская республиканская крестьянская партия, Словенская народная партия, черногорские федералисты, социал-демократы [25, ф. 3696, оп. 2, д. 247, л. 165; д. 521, л. 23; 15, 1922, 20 X, 1923, 25 XI, 1924, 2 I; 21, 1922, 14; 22 III; 34; 35].

Из анализа различных источников можно сделать вывод о том, что среди населения Сербии, Черногории и Македонии преобладали симпатии к российским беженцам. Более прохладное, а порой и недружелюбное отношение к ним было заметно в Хорватии и Словении [3, ф. 5942, оп. 1, д. 2, л. 11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Манакин В. Руси у Краљ евини. — В кн.: Алманах Краљ евини Срба, Хрвата и Словенаца. 1 св. 1921—1922. Загреб, 1922.
2. Последние новости (Париж).
3. ЦГАОР СССР.
4. Русская газета (Белград).
5. Еленев Р. Открытое письмо именуемому Правительственным Главноуполномоченным по устройству русских беженцев в Сербии Сергею Николаевичу Палеологу и тем, кого оно должно касаться. Б.м., б.г.
6. Очерк деятельности Всероссийского Земского Союза за границей (Апрель 1920 г.— 1 янв. 1922 г.). София, 1922.
7. Бюллетень Объединенного Комитета Российского Общества Красного Креста, Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза Городов в Королевстве СХС. Белград, 1921.
8. Возрождение (Лондон — Париж).
9. Солонский А. А. Поликлиника Российского Общества Красного Креста стационарной организации в Белграде, 1920—1940. Нови Сад, 1940.
10. Русский кадетский корпус. Кадетская памятка, 1920—1925. Второй сборник Константиновского Кружка. Сараево, 1925.
11. Русский Кадетский Корпус. Новая кадетская памятка, 1925—1929. Третий сборник Константиновского Кружка. Сараево, 1929.
12. Отчет о деятельности представительства Всероссийского Союза городов в Королевстве СХС за 1924 год. Београд, 1925.
13. Прва Руско-српска мушка гимназија у Београду. Београд, 1931.
14. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж, 1971, с. 20.
15. Новое время (Белград).
16. Руль (Берлин—Париж), 1921, 7 I.
17. Главнокомандующий Русской армией генерал барон П. Н. Врангель. Сб. статей. Берлин, 1938, с. 155.

18. Русский Совет. Париж, 1921.
19. *Даватиц В.* Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926.
20. Русская армия в изгнании, 1920—1923. б.м., б.г.
21. Политика (Београд).
22. АВІН, N.O.S. Pг., 1920, br. 580.
23. Дефинитивни резултати пописа становништва од 31 јануара 1921. год. Сарајево, 1932, с. 2—3.
24. Перша конференција Украјинској емиграцији та Главна Емиграцијна Рада. Париж, 1929, с. 6.
25. ЦГАОР УССР.
26. Зарубежная русская школа, 1920—1924. Париж, 1924.
27. АВІН, N.O.S., Pг. 1921, br. 1058.
28. Дни (Берлин—Париж), 1925, 19 X.
29. Светлой памяти Короля Витязя Александра I Объединителя. Белград, 1934, с. 31.
30. Громадський вісник (Прага), 1921, ч. 3/4, с. 10.
31. *Наріжний С.* Українська еміграція. Прага, 1942, с. 99—100.
32. Український студент (Прага), 1923, ч. 1/2, с. 105—106.
33. Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. VII. Париж, 1931, с. 9, 11, 34—35.
34. Радничке новине (Београд), 1920, 8 III.
35. Голос Росии, (Берлин), 1922, 22 III.

КОСИК В. И.

РУССКАЯ ЮГОСЛАВИЯ: ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ, 1919—1944

Судя по архивным документам, на 1923—1924 гг. в Королевстве СХС насчитывалось примерно 300 колоний русских беженцев. Их численность варьировалась от почти 10 тыс. в Белграде до пяти семейств в г. Сень. Больше всего русских было размещено в Сербии — около 200 колоний, из них свыше половины в Банате и Бачке, затем шли Хорватия, Босния и Герцеговина, Словения, Черногория, Македония [1, д. 95, л. 11—22]. Общая численность беженцев к середине 20-х годов не превышала 35 тыс. [1, д. 82, л. 28 об.]. Эта цифра может быть легко, впрочем, увеличена по той причине, что Югославия была транзитной территорией для тех эмигрантов, которые через относительно короткое время переезжали в другие страны.

Управление русскими колониями было сосредоточено в Государственной комиссии по русским беженцам (ГК), созданной в 1920 г. по предложению председателя Народной Скупщины Л. Йовановича, ставшего ее первым руководителем. Однако вскоре по инициативе короля Александра новым главой ГК был назначен профессор Александр Белич, известный не только своими трудами в области лингвистики, но и выступлениями по проблемам внешнеполитической стратегии королевства. Страстный русофил, он и на этом новом для себя поприще старался превратить для беженцев Белград — как и Масарик Прагу — в своеобразные «русские Афины». На этом посту Белич оставался до 6 апреля 1941 г. (бомбардировка Белграда), когда ГК прекратила свою работу.

Из русских в состав ГК входили профессор В. Д. Плетнев, М. В. Челноков, Н. Ф. Ходорович (вскоре вместо Ходоровича, уехавшего в Крым, в том же 1920 г. был назначен С. Н. Палеолог) и В. Н. Штрандман, возглавлявший Российскую миссию в Белграде. По занимаемой должности и опыту работы в королевстве Штрандман пользовался безусловным авторитетом и уважением как среди русских, так и в правящих кругах страны. Это был талантливый дипломат, работавший в канун первой мировой войны первым секретарем миссии в Белграде. В 1915 г. он был переведен в Италию. В числе многих царских дипломатов отказался признать советскую власть. Вернувшись в Белград и встав во главе миссии в королевстве, Штрандман занимался делами по обустройству эмигрантов. Эта работа — не всегда учитывавшая запросы российской общины — облегчалась получением денежных сумм из оставшихся фондов бывшей империи за границей

Косик Виктор Иванович — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

и от Красного Креста, чьим председателем в королевстве от являлся. В 1941 г. Штрандман был арестован гестапо, но быстро выпущен по ходатайству итальянского дипломата. В 1944 г. перед освобождением Белграда бежал в Зальцбург (Австрия), затем перебрался в Швейцарию, отсюда — в Вашингтон.

Первоочередная задача ГК состояла в приеме беженцев, обеспечении их кровом и врачебной помощью, а также трудоустройстве через специально созданные «бюро труда». На содержание беженцев королевское правительство ежемесячно выделяло ГК миллионы динаров. Сумма эта не была фиксированной: в 1922 г. она составляла 6 млн дин., в 1927 г. — 3,5 млн дин. [1, д. 82, л. 79, д. 98, л. 51]. В основном ГК занималась техническим распределением финансовых сумм. Упомянутые же «бюро труда», размещенные в каждом большом городе, не всегда отличались эффективностью. В Осиеке, например, из 109 человек, получивших ту или иную работу, только двое были устроены посредством этой организации ГК [1, д. 82, л. 81].

Помощь и защита интересов беженства входили в задачу и таких органов, сформированных в их среде, как «Управление правительственного уполномоченного по делам русских беженцев» (руководитель — С. Н. Палёлог), «Комитет помощи беженцам» и выборные правления колоний, возглавляемые «Бюро съездов представителей колоний Королевства СХС». Они занимались в первую очередь устройством на работу, бытом, рассматривали различные жалобы и претензии. В упоминавшемся уже Осиеке русская колония составляла 319 человек. Из них: имели постоянную службу и не получали пособия — 31, получали плату не свыше 200 дин. — 10 (плата общинского чиновника в начале 20-х годов составляла 800 дин.), имели временный (поденный) заработок — 68, без работы оставались 210. Самостоятельно нашли рабочие места 76 человек, с помощью правления колонии — 31. В колонии были организованы «столовая, кооператив, собрание, построена церковь, оборудовано общежитие ... путем привлечения общественной благотворительности правлением колонии за два года собрано и обращено на пользу беженцев свыше 25 000 динар» [1, д. 82, л. 81—82].

Подобное двоевластие не отвечало интересам королевства, стремившегося при всем доброжелательном отношении к беженцам к большему контролю над ними. Этим, вероятно, и был вызван приказ министра иностранных дел М. Нинчича в 1922 г. о ликвидации деятельности русских учреждений и сосредоточении управления в руках компетентных королевских властей, в частности в ГК. Этот приказ вызвал ряд протестов со стороны колоний, усматривавших в нем посягательство на их самоуправление [1, д. 82, л. 68—69, 73—74].

Говоря о властных структурах, надо упомянуть о неприятных инцидентах на в целом безоблачном фоне отношения к беженцам. Приведу три случая. Судя по письму лесника — бывшего полковника — Б. М. Адамовича из г. Сень от 16 августа 1923 г., местная русская колония подвергалась притеснениям со стороны одного из тамошних начальников, некоего Мравича, вплоть до бесосновательных арестов и вмешательства в чисто семейные дела [1, д. 82, л. 103]. Второй — случай бывшего Генштаба полковника Б. Федорова, служившего в дирекции железной дороги в Суботице — относится к 1930 г. Ему было нанесено словесное оскорбление помощником директора Ж. Иличем, обозвавшим якобы Федорова «русской свиньей». Это получило огласку в кругах беженцев, часть из которых вместе с сербскими войсками вела борьбу в первой мировой войне. Однако все интерpellации различных русских организаций через Штрандмана к правительству были тщетны. Дело замяли, так как свидетелей оскорбления не было, а сам Илич категорически отрицал утверждения Федорова [1, д. 98, л. 139, 142, 143, 147]. Третий случай относится к 1932 г., когда

русским эмигрантом Горгуловым в Париже был убит президент Франции П. Думер. Тогда в газетах началась травля беженцев, не обошедшая и Югославию. В газете «Jugoslovenska politika» появился ряд материалов Д. Павичевича с нападками на русское беженство, упреками его в паразитировании на теле не только югославянских, но и русского народов. Безусловно, обвинения относились не ко всей эмиграции, чьи представители трудились на самых тяжелых работах, а лишь к той части, которую Павичевич объединил под названием «русская мафия». Тем не менее автор все же намеренно сгущал краски и пытался резко противопоставить роскошь русских — прозябанию югославо. Об этом свидетельствуют сами заголовки статей: «Русские наслаждаются — наши голодают», «Русские нас давят», «Русские взбесились» [1, д. 128, л. 32, 36—37]. Статьи Павичевича вызвали не только протесты Штрандмана правительству Королевства СХС, но и жесткую отповедь В. А. Лацковича в газете «Свесловенска политика» [1, д. 128, л. 27].

От защиты и представительства интересов русских беженцев перейдем к их юридическому статусу. В 1919 г., с момента прибытия первых беженцев на территорию страны, королевское правительство дало им официальное название «русских избеглиц», не признающих советской власти. Им был гарантирован ряд прав. В 1924 г. лица, занимающиеся физическим трудом, были уравнианы в правах с местным населением при найме на работу. Лица свободных профессий, в условиях, когда королевство после мировой войны особо нуждалось в них, совершенно не были стеснены в своих занятиях. Большинство из них сразу приняли на государственную службу. Только с 1924 г., когда ряды югославской интеллигенции стали пополняться своими молодыми специалистами, рынок труда для русских стал суживаться. Особенно остро это проявилось после 1926 г. Однако и тогда беженцы могли заниматься врачебной практикой, адвокатурой, профессурой и т. п., но лишь по принятии местного подданства (вначале его могли получать лишь те лица, кто прожил 10 лет в Королевстве СХС, позднее этот срок был сокращен наполовину). При назначении пенсии учитывалась и служба в России. В 30-х годах в закон была внесена поправка, по которой чиновники из среды русских беженцев, имевшие 10-летний стаж государственной службы и бывшие участниками первой мировой войны, в случае прекращения службы имели право на пенсию в размере 900 дин. в месяц [2, 2 II, с. 19]¹. Торговая палата в Белграде разрешала беженцам заниматься в столице торговлей, не требуя от них обязательной для местного населения предварительной приписки к местным общинам. Министерство торговли и промышленности равно как и Торговая палата не ставили каких-либо ограничений беженцам при выдаче разрешений на право торговли, кроме представления формальных свидетельств занятия ими торговлей еще в России. То же относилось и к лицам, желавшим открыть ремесленные заведения. В том случае, если они не могли предъявить необходимых бумаг, они должны были сдать соответствующий экзамен, но с обязательной в том и другом случае припиской к определенному цеху [1, д. 56. л. 72—75 об.]. Согласно решению военного и морского министра П. Пешича от 3 декабря 1923 г., образование, полученное русскими офицерами в военных академиях и училищах, приравнивалось (с незначительной оговоркой в отношении училищ) к рангу соответствующих военно-учебных заведений Королевства СХС [1, д. 92, л. 2].

Административная высылка за пределы страны могла применяться к беженцам в том случае, если они оказывались замешанными в коммунистической пропаганде или шпионаже. В связи с различного рода затруднениями, возникавшими при выдворении нежелательных лиц на территории

¹ Автор благодарит В. А. Тесемникова, предоставившего газетную подборку с материалами С. Лозо о русской эмиграции в Югославию.

других — в основном соседних — государств, власти были вынуждены организовать в 1921 г. особый концлагерь в Мостаре для них, который, однако, был вскоре закрыт. (1921 г. — время принятия репрессивных мер правительством, стремившимся задушить коммунистическую пропаганду в стране). Надо упомянуть, что представления Русской делегации (преемницы Российской миссии), шедшие в основном через ее руководителя Штрандмана, в пользу выслаемых по ошибке или недоразумению, обычно принимались в расчет и всегда приводили к освобождению арестованных в случае подтверждения ошибки [1, д. 56, л. 75].

В числе нерешенных был и вопрос о свободе выезда и получении транзитных виз. Длительная процедура и различные стеснения на проезд в другие государства являлись особенно затруднительными для беженцев, занимающихся торговлей, комиссионерством и т. п. Наличие же нансеновского паспорта далеко не обеспечивало свободу передвижения [1, д. 56, л. 76 об.]. Весьма щекотливым оставался вопрос и об участии беженцев в выборах в Народную скупщину. Согласно статье 70 Конституции, русские беженцы, не принявшие местного подданства, не имели права участия в выборах. Но на практике они, случалось, вносились в списки избирателей. В связи с этим Штрандман в августе 1927 г. писал Палеологу, что «правительство не выражало своего мнения в виде общего распоряжения, воспрещающего русским беженцам участие в выборах. Вместе с тем правительство вполне одобряло принятую мною практику, состоявшую в том, что ... русские люди ... права участия в выборах ... иметь не могут ... Такой ответ посылался ... только в колонии, меня запрашивающие, представляя во всех прочих случаях колониям и отдельным русским беженцам действовать в согласии с их непосредственными интересами» [1, д. 98, л. 10, 64, 66]. Фактически речь шла о том, что русские колонии, зависевшие от благорасположения местных властей и влиятельных лиц, могли быть использованы в партийной борьбе, чего не желало руководство русским беженством в Белграде. И в то же время, считаясь с интересами беженцев, которые могли извлечь определенную пользу от участия в выборах, Штрандман не решался разослать общий циркулярный запрет на участие в голосовании. И последнее — самостоятельность в этом вопросе некоторых колоний указывала на ослабление центра в Белграде и, соответственно, на усиление самостоятельности беженства и его органов на местах.

Ненавидя коммунистов, беженцы оставались русскими людьми, готовыми поделиться во время великого голода 1921 г. даже и теми крохами, которыми располагали. То же самое можно сказать о королевстве в целом. Одними из первых внесли свою лепту кадеты Крымского корпуса. В начале августа 1921 г. они собрали 4332 дин., полученных в результате отказа от пищи в течение суток [1, д. 70, л. 1—2]. 12 августа беженскими организациями был создан Комитет помощи по борьбе с голодом в России под водительством митрополита Антония. В воззвании «Помогите России!», составленном от имени всех русских в Югославии, подчеркивалось: «Россия на краю гибели ... Еще год ... и огромное пространство, занимаемое в былом Российской империей, превратится в безлюдную пустыню ... Нужно вернуть погибающему народу то, что весь мир признал неотъемлемыми правами человека, и вместе со свободой дать ему хлеб и все нужное, чтобы возродиться к новой жизни» [1, д. 70, л. 85—86]. Наряду со сбором пожертвований от русских колоний [1, д. 70, л. 37, 68], комитет через Штрандмана вышел на переговоры с правительством с целью привлечения народов королевства к делу помощи голодающим в России. Власти не замедлили дать согласие. (Желание помочь рождало фантазии. Так, комитет лелеял мечту вывезти детей из России и устроить их в Югославии, дабы тем самым «спасти ... от советского режима» [1, д. 70, л. 60].) В королевстве был создан Народный комитет для помощи детям (председатель М. Попович), который для при-

влечения к ней всех слоев населения решил в «Великую Пятницу» организовать в 1922 г. по всей стране «Русский день» для сбора пожертвований [1, д. 70, л. 63]. В организации помощи голодающим и, в частности, проведении «Русского дня» принимали участие самые различные организации общества, например, Народный женский союз, Общество по воспитанию и защите детей, Общество по охране народного здоровья, Ремесленная палата, Объединение резервных офицеров, Объединение банков, американская миссия, Еврейское женское благотворительное общество, Женское христианское движение, редакции газет «Эпоха», «Слободна реч», «Времена», объединения священников и учителей [1, д. 70, л. 64].

Помогая вместе с югославским народом в организации помощи России, беженцы вместе с тем, естественно, выступали против признания советской власти (имели место, например, массовые протесты колоний против допуска Советской России на Генуэзскую конференцию в 1922 г. [1, д. 77, л. 2—5, 9, 12—14, 19—20, 22—24, 27, 30—32, 34, 38—39, 43—45, 48—49]). Главком Русской армии П. Н. Врангель поставил свою подпись под «Обращением к народам мира» (6 августа 1921 г.), в котором говорилось: «Пока большевизм царит в Европе, политического и социального мира в Европе быть не может ... Кроме продовольственной помощи в этом году надо 1) ультимативно потребовать ухода советской власти, 2) ассигновать нужное количество денег, паровозов и тракторов для засева весной максимального количества русской земли, 3) обеспечить выполнение этой программы организованной военной силой, способной побороть проявления разбойничества и анархии и оградить избрание и первые шаги новой власти» [1, д. 69, л. 3].

Безусловно, положение беженства в королевстве было в своей массе лучшим, нежели в пораженных голодом районах России. Но и здесь являлись нередкими случаи, когда люди кормились подаянием, умирали от голода. Определенная неприспособленность эмигрантов к новым условиям жизни объяснялась не только чисто объективными, но и субъективными причинами. Прежде всего — это извечные русские «авось» да «небось», откуда, в частности, проистекало нежелание учить язык. Помехой для части беженцев являлся и возраст, когда перемена деятельности была связана с трудностями ломки привычного уклада жизни. Наконец, сказывалось и органическое неприятие тех условий жизни, в которых оказались беженцы.

Недостаток рабочих мест и стабильного, достаточного заработка в среде беженцев, не имевших ничего предложить, кроме своих рук, явились причиной создания в 1924 г. «Русского колонизационного бюро». Оно ставило своей целью содействовать переезду беженцев в Южную Америку, где они могли бы организовать фермерские поселения на собственной земле. Подобные проекты получили довольно широкое распространение и в других странах Европы, где осели беженцы. Начало рассеивания беженцев не могло не взволновать руководство эмиграции. Оно провело даже специальное исследование, на основании которого были сделаны такие выводы: переселение в Америку, как частичная мера, может быть выходом для некоторых групп беженцев и вследствие этого нуждается в поддержке; ограниченность переселенческих проектов не вызывает опасений потери больших русских сил, необходимых для будущего России; организация переселения требует участия русских представителей в Южной Америке; необходимо прекращение вербовки до получения широкой информации об условиях жизни будущих переселенцев [1, д. 97, л. 3—4].

На бумаге выходило гладко, но действительность была иной. Сами дипломаты не могли препятствовать организации и выезду соотечественников, денег же на отплытие в Южную Америку у представительств не было. Сбывались худшие опасения русских дипломатов — об использовании переселенцев как бесправных рабов. Один из очевидцев писал в марте 1926 г. из Буэнос-Айреса, предупреждая русскую дипломатию, что земли,

предлагаемые разными спекулянтами, стремящимися «нагреть руки» на «белых рабах», никуда не годны. Это делается «для разрядки Европы от „русского засилья“ или попросту с целью уничтожения истинно русских людей, ибо едва ли те, что будут переселены сюда ... вернуться когда-либо на Родину» [1, д. 97, л. 7—8]. Но русские дипломаты были бессильны. Готовились и отправлялись группы (в основном из казаков) в Аргентину, Бразилию, Перу и т. д. Конечно, некоторые группы приживались в новых условиях, но были и такие, которых постигла судьба, похожая на судьбу группы генерала Павлюченко. Она состояла из сотни казаков, решивших отправиться в Перу. Вербовка была проведена братьями Королевичами. Желая привлечь на свою сторону Штрандмана как возможного союзника и обезопасить свое «дело» от каких-либо затруднений, один из братьев в письме, датированном 1930 г., к русскому дипломату характеризовал Перу как страну, весьма благоприятную во всех отношениях для переселенцев [1, д. 97, л. 18—23]. Но реальность являлась совсем иной. Полученная земля была малоплодородной, условия жизни и работы — более чем отвратительными, заработок приходилось отдавать Королевичам за проезд до Лимы. Когда же казаки решили «рассчитаться» с вербовщиками за обман и найти какую-либо работу в перуанской столице, Павлюченко обвинил их в большевизме. После содержания в тюрьме казаки были интернированы на одном из небольших островов. Большинство из них там и умерли, оставив после себя потомство с медным оттенком кожи и русскими именами [2, 20 I, с. 27].

Перед теми беженцами, которые решили осесть в королевстве, стояли несколько иные задачи. Прежде всего это была задача воспитания и образования подрастающего поколения. В стране действовали русские как военные, так гражданские учебные заведения, нашедшие приют в Югославии вместе с армейскими частями. Они были поставлены под контроль одного из отделений ГК, занимавшегося учебно-воспитательными делами.

В списке военных заведений числились Русский кадетский корпус, составленный из Одесского Вел. князя Константина Константиновича и Киевского кадетских корпусов, Донской императора Александра III кадетский корпус, Крымский кадетский корпус. Их численность на 1923 г. соответственно была: 310, 320, 520 кадет [1, д. 43, л. 78 об.]. В том же 1923 г. существовало и Николаевское кавалерийское училище в Белой Церкви, куда позднее были перемещены все три названные корпуса. Некоторое представление о составе кадет можно получить на примере Русского кадетского корпуса (на 1921 г.): треть не имели отцов, две трети не имели в королевстве ни отца, ни матери, треть сражались в свое время в рядах Добровольческой армии [1, д. 43, л. 11]. Условия их жизни были довольно тяжелыми. Время от времени происходили самоубийства. Причина этого, по мнению военного агента генерал-майора Д. Н. Потоцкого, лежала в осознании безнадежности изменения тяжелых условий, тоска по Родине [1, д. 43, л. 14]. Ликвидации этих мрачных явлений была подчинена работа преподавателей, старавшихся заполнить внеклассное время кадет разнообразной деятельностью. Так, в Крымском корпусе был создан оркестр, организованы сапожная, переплетная, плетеночная и столярные мастерские, сооружен иконостас в церкви, устроен театр [1, д. 43, л. 14].

По окончании корпусов многие кадеты поступили и закончили Военную академию королевства. Из пятисот ее российских питомцев во время второй мировой войны двое были взяты в плен немцами как офицеры королевской армии, девять сражались в рядах Сопротивления, большинство же перешли на сторону оккупационных войск [2, 28 I, с. 19]. Истоки этой статистики могут быть объяснены довольно банально. Прежде всего это ненависть к большевизму, лишившему их Отечества, которое могло быть переустроено на желанных началах лишь после поражения СССР.

Безусловно, воспитание в монархическом духе велось и в гражданских учебных заведениях — институтах, гимназиях, училищах. На территории королевства размещались: Мариинский Донской женский институт в Белой Церкви (200 воспитанниц, начальница Н. В. Духонина), Харьковский девичий институт в Турском Бечее (250 воспитанниц, начальница М. А. Неклюдова), 1-я Русско-Сербская девичья гимназия в Великой Кикинде (220 воспитанниц, начальница Н. К. Эрдели), Русско-Сербская гимназия в Белграде (285 учеников), гимназия в Поновице (150 учеников), реальные училища в Земуне, Нови Саде, Загребе, Поновице. Кроме них, к 1923 г. под руководством «Земгора» (объединение российских земских и городских деятелей, созданное как неполитическая организация в Праге, Белграде, Париже в начале 20-х годов) работали следующие заведения: Белградский детский дом с приготовительной школой и женской гимназией с I по IV классы; Панчевский детский дом с приготовительной школой и гимназией с I по IV классы; Сараевский детский дом с приготовительной школой; детский дом в Нови Саде с приготовительной школой и гимназией с классами I—III, VI; Загребский детский дом с приготовительной школой и гимназией с классами I, III—VIII; подготовительные группы в Герцег-Нови (около 20 детей), Дубровнике (около 32 детей), Бечкерече (около 15 детей), Сомборе (17 детей), Княжевце (15 детей), Вршаце (25 детей) [1, д. 43, л. 78 об., 88].

Наряду с профессиональными педагогами в этих учебных заведениях работали княжна М. А. Оболенская, графиня Е. А. Уварова (Мариинский Донской институт), полковник С. К. Коншин преподавал чистописание в Харьковском девичьем институте, библиотекарем в 1-й Русско-Сербской девичьей гимназии был Генштаба полковник Б. Н. Сергеевский [1, д. 43, л. 81—84]. Последний в 1941 г. стал директором Русско-Сербской гимназии в Белграде.

Отпуская значительные средства на образование низшей и средней ступеней, правительство не упускало из вида и получение русской молодежью высшего образования. Около 1,5 тыс. студентов (40% были инвалидами гражданской войны) могли заниматься в высших учебных заведениях и имели свои центры под названием «Русский студенческий дом» в Белграде и Загребе [2, 28 I, с. 19]. Однако, по мнению Белича, этого было недостаточно. Он развивал идею создания особого Русского университета, где учащиеся могли получить высшее образование в тех отраслях, в которых его не могли дать «юридический и философский факультеты Белградского университета, потому что они строго национальны». Этот университет мог и должен был стать центром также и научной жизни [1, д. 43, л. 67].

Скорее всего, эта идея и послужила толчком для разработки и реализации обширного плана в сфере культуры. В 1928 г. на основе соглашения МИД и Министерства просвещения с Президиумом ГК был создан Русский культурный комитет (РКК). В его состав вошли министры К. Кумануди, М. Грол, М. Трифунович, профессора С. Урошевич и Б. Гаврилович, А. Белич, В. Н. Штрайдман, секретарем был поставлен Б. Орешков. На первом заседании РКК 29 мая 1928 г. Белич подчеркнул, что целью новой организации является подъем и развитие тех граней жизни, «без которых особенно русский интеллигентный человек считает себя вычеркнутым из культурной жизни — науки, литературы и искусства, в которых он занимает достойное к общей чести Славянства место». Было решено, что РКК сформирует Русскую публичную библиотеку, Русский литературно-художественный журнал, Русское книгоиздательство, Русский научный институт (РНИ), художественные студии — музыки, живописи, театра [1, д. 258, л. 2, 4]. Для реализации программы РКК ГК были предоставлены средства в размере 300 тыс. дин. в месяц. Председателем РКК был избран Белич. Работа началась по всем заданным направлениям.

Так, РНИ замышлялся прежде всего как учреждение, составленное из русских кафедр по специально русским предметам. Предусматривалось издание научного журнала, поддержка молодых научных сил. Эти планы довольно последовательно проводились на практике. Руководителем РНИ первоначально являлся профессор Е. В. Спекторский, которого в 1930 г. сменил Ф. В. Тарановский. В правление РНИ входили уже упомянутый Спекторский, Г. Н. Пио-Ульский, А. П. Доброклонский, С. М. Кульбакин, Н. Н. Салтыков, Белич [3, с. 132—134]. За год с небольшим своего существования в РНИ был открыт ряд кафедр, где кроме местной профессуры читали лекции такие ученые, как П. Б. Струве, Н. О. Лосский, Г. В. Флоровский, А. А. Кизеветтер, Д. П. Рябушинский, литераторы Д. И. Мережковский, К. Д. Бальмонт, Е. П. Чириков. РНИ выделил ряд стипендий молодым талантливым исследователям: Маркову, Чернявскому, Мошину, Мартино, Афанасьеву, Рыковскому, Остроухову, Черносивову и Воронцу [1, д. 258, л. 37].

Успешно продвигалась работа по организации издательской комиссии. Уже к декабрю 1928 г. удалось установить контакты с И. А. Буниным, А. И. Куприным, А. В. Амфитеатовым, Д. И. Мережковским, Б. К. Зайцевым, И. С. Шмелевым, М. А. Алдановым, Е. П. Чириковым, В. И. Немировичем-Данченко, А. М. Черным, З. Н. Гиппиус, К. Д. Бальмонтом, В. Ф. Ходасевичем, С. Н. Мельгуновым. Были изданы произведения Мережковского, Чирикова, Гиппиус, Зайцева, Амфитеатрова, Куприна, Шмелева, Ремизова, Бунина, Бальмонта, напечатаны сборник сербских народных песен, а также несколько выпусков русских сказок [1, д. 258, л. 20, 30].

В поле деятельности РКК находилась и Русская публичная библиотека, число читателей которой к концу 1929 г. достигло 900 человек [4, с. 151—161]. Этому несомненно способствовал чрезвычайно быстрый рост книжных фондов. Лишь за десять месяцев 1929 г. было приобретено свыше 4 тыс. томов на сумму 150 тыс. дин. [1, д. 258, л. 29].

В 1929 г. была открыта и театральная школа А. Ф. Черепова с классами художественного чтения, ораторского искусства, сценической практики для певцов и учеников частных школ пения, техники движения и мимики, культуры тела. К концу года в ней насчитывалось 108 человек — как русских, так и сербов — в возрасте от 18 до 63 лет. В целях объединения учеников и друзей школы один день в неделю был выбран для встреч под названием «Субботник содружества» [1, д. 258, л. 31]. Однако вскоре школа была закрыта вследствие скандала вокруг личности самого Черепова. Лишь с помощью Белича — «русского батьки», как звали его беженцы, — Черепов был в 1933 г. поставлен одним из руководителей Русского драмтеатра в Русском доме имени Николая II [2, 29 I, с. 19]. Было открыто в Белграде и Русское музыкальное общество, где с сентября 1929 г. сформированы трехклассные курсы истории и теории музыки с регентским отделением (число слушателей — 15 человек), организован оперный класс (10 певцов). Там же происходили спевки хора им. Глинки и двух церковных хоров (Дворцовой и Русской церквей). Как и в театральной школе, здесь устраивались «воскресники» при участии студии художников. С августа 1929 г. была организована и Художественная студия, объединявшая 35 человек. При ней действовала школа с классами живописи, скульптуры и рисования. Руководителями классов являлись скульптор С. Алисов и художник С. И. Кучинский [1, д. 258, л. 34; 3, с. 134—135]. Судя по финансовому отчету РКК за 1928—1929 г., на содержание новых институций было истрачено около 1 млн дин. [1, д. 258, л. 39]. Но этим не ограничилось. 2 февраля 1930 г. в РКК была поставлена задача постройки Дома русской культуры. В качестве архитектора пригласили В. Ф. Баумгартена, исполнителем строительных и столярных работ стало предприятие архитектора М. Секулича, остальные работы по установке необходимого оборудования доверены фирме

«Прогресс». Дом был построен в рекордно короткий срок — уже в 1933 г. все работы были завершены. Югославской казне он обошелся в значительную сумму. Только Секулич получил свыше 7 млн дин. [1, д. 258, л. 56—64]. Дом стал центром политической, научной и культурной жизни русского беженства [4, с. 154—159].

В сильно исковерканном переделками виде и под вывеской Дома советской культуры он сохранился до настоящего времени, чего нельзя сказать о здании Русской миссии, на территории которой он был построен. Этот дом, располагавшийся напротив княжеского дворца и украшавший центр Белграда, был частично разрушен во время войны, а в 1948 г. — печально известном для советско-югославских отношений — снесен [5].

В королевстве активно действовали различные военные союзы, имевшие свои отделения почти в каждой колонии. В целях централизации и, соответственно, укрепления связи между ними в начале 20-х годов был создан «Совет объединенных офицерских обществ». Следующим шагом в деле укрепления армии стало издание в сентябре 1923 г. приказа № 82. Его суть состояла в том, что все офицеры должны были пройти регистрацию в одной из офицерских организаций, если считали себя сторонниками белого движения. Месяцем позже Врангель утвердил постановление, согласно которому члены офицерских организаций ни под каким видом не имели права состоять в политических партиях или политических организациях. Исключения могли допускаться лишь с разрешения «Совета объединенных офицерских обществ». В то же время не исключалась возможность связи между офицерскими союзами и дружественными армии организациями политического характера. Она могла поддерживаться посредством лекций и докладов представителей политических партий или через информацию, получаемую через представителей офицерских обществ. Посещение публичных лекций, докладов, собраний не возбранялось, но офицеры не должны были участвовать в прениях или в вынесении постановлений по политическим вопросам [1, д. 82, л. 107—107 об.]. В качестве примера можно привести запрет членам РОВС вступать в члены образованного в 1934 г. «Российского патриотического общества имени государя императора Николая II» вследствие его политического характера и неизвестности лиц, стоящих во главе общества [1, д. 82, л. 138 об.].

Упомянутый РОВС (Российский общевоинский союз, создан в 1924 г.) являлся наиболее мощной военной организацией, чей центр с момента создания по 1927 г. находился в Белграде. Формально РОВС, имевший свои отделения в различных государствах, был зарегистрирован как гуманитарная организация для моральной и материальной поддержки военных белоэмигрантов. Фактически же он создавался для борьбы с большевизмом. В списке стран, где была развернута деятельность РОВС, Югославия занимала третье место по численности членов этого союза. (К середине 30-х годов в королевстве насчитывалось 25 тыс. членов РОВС). Начальником РОВС в Югославии являлся И. Г. Барбович. (Во время гражданской войны он командовал конным корпусом. В Королевство СХС прибыл из Галлиполи вместе со своими частями, разместив их затем в пограничные части югославской армии.) В своей работе Барбович опирался на группу особо доверенных лиц. Среди них были Базаревич, В. Пронин, Э. Месснер. Помощник военного агента Российской делегации Потоцкого в королевстве Базаревич выполнял работу кадровика. Его особая задача заключалась в устройстве в королевскую армию офицеров и специалистов, дабы они имели материальное содержание и были в курсе современных военных достижений. Полковник В. Пронин отвечал за обучение и подготовку молодежи для пополнения офицерского корпуса РОВС. Э. Месснер являлся шефом разведки РОВС в Югославии. (В 1941 г. участвовал в работе по формированию «охранного корпуса» из русских [2, 14 II, с. 19].)

В идеологии РОВС важное место отводилось трудам профессора И. А. Ильина (его сочинения активно издаются сейчас в России).

Ядро РОВС составляли «Союз галлиполицийцев», «Союз первопоходников», «Союз офицеров Генерального штаба». Центры этих организаций также находились в Белграде. На территории королевства проживали 4 500 «галлиполицийцев» при общей их численности 14 500 человек. «Союз первопоходников» был основан в 1919 г. в России после 1-го Кубанского (Ледяного) похода под командой Л. Г. Корнилова. В Югославии насчитывалось всего несколько сот «первопоходников». Как и «галлиполицийцы», «первопоходники» имели свои отделения во многих городах королевства. Там, где их не было, интересы «первопоходников» представляли «галлиполицийцы» или «Союз офицеров Генерального штаба».

В королевстве действовали и ряд других союзов, обществ, объединений, например, «Земгор», «Русское народное ополчение», «Союз русской национальной молодежи», «Братство русской правды», «Союз русских офицеров — участников мировой войны». Для характеристики последнего достаточно того факта, что во время советско-финляндской войны он предложил Финляндии взять на себя определенный участок фронта для борьбы с большевиками [2, 10 II, с. 27].

Говоря о деятельности РОВС в Королевстве СХС, нельзя не упомянуть и о системе обучения, делившейся на три курса (низший, средний, высший). Окончание последнего с четырехлетним сроком обучения давало право выпускнику на чин генерал-штабного офицера. Генерал А. С. Лукомский в конце 1930 г. в интервью американскому журналисту Дж. Кенту говорил: «Во всех странах у нас есть свои школы ... В тех школах учатся топографии, тактике, стратегии, вооружению ... и всему тому, что должен знать офицер». Кроме офицерских школ, существовали диверсионные и разведывательные семинары. В 1931 г. подобный семинар был открыт и в Белграде [2, 15 II, с. 21].

Совершенно иной организацией был «Земгор». С его деятельностью связано имя полковника Махина, долгое время руководившего этим объединением. Сам Махин прошел сложный путь от монархиста, затем эсера, бывшего одним из руководителей чешского восстания на Волге в 1918 г., до члена Коммунистической партии Югославии. Во время народно-освободительной войны он фактически являлся «мозгом» Генерального штаба у Тито [5].

Возглавляемый им «Земгор» был известен своей деятельностью на ниве просвещения. В его библиотеке в Белграде можно было знакомиться с советской периодикой и литературой: учащаяся молодежь с увлечением читала роман Н. А. Островского «Как закалялась сталь», с интересом просматривала такие газеты, как «Вечерняя Москва», «Комсомольская правда» [5].

Научный отдел «Земгора» издавал на сербохорватском языке (кириллицей и латиницей) журнал «Русский архив», посвященный политике, культуре и экономике России. На страницах журнала, где главным редактором являлся Вл. Лебедев, печатались в основном русские и югославские авторы. Как указывалось на обороте титульного листа, «Русский архив» на основании решения министра просвещения от 12 февраля 1929 г. мог покупаться школьными и педагогическими библиотеками. Там же значилось и решение министра по делам вероисповеданий от 29 декабря того же года, где журнал рекомендовался всем школам для большего знакомства учеников с «братской Россией» и «укрепления любви нашего народа к России».

Русское общество с его различными организациями и структурами делилось на два ярко выраженных крупных лагеря — пораженцев и оборонцев. Первые, считая, что власть в России сильна настолько, что изнутри ее взорвать нельзя, видели возможность ее свержения и, соответственно,

спасение России в интервенции. Вторые же, веря во внутреннее перерождение России, выдвигали и защищали тезис о том, что какая бы ни была власть на Родине, но в случае войны какой-либо державы с СССР необходимо выступать в защиту границ своего отечества под лозунгом «Ни пяди русской земли». К оборонцам принадлежали С. В. Рахманинов, Е. Ю. Кузьмина-Караваева, А. И. Деникин и многие другие. В этот лагерь входил и «Союз младороссов», образованный в 20-е годы. Во главе союза стоял А. Л. Казем-Бек, прямой потомок известного профессора-востоковеда А. К. Казем-Бека. Политическая программа младороссов представляла собой смесь монархизма с социализмом. Будучи монархистами-легитимистами, они в то же время считали возможным применить в России и некие социалистические идеи. Подтверждением этого могут служить их лозунги: «Царь и советь», «Социальная монархия», «Союзная империя», «Национальная плановость». Не менее важным для понимания младороссов является их первый лозунг — «Ни белые, ни красные, но русские» (слово «белогвардеец» вообще, надо сказать, не употреблялось в среде эмиграции, где его считали бранным). В 30-е годы «Союз младороссов» издавал ряд газет: «Младоросская Искра», «Бодрость», «Кураж», «Русское дело». В последней, как вспоминает Н. И. Толстой, сотрудничал И. И. Толстой, печатались молодые поэты А. П. Дураков, И. Н. Голенищев-Кутузов [5].

С именем И. И. Толстого — активного деятеля в «Союзе младороссов», где он был «политруком», что страшно шокировало эмигрантов — связана обещавшая страницы многих зарубежных изданий жесткая полемика с пораженцами. Первый диспут был связан с событиями на КВЖД и угрозами СССР со стороны Японии. Собрание происходило в Русском доме. Основной доклад делал П. Б. Струве, занимавший пораженческие позиции и призывавший эмиграцию быть вместе с Японией. Толстой же, горячо защищая оборонческие позиции, заявлял, что эмиграция, во всяком случае молодая, не будет на стороне врагов России. Речь Толстого с едкими пассажами в адрес Струве и Милюкова наэлектризовала аудиторию, где присутствовало много пораженцев. Фактически диспут получился с явными элементами скандала. Атмосфера диспута была передана в стихотворении, опубликованном на страницах студенческого юмористического журнала «Бух!», стоявшего на позициях оборончества. Благодаря памяти Н. И. Толстого, присутствовавшего на этом собрании-диспуте, и воспроизводится это стихотворение.

Разрезал воздух звук сирены
нам с политической арены.
К развлечению Белграда
было сразу два доклада.
В одном, трягнувши бородой,
явился Струве пред толпой.
Он говорил, что русским надо
лизать и пятки у микадо!
Я передать всего не смею.
Он нес такую ахинею,
такую ересь и сумбур:
раз мы отдали Порт-Артур,
мы отдадим Иркутск и Томск,
Якутск, Хабаровск, город Омск.
Богата Русь вообще землей,
он рёк, трягнувши бородой.
Японцы — лучшие друзья,

и младоросский политрук
доволен был женой, обедом,
но не доволен славным дедом,
и в политическом угаре
он возражал, как на базаре,
такой поднялся кавардак:
звонил Даватц и так и сяк.
Он был убогий председатель,
вы очевидец, мой читатель,
и даже Знаменский жандарм
кричал с галерки: «все аух агнес».²
Вопили старцы и юнцы
и национальные мальды,
как исступленные евреи,
вопили дико с галереи:
Убей его, распни, распни!
Но Струве, Боже сохрани!

² «К оружию» (франц яз.).

пусть в том порукой буду я.
И на него, как Божий бич,
свалился граф Илья Ильич.
Илья Ильич был славный малый,
но временами просто шальной.
Толстого Льва последний внук

Ушла вся группа младороссов,
ушел и Петя Абрикосов,
ушел с собранья граф Илья,
ушел со скуки даже я,
но про другой еще доклад
я сообщить Вам очень рад.

Здесь необходимы некоторые комментарии, любезно сообщенные Н. И. Толстым: В. Х. Даватц — журналист, автор ряда книг об эмиграции; Знаменский — жандармский полковник; «национальные мальцы» — члены «Национально-трудового союза нового поколения» (в просторечии нацмальчики), избравшие методом борьбы террор, пытались проникнуть в гимназии и кадетские корпусы со своей идеологией, но большого успеха не имели; Петя Абрикосов — собирательный образ русского студента в Белграде [5].

Второе собрание состоялось в 1936 г. на тему: с кем будет русская эмиграция в случае войны с Германией. На нем опять выступал Толстой, но уже без Струве. В речи, выдержанной в духе оборончества, Толстой, цитируя «Майн Кампф», где говорилось, что немецкий меч должен дать немецкому плугу землю на Востоке, предупреждал об агрессивности Германии. Об этом же писали и евразийцы. В этой предгрозовой ситуации характер оборончества выявлялся все ярче [5].

Вхождение немецких, венгерских, итальянских, болгарских войск в Югославию и начавшаяся война против СССР поставили напрямую перед русским обществом в Югославии проблему выбора. Многие вступили в ряды Сопротивления: уходили в партизаны, переходили на нелегальную работу. Были и другие, кто посылал Гитлеру благодарственные телеграммы «за освобождение от двадцатилетнего рабства в Югославии», кто заявлял: «Пришло наше время. Да здравствует Гитлер и мощная немецкая армия, с которой мы идем плечом к плечу в бескомпромиссной борьбе против наших смертельных врагов коммунистов» [2, 20 II, с. 17]. Свое место они находили в рядах «Охранного корпуса», сформированного в 1941 г. под эгидой гитлеровского командования.

Но не все шли в корпус в добровольном порядке. Примером может служить история с казачьими организациями. По воспоминаниям В. Е. Генералова (его дядя, В. Д. Генералов, был повешен вместе с А. И. Ульяновым), в среде казаков образовалась группа, выступавшая против вступления в «Охранный корпус». Она сформировала «Союз вольных казаков», не признававших власти атаманов. Союз поставил перед собой цель удерживать казаков «от политических выступлений и всячески бороться против вступления в корпус или в какую-либо другую воинскую часть». Эта задача выполнялась успешно. Ни один казак из Союза не вступил в корпус. Лишь по прошествии двух с лишним лет, вследствие измены идее Союза его председателя Полякова, около сотни казаков были «загнаны в корпус, но значительная часть сумела уклониться» [1, д. 251, л. 107 об. 108].

Как вспоминает Н. И. Толстой, по созданию «Охранного корпуса» все думали о том, чтобы попасть в Россию. Однако туда их не посылали, основательно опасаясь того, что, увидев фашистские зверства, они бы отказались воевать против своего народа. Задача корпуса в основном сводилась к охране железных дорог в Сербии. Редко участвовали солдаты корпуса и в операциях против партизан. Но все это не означало, что их не боялись. В 1944 г., когда Красная Армия вступила в пределы Югославии, «Охранный корпус» был немедленно отправлен на Сремский фронт, где многие погибли, а часть попала в плен, как сын А. П. Кутепова [5].

Весьма скупы материалы и об участниках Сопротивления. В Архиве внешней политики России был найден лишь небольшой по объему материал

о противниках «нового порядка» в среде русской эмиграции. В основном документы относятся к деятельности известного «Союза советских патриотов», созданного в 1941 г. в Белграде. Численность его была невелика, так как многие его потенциальные члены сразу ушли в партизаны, другие попали в концлагеря, третьи были угнаны на работы в Германию. К 1943 г. его составляли всего 80 человек. По своей структуре Союз был разбит на тройки. Первую составлял ЦК, куда входили Ф. Е. Высторонский, Вл. Лебедев, И. Одишелидзе. Члены этой организации занимались активной работой: печатание прокламаций, сбор санматериалов, оружия, создание конспиративных квартир, отправка желающих в партизаны. К июлю 1944 г. на свободе осталась лишь горстка людей почти без руководителей: Высторонский попал в лагерь, откуда был этапирован в Германию, Одишелидзе погиб в бою, Лебедев заключен в спецтюрьму. По освобождению последнего из заключения члены Союза связались с одной из групп Сопротивления (группа «Драган», связь — «Миша», Милош Божович). Во время освобождения Белграда «патриоты» оказывали самую разнообразную помощь в изгнании немецких войск [1, д. 249, л. 4, д. 251, л. 60].

В материалах «Союза советских патриотов» отложился ряд документов под названием «Жизнеописания». В этих своеобразных анкетах (по времени написания они относятся к тому моменту, когда Белград был освобожден) желающие вступить в Союз писали о своей жизни в период оккупации. Например, А. Г. Логунов в мае 1944 г., выйдя на связь с антифашистской организацией, занимался печатанием прокламаций, сбором медикаментов, участвовал в переправке групп к партизанам. Е. К. Лобачева собирала санматериалы, укрывала военнопленных, бежавших из немецких лагерей. И. И. Толстой бросил работу, как только фирма, где он трудился, перешла в немецкие руки. Оставшись без средств к существованию, стал сапожничать сначала в Белграде, потом в Новом Бечее [1, д. 251, л. 3—3 об., 19, 28—30].

В целом же, как подчеркивал Н. И. Толстой автору настоящей статьи, многие имена и судьбы русских людей, сопротивлявшихся фашизму, канули в Лету: в России их считали белыми, в Югославии после 1948 г. — сталинскими шпионами. На Родину вернуться удалось немногим. Одним из них был он сам, вошедший в ряды Красной Армии в 1944 г., а в 1945 г. вернувшийся в Москву [5].

И в заключение очерка хотел бы напомнить одну тривиальную истину: наше знание о российском «исходе» — только начало пути. И еще. Будем помнить, что нет истории эмиграции, а есть история нашего Отечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики России, ф. Российская миссия в Белграде, оп. 508/3.
2. Лозо С. Од двоглавог орла до кукастог крста. Руска белоэмиграција у Југославији.— Политика Експрес, Београд, 1976.
3. Тесемников В. А. Российская эмиграция в Югославии 1919—1945 гг.— Вопросы истории, 1988, № 10.
4. Писарев Ю. А. Российская эмиграция в Югославии.— Новая и новейшая история, 1991, № 1.
5. Запись воспоминаний Н. И. Толстого (архив автора).

НИКИФОРОВ К. В.

РУССКИЙ БЕЛГРАД

(К вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов)

В Королевстве сербов, хорватов и словенцев русские эмигранты появились после трех крупных эвакуаций с юга России: французская эвакуация из Одессы в апреле 1919 г., эвакуация после сдачи белыми Новороссийска и Одессы в январе 1920 г. и, наконец, самая многочисленная эвакуация из всех крымских портов после захвата полуострова красными осенью 1920 г. [1, с. 11]. Всего в Югославию прибыло около 70 тыс. человек. Однако особенностью русской эмиграции на Балканах была ее высокая мобильность. Уже к концу 20-х годов, прежде всего вследствие роспуска русских военных формирований, эмигрантов в Югославии осталось вдвое меньше. К началу же второй мировой войны их было уже менее 25 тыс. [2, 1, 5 II; 3, с. 20].

Примерно одна треть русских эмигрантов проживала в Белграде, испытывавшем после разрушительной войны особо острую нужду в квалифицированных специалистах. Главным образом в Белграде осели и оказавшиеся на чужбине русские архитекторы. Уже в начале 20-х годов ими было создано «Объединение русских архитекторов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев», в которое входило 40 человек. Деятельность русских архитекторов оставила заметный след в югославском градостроительстве и прежде всего в Белграде. Именно их работы наиболее зримо свидетельствуют сейчас о многолетнем присутствии русской диаспоры в Белграде, придают этому городу в какой-то степени русский колорит. Русские архитекторы, с одной стороны, сооружали здания и памятники для нужд своей общины, а с другой — отстраивали столицу увеличившегося в три раза государства. Белград постепенно утрачивал турецкие черты, а взамен приобретал черты русского ампира, стиля, который неожиданно через сто лет вновь стал широко использоваться в архитектуре города [4].

Центром русского зарубежья в Белграде стала действующая до сих пор русская церковь Св. Троицы в Ташмайданском парке. До ее постройки для своих религиозных нужд эмиграция использовала сербский храм Св. Александра Невского, воздвигнутый в конце XIX в. на месте русской военной часовни. И сейчас в этом храме находится мраморная плита, на которой золотыми буквами написано: «Николаю II — царю-мученику».

Организатором отдельного русского прихода и строительства русской церкви был протоиерей о. Петр Беловидов. С большим трудом он получил

Никифоров Константин Владимирович — канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

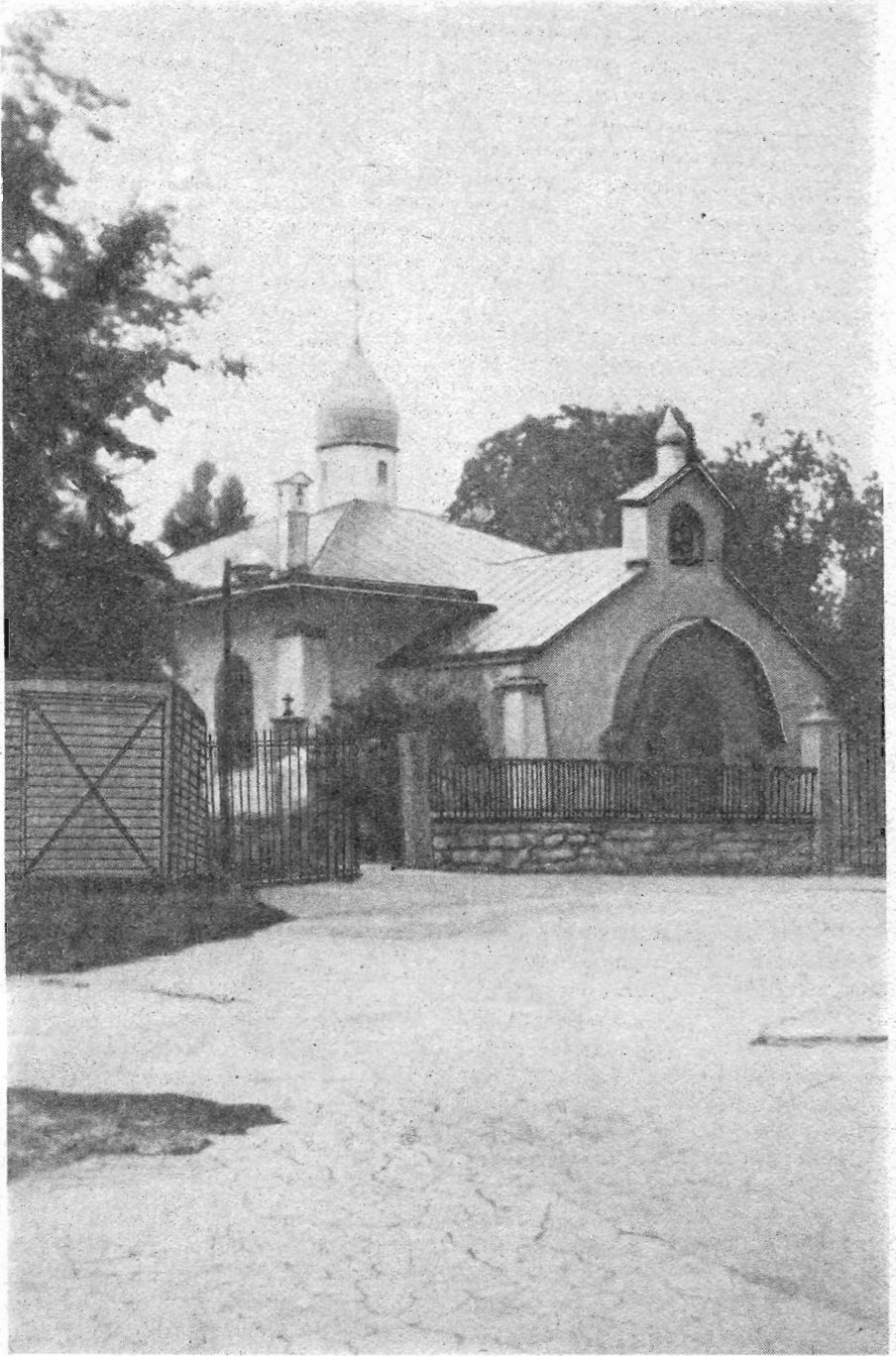

Рис. 1. Церковь Св. Троицы

разрешение на устройство временной переносной церкви и рискнул использовать его для более основательного замысла: вместо нее по проекту военного инженера и архитектора В. В. Сташевского в 1924 г. была выстроена скромная каменная церковь шатрового типа с прекрасным иконостасом в древнерусском стиле с одной из святынь верующей России — иконой Курской

Рис. 2. Иверская часовня

Богоматери. Церковь Св. Троицы стала кафедральным собором иерарха Русской православной зарубежной церкви, бывшего митрополита киевского и галицкого Антония (А. П. Храповицкого). В этом храме хранились знамена и штандарты старых полков российской армии. Здесь в мраморной гробнице, справа от главного входа похоронен генерал, барон П. Н. Врангель — последний

Рис. 3. Памятник Николаю II и русским воинам 1914—1918 гг.

белогвардейский верховный главнокомандующий. Врангель скончался в 1928 г. в Брюсселе (Бельгия), но по завещанию его прах в 1929 г. был перенесен в Белград в русскую церковь. Вскоре русскую церковь заслонил воздвигнутый монументальный сербский собор Св. Марка, который поглотил и одноименную небольшую церковь, где покоились убитые в 1903 г. во время заговора король Александр Обренович и королева Драга [1, с. 23—29].

Другим «русским местом» в Белграде стал русский участок на городском, так называемом Новом кладбище. Во второй половине 20-х годов председатель «Общества попечительства духовных нужд» княгиня М. А. Святополк-Мирская обратилась к белградским властям с просьбой выделить землю на кладбище под русские могилы. В 1929 г. было выделено три участка

на Новом кладбище, и в 1931 г. В. В. Сташевским была воздвигнута часовня. Она была точной копией знаменитой, но разрушенной в 1929 г. за одну ночь Иверской часовни в Москве, находившейся недалеко от Исторического музея. Белградская Иверская часовня знаменательна своей символикой. В ней над царскими воротами находится икона Успения Богородицы, вывезенная из Киева; справа в иконостасе — копия иконы Спас Нерукотворный из Санкт-Петербурга, из «домика Петра Великого»; а с левой стороны — Иверская икона, покровительница Москвы, ранее присланная со Святого Афона, писанная специально афонскими монахами. Таким образом, в Иверской часовне на чужбине символически сошлись все три исторические столицы земли русской. Горсть этой земли при освящении часовни была замурована в престол в алтаре [5].

Рядом с Иверской часовней на русском участке кладбища находится построенный позже чуть ли не единственный в мире памятник миллионам русских солдат, погибших на фронтах первой мировой войны. Инициатором создания монумента, известного как памятник Русской славы, был полковник (позднее — генерал) М. Ф. Скородумов, с большим трудом получивший от белградского городского управления двадцать квадратных метров земли на кладбище. Скородумов — человек крайне правых взглядов, пользовался в среде эмигрантов уважением как участник первой мировой и гражданской войн, Георгиевский кавалер, одиннадцать раз раненый и потерявший в боях правую руку. Он организовал специальную кампанию по сбору необходимых средств. Так, каждый камень, пошедший на строительство памятника, был оценен в 300 динаров, а на нем выбивалась фамилия дарителя [2, 18 II].

Памятник Русской славы (Николаю II и русским воинам 1914—1918 гг.) был воздвигнут в 1935 г. по проекту архитектора Р. Н. Верховского. Ему же принадлежали и все скульптурные работы. Монумент был выполнен из серого камня в форме артиллерийского снаряда, на вершину которого была помещена фигура ангела с поднятыми вверх крыльями. У подножия памятника полулежит на знамени русский воин, держащий в правой руке шашку. В середине снаряда находится русский герб — двуглавый орел и дата — 1914 год. На левой стороне — написано по-русски: «Вечная память императору Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны». На задней стороне памятника — надпись по-сербски: «Храбро павшим братьям-русским на Салоникском фронте. 1914—1918». К памятнику ведет несколько ступенек, под ними — часовенка-склеп. Над входом в нее еще одна надпись: «Спите, орлы боевые». Внутри часовни — три окошка с двуглавыми орлами на стеклах. В склепе похоронены останки погибших на Салоникском фронте 387 солдат и офицеров (всего погибло более шести тысяч); 136 солдат и офицеров двух русских батарей под командованием полковника П. Приходского, павших при обороне Белграда; четырех русских военнопленных, расстрелянных австрийцами в Горажде за отказ грузить снаряды на сербский фронт; двух русских моряков с монитора «Тирасполь», погибших у Кладова; около ста русских солдат, умерших от ран в госпиталях на территории Югославии, оккупированной Австрией. В часовню памятника перенесен также сделанный сербами из железнодорожных рельсов большой крест, на котором написано: «Русские герои, жизнь свою положившие за свободу Сербии». При открытии и освящении памятника-склепа служил сам сербский патриарх Варнава. Он, в частности, сказал: «Мы... давно, давно ожидали этого благословенного дня, когда из глубины своего сердца можем вознести горячие молитвы об упокоении наших братьев русских воинов, которые поднялись, как один человек, за свободу маленькой Сербии в наиболее тяжелый момент ее истории и которые пали за эту свободу» [1, с. 38—46].

С памятником Николаю II и русским воинам связана одна любопытная

Рис. 4. Русский дом

история. Каждый год в период между двумя войнами представители государств Антанты, объединившиеся в организацию Фидак, служили панихиды, возлагали венки, отдавали воинские почести и исполняли государственные гимны на всех союзнических военных кладбищах. И только перед памятником Русской славы, в первый год после его постройки, венки были возложены без всяких почестей. После этого организацию Фидак к памятнику перестали

пускать до тех пор, пока перед ним не стала совершаться та же церемония, что и перед всеми другими союзными памятниками и кладбищами [1, с. 40—41].

И, наконец, еще одним «русским местом» в Белграде, местом концентрации русской науки и культуры стал Русский дом им. императора Николая II (ныне — Дом советской культуры). В 1928 г. в Белграде был создан «Русский культурный комитет», в который входили А. Белич, К. Кумануди, Б. Гаврилович, М. Грол, М. Трифунович, а также русские эмигранты — В. Н. Штрандтман и Б. М. Орешков. При этом комитете была издательская комиссия, которая на средства югославского правительства издавала книги русских писателей: И. А. Бунина, И. С. Шмелева, Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Б. К. Зайцева, Е. Н. Чирикова, А. И. Куприна, В. И. Немировича-Данченко, А. В. Амфитеатрова и др. «Русский культурный комитет» содействовал работе Русского научного института в Белграде с его специальным научным издательством, Русской публичной библиотеки и Русского издательства. Председатель комитета, известный лингвист академик А. Белич, которого эмигранты любовно называли «русским батькой», мечтал о русском Белграде как «русских Афинах». Ему же и принадлежала идея постройки Русского дома, в который смогли бы переехать все главные основанные русскими эмигрантами культурные учреждения. Идея строительства Русского дома была сразу же одобрена королем Александром, который симпатизировал русским, а в молодости обучался в Пажеском корпусе в Петербурге [1, с. 21—22; 3, с. 40—41].

Место для строительства Русского дома было выбрано на улице Кралици Наталии (ныне — Народного Фронта), 33, немного ниже русского посольства и старого королевского дворца; Русское посольство находилось в здании, известном как «Симичев конак» и выходившем фасадом на улицу Краля Милана (ныне — Маршала Тито), 12. Согласно бытовавшей легенде, оно было соединено подземным переходом с королевским дворцом. К сожалению, под надуманным предлогом реконструкции улицы это историческое здание, простоявшее более ста лет, было снесено по приказу югославских властей после конфликта с Информбюро. Сейчас на этом месте — цветочный киоск.

Русский дом им. императора Николая II был построен в стиле русского ампира по проекту архитектора, генерала В. Ф. Баумгартена в 1931—1933 гг. Работы проводило предприятие сербского инженера М. Секулича. В Русский дом сразу же переехали Русский научный институт, Русская публичная библиотека, музей императора Николая II, музей русской конницы, русско-сербские гимназия и начальная школа, канцелярия Делегации, ведавшая интересами русских беженцев, во главе с В. Н. Штрандтманом. В Русском доме находились домовая церковь, зимний сад, бильярдная, литография, кинозал, зал для заседаний, комнаты отдыха, читальня. В нем обосновался и Русский общедоступный драматический театр, возглавляемый актером и режиссером А. Ф. Череповым [6; 3, с. 40—41].

Очень много сил отдали русские архитекторы и отстраиванию Белграда, выполняя как задания югославского правительства, так и частные заказы. Уже сам генеральный план реконструкции города был выполнен русским инженером и архитектором, урбанистом белградской общины — Г. П. Ковалевским. Этот план, получивший награду в Париже, не был, к сожалению, полностью реализован. Ковалевскому принадлежали проекты устройства новой нижней террасы Калемегданского парка (1929—1930), благодаря которой парк прочно связывался с крепостью; Студенческого дома на Александровой улице (ныне — бульвар Революции); устройства современных площадей — Славии и Республики (см., например, [3, с. 23]).

Однако, несомненно, самым крупным русским архитектором, работавшим в межвоенный период в Югославии, был академик Петербургской академии художеств Н. П. Краснов. В России он получил широкую известность как

Рис. 5. Министерство финансов

создатель летнего дворца Николая II в Ливадии в Крыму. Краснов жил в Белграде с апреля 1922 г., работая заведующим проектной группой в отделе монументального строительства Министерства строительства. В этом здании на втором этаже была его мастерская. Известно, что ученики уважительно называли его дядя (чича) Краснов. Заказчиком и покровителем русского архитектора был сам король Александр. Именно по его заданию Краснов воссоздал в 1923—1925 гг. святыню черногорского народа — часовню Негоша на горе Ловчен, взяв за основу старую разрушенную австрийцами церковь [7]. Как известно, в 1974 г. часовня была вновь разрушена и на ее месте воздвигнут массивный и неуместный на Ловчене мавзолей работы И. Мештровича.

В Белграде в 1924 г. Краснов работал над проектом реставрации внутренних помещений Старого королевского дворца. Одновременно при его участии шло расширение старого административного центра города вокруг перекрестка улиц Немани и Кнеза Милоша. В этом месте по проекту русского архитектора в 1925—1928 гг. было сооружено величественное здание министерства финансов (ул. Кнеза Милоша, 22), в 1938 г. по его же проекту оно было надстроено на один этаж (сейчас здесь Союзный секретариат по иностранным делам). Напротив здания Министерства финансов в 1929 г. Красновым были разработаны экстерьеры и интерьеры большого ансамбля из двух Министерств — лесной и горнорудной промышленности и сельского и водного хозяйства. В 1928 г. по его проекту было завершено строительство здания Государственного архива (с 1950 г. — Архив Сербии) по улице Карнегиевой, 2. Все перечисленные здания были выполнены русским архитектором в монументальной классической манере (что требовалось для правительственных построек) с применением элементов ренессанса и барокко [8, с. 95—96; 9, с. 190].

Кроме этого, Краснов проектирует многоэтажные жилые и торговые дома на белградских улицах Кнеза Милоша, 14 (современное кубинское посольство), Теразие, 14, Кнеза Михаила, 9 и дом Радойловича на углу улиц Змай-Иовина и Братьев Юговичей [8, с. 96].

Интерес представляет и проведенная Н. П. Красновым полная реконструкция сгоревшего в 1927 г. деревянного театрального здания «Манеж»,

Рис. 6. Архив Сербии

долго оставшегося почти единственной театральной сценой в Белграде. Новый «Манеж» был спроектирован из твердого несгораемого материала. Краснов стремился, в отличие от монументальных зданий министерств, придать театру легкость и изящество. В выступавшую на сцене «Манежа» драматическую труппу Народного театра входили многие русские эмигранты, начинавшие еще в знаменитом Московском художественном театре: режиссер Ю. Л. Ракин, артисты В. М. Греч, П. А. Павлов и др. Главным художником театра был Л. М. Брайловский. Затем его заменили более молодые театральные художники: А. А. Вербицкий, В. П. Загороднюк, В. И. Жедринский. На сцене «Манежа» ставились первые белградские оперы. Оперные постановки осуществляли Ф. М. Павловский и Е. С. Марьяшец, солировали — К. Е. Роговская, Е. И. Попова, Л. Зиновьев, Г. М. Юренев, П. Ф. Холодков. Балет также находился под сильным русским влиянием: прима-балериной была Е. Полякова, известными балеринами — М. Фроман и Н. Кирсанова. Сцена «Манежа» видела Ф. Шаляпина (1935 г. — в «Дон Кихоте» и «Борисе Годунове») и двух величайших балерин XX в. — А. Павлову (1927) и Т. Карсавину (1928) [9, с. 361, 369, 391, 396, 399—402; 3, с. 39].

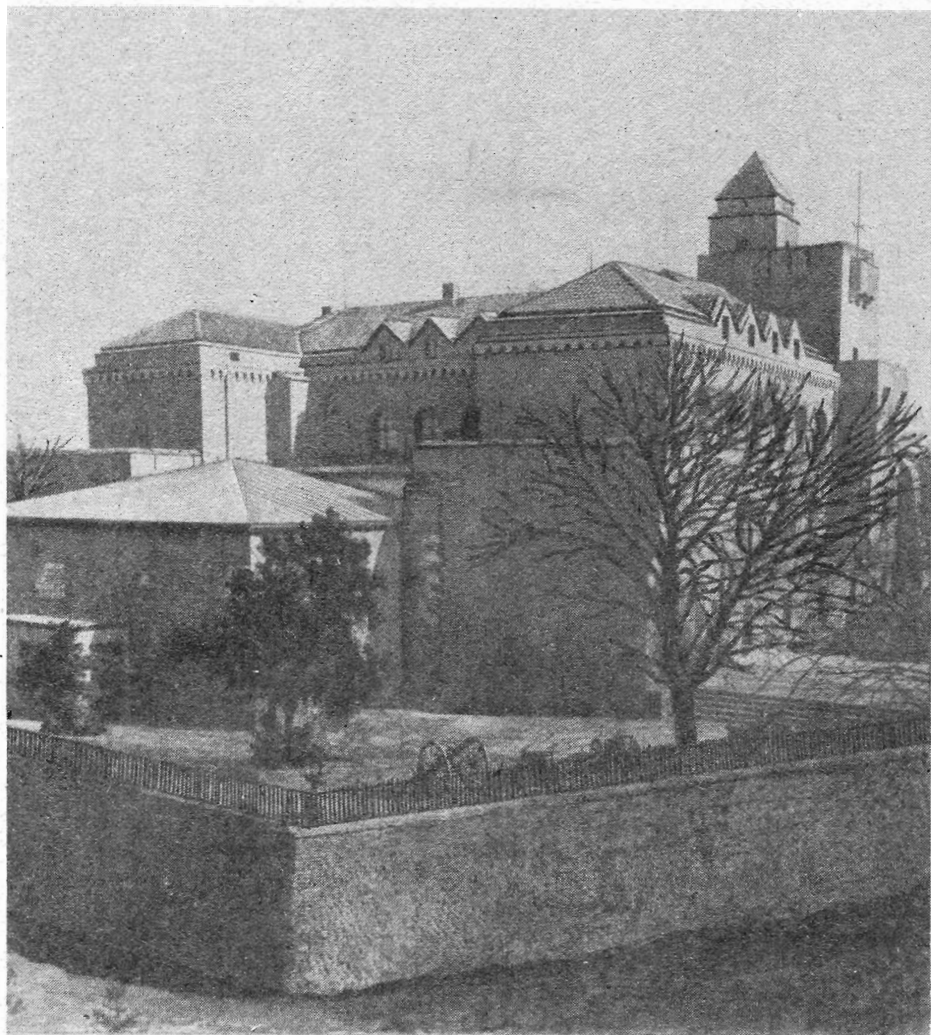

Рис. 7. Военный музей

С 1929 г. Н. П. Краснов работал в основном над комплексом королевского дворца на Дединье, так называемым Белым дворцом. Им был создан план дворцовой церкви, колоннады между церковью и дворцом, сделана планировка территории с озером и террасами. Ему принадлежало также оформление интерьеров церкви и дворца, оборудование салонов и дворцового кинозала. Проект Белого дворца был выполнен архитектором А. Джорджевичем при содействии русского архитектора В. Лукомского. Всеми постройками нового дворца на Дединье руководил еще один русский эмигрант, инженер и археолог С. Н. Смирнов. Он был известен тем, что во время революции вывез из России сестру короля Александра великую княгиню Елену Петровну — вдову убитого большевиками великого князя Иоанна Константиновича. В Белграде Смирнов стал доверенным лицом короля Александра, его личным библиотекарем [8, с. 97; 1, с. 110—111; 2, 25 I].

После 1930 г. в творчестве Н. П. Краснова наступает определенный перелом. Он создает работы уже меньшего объема — мавзолей на горе Опленач, оформление интерьеров в здании Народной Скупщины (вместе с ним интерьеры оформляли и русские художники Г. И. Самойлов и П. П. Сухачев). В 1931 г. Краснов создал большой, но нереализованный проект

реконструкции Министерства строительства. К этому же времени относятся такие работы русского архитектора, как церковь Ружица у подножия крепости Калемегдан и мост короля Александра на реке Сава (1931—1932). В конце жизни Краснов разработал проект павильона во дворце на Дединье (1938) и охотничьего домика в королевском заповеднике в Петровчиче (1938). Умер архитектор в декабре 1939 г. [8, с. 97].

Весьма заметным было творчество в Белграде и других русских архитекторов-эмигрантов. Так, В. Ф. Баумгартену, кроме упомянутого проекта Русского дома, принадлежал также и проект старого здания Генерального штаба на улице Кнеза Милоша, 17 (1928). В. Ф. Баумгартен сотрудничал с другим русским архитектором — И. А. Рыкком. Под сильным влиянием русской архитектуры В. Лукомский создал здание Патриаршего двора. Церковь Патриаршего двора расписал по личным указаниям патриарха Варнавы известный художник В. Я. Предаевич. В Лукомскому принадлежал также проект гостиницы на г. Авала. Скульптурные изображения сфинксов перед гостиницей выполнил театральный художник В. П. Загороднюк [1, с. 34; 8, с. 95].

Еще одним известным русским архитектором, работавшим в Белграде, был А. Я. Васильев. По его проектам было построено несколько зданий с фасадами в русском стиле, а в 1928 г. в крепости Калемегдан — величественное здание Военно-географического института (ныне — Военный музей). Большую часть личного состава Военно-географического института составляли русские офицеры-топографы во главе с генералом, профессором И. С. Свищевым. (Для молодых офицеров югославской армии при Институте были образованы специальные топографические курсы.) Русскими топографами были столь качественно выполнены работы по изготовлению топографических карт, что, по отзывам иностранных специалистов, они считались лучшими в мире [1, с. 58—59].

В. В. Сташевский, кроме церкви Св. Троицы и Иверской часовни, разработал проекты многих жилых домов, в том числе здание на современном бульваре Революции, 83-а; а Р. Н. Верховский, наряду с памятником Николаю II и русским воинам, там же на Новом кладбище спроектировал монумент «Защитникам Белграда. 1914—1915 гг.». Н. Виноградов был известен своим проектом Дома гвардии (1924), В. М. Андросов — фасадом Главпочтамта и проектами нескольких церквей. П. Анагности совместно с югославским архитектором П. Баяловичем спроектировал в современном стиле здание Юридического факультета и комплекс зданий с залами Народного университета им. И. Коларца на Студенческой площади. До постройки Русского дома здание Народного университета активно использовалось русскими эмигрантами для своих научных и культурных целей [3, с. 24; 8, с. 95; 9, с. 189].

Известны имена и других русских архитекторов, отстраивавших Белград: Л. Макшеев (проекты зданий на улицах Кнеза Михаила, 25 и Французской, 22 и 16-а); Г. И. Самойлов (проекты Палаты Белград с кинозалом на углу улицы Теразии и бульвара Революции, а после войны — Югославского банка внешней торговли на улице 7-го июля, 21 и комплекса зданий Механического и Технологического факультетов на улице 27-го марта) (см., например, [3, с. 24]).

Таковым в кратких чертах было творчество русских архитекторов в Белграде. Список их работ можно, разумеется, продолжить. Имена их, принадлежащие в равной степени России и Югославии, сейчас во многом забыты. И все же к деятельности русских архитекторов-эмигрантов чрезвычайно подходят слова, сказанные А. Беличем при открытии Русского дома им. императора Николая II: «Хотя только незначительная часть того, что Россия таила в своих недрах, дошло теперь до ведения иностранцев, все-таки и она была достаточной, чтобы пронеслась над миром культурная

струя славянского духа исключительной красоты и силы... А этой части нашей земли; старому королевству Сербии — полуразрушенной, лишенной многих сотен тысяч своих сынов, павших на войне — русские эмигранты оказали действительно существенную культурную помощь. Пройдет много времени и в строительстве новой культурной жизни нашей страны все еще будет чувствоваться участие русских интеллигентов, у нас живших» (цит. по: [1, с. 50]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Маевский В.* Русские в Югославии. Нью-Йорк, 1966.
2. *Лозо С.* Руска белоемиграција у Југословији. — Политика експрес, Београд, 1976, 19 јануара — 20 фебруара.
3. *Ђурић О.* Руска литерарна Србија. 1920—1941. Београд, 1990.
4. *П[оповић] П.* Два ампира у Београду. — Српски књижевни гласник. Нова серија. Београд, 1929, књ. XXVI, бр. 8, с. 634—635.
5. *Тарасьев В.* Хранити памјат об ушедших. — Литературная Россия, 1990, 25 V.
6. *Писарев Ю. А.* Российская эмиграция в Югославии. — Новая и новейшая история, 1991, № 1, с. 152—155.
7. *Ђурковић-Јакшић Л.* Његош и Ловћен. Београд, 1971, с. 183—205, 222—229.
8. *Шкаламер Ж.* Н. П. Краснов в Югославии. — Архитектура СССР, 1990, № 4.
9. Историја Београда. Књ. 3. Београд, 1974.

БОРИСЁНОК Е. Ю.

РУССКОЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1920-е ГОДЫ

Проблемы эмиграции из Советской России до сих пор не нашли активного освещения в отечественной историографии (в чехословацкой историографии аграрного движения эта проблема также практически не исследована). Советские историки, сосредоточив основное внимание на разоблачении «контрреволюционной деятельности» различных белоэмигрантских группировок, не заметили такое уникальное явление, как русское земледельческое движение в Чехословакии. Более того, большинство исследователей вовсе не признавали существование крестьянской эмиграции из Советской России [1, с. 15; 2, с. 18]. Лишь Ю. В. Мухачев вскользь упоминает о наличии в общей массе эмигрантов «крестьян, насильственно мобилизованных в белую армию и затем вывезенных за границу...» [3, с. 38].

Известно, что в целом за границей в начале 20-х годов находились примерно 2 млн беженцев из России. Что касается Чехословакии, то в 1921 г. там проживали 50 тыс. русских эмигрантов, в 1923 г. — 35 тыс., в середине 20-х годов — 30 тыс. [3, с. 41]¹. Число же русских крестьян-эмигрантов в этой стране в начале 20-х годов приближалось к 3 тыс. человек [4, д. 6, л. 42].

Русская крестьянская эмиграция в Чехословакии² сразу же выделилась из единого эмиграционного потока в так называемое земледельческое движение, что было обусловлено сильным влиянием и поддержкой со стороны чешских аграрных кругов. Причины такого воздействия становятся понятны, если учесть давние традиции и мощь аграрного движения в Чехословакии, включившего в себя целый ряд политических, социально-экономических и культурных организаций.

Как известно, ядром этого движения выступала Аграрная партия, занимавшая в 20-е годы одно из ведущих мест на политической арене

Борисёнок Елена Юрьевна — аспирант кафедры истории южных и западных славян Московского государственного университета.

¹ В материалах выставки «...Здесь нашли свою родину...» в Доме советской науки и культуры в Праге в 1991 г. указаны другие цифры: общее количество эмигрантов — 1,2 млн человек, в ЧСР в 1922 г. — 20 тыс. человек.

² Речь пойдет преимущественно о русских беженцах из Советской России, но оговоримся: разделить единый поток эмиграции на национальные отряды довольно трудно и не всегда целесообразно; в поле нашего зрения попадут и представители других наций, прежде всего украинцы. В то же время следует указать, что представители российского казачества стремились учредить свои собственные организации.

Чехословацкой республики. На выборах 1920 г. она являлась второй, в 1925 г. вышла на первое место, став самой влиятельной политической партией страны. Причиной такого успеха Аграрной партии в промышленно развитой стране принято считать ряд факторов, ведущее место среди которых по праву принадлежит умелому использованию традиций политической аграрной организации в чешских землях. Их зарождение относится к рубежу XIX и XX вв., причем за 20 лет существования партии ее лидерам удалось создать твердую экономическую опору для своей политической организации в лице различных финансовых учреждений, Аграрного банка, производственных и сбытовых кооперативов и т. п. Широкое использование профессиональных и культурных институтов, средств массовой информации позволило аграриям удерживать под своим влиянием большую массу деревенских жителей, в том числе средних и мелких землевладельцев. В немалой степени положение партии укрепило ее активное участие в подготовке и проведении аграрной реформы (1919 г.), а также объединение со словацкими и русинскими аграриями в единую партию [5, s. 196; 6, s. 16—17, 22].

В числе других особенностей, способствовавших успеху Аграрной партии на политической арене, следует назвать ее разветвленную организационную структуру, широкое применение системы прямого и непрямого членства. Все это привело к тому, что партия обладала действенным контролем над широкими массами населения. Кроме того, Аграрная партия активно использовала средства массовой информации. Так, в газете «Венков» — её центральном органе — систематически появлялись материалы на русском языке. Поэтому не вызывает удивления то обстоятельство, что русское земледельческое движение сразу же приобрело организованные формы, сходные с чешскими.

Более того, организатором самой «русской акции»³ в Чехословакии был, наряду с МИД ЧСР, Земледельческий союз — мощная структурная единица в общественно-политической организации чешского аграрного движения. Союз был основан в 1919 г. для решения теоретических, профессиональных и организационных задач, а также проведения пропагандистских акций, центральное место среди которых отводилось ежегодной майской Земледельческой выставке в Праге. Его председателем был Адольф Прокупец. По словам чешского историка Д. Углиржа, Союз был как бы «витриной» успехов аграрного движения в Чехословакии [6, s. 96]. Представляется вполне закономерным, что именно эта организация взяла на себя заботу о русских крестьянах, бежавших из России.

Первое упоминание о появлении русских беженцев-аграриев в ЧСР относится к ноябрю 1921 г., когда 884 русских крестьянина прибыли из Константинополя и были размещены в карантинном лагере в Пардубицах [4, д. 50, л. 133]. Значительную группу составляли выходцы из южных регионов — казаки с Дона, Кубани, Терека. Стоит учесть, что все без исключения эмигранты называли себя просто «русскими земледельцами», что было вызвано, по-видимому, создавшейся обстановкой: чехи, несмотря на радушный прием, были все-таки чужеродной средой, что неизбежно требовало сплочения эмиграции и осознания себя именно как русских. Кроме того, российские деятели традиционно назывались здесь русскими.

По свидетельству деятелей Земледельческого союза, первоначально стремление устроить русских беженцев на работу было встречено чешскими аграрными кругами весьма настороженно. Однако уже через несколько месяцев интерес к этой акции значительно возрос. Когда 10 января 1922

³ «Русской акцией» в историографии принято называть систему мер по оказанию помощи беженцам из Советской России со стороны правительств и благотворительных организаций других стран.

г. в ЧСР была доставлена вторая группа русских крестьян, ее мгновенно устроили на работу, причем было удовлетворено только 30% заявок работодателей [4, д. 50, л. 133].

Встал вопрос об организации системы управления русскими эмигрантами. Чехословацкое правительство разрешило в феврале 1922 г. учредить Административную комиссию русских земледельцев при Земледельческом союзе ЧСР.

Центральное руководство деятельностью Административной комиссии фактически осуществлял координационный центр из семи человек. Представителем чешского Земледельческого союза в комиссии был Ч. Витек, ведавший связями с организациями работодателей; Г. Долгопятов занимался контактами с Россией и русскими эмигрантскими группировками; в функции инженера А. Капиты, помимо устройства еженедельных лекций, входили вопросы образования, статистики и публикации данных о деятельности комиссии в чешской и русскоязычной прессе; В. Скачко ведал устройством русских беженцев на работу и выступал посредником в спорах между русскими земледельцами и чешскими работодателями; В. Рицков отвечал за регистрацию беженцев; И. Золотарев — за переписку на русском языке, П. Мюллерова — на чешском, она занималась также бухгалтерскими операциями [4, д. 50, л. 117].

Постепенно складывалась разветвленная структура комиссии: в различных районах Чехословакии «для облегчения общения Административной комиссии... с земледельцами, проживающими в разных местах республики» создавались ее отделения и выбирались «местные доверенные». Строго оговаривалось, что отделения открываются только по желанию русских крестьян, однако было необходимо и постановление самой Административной комиссии [4, д. 6, л. 20]. Местные отделения подыскивали новые места для беженцев, выступали посредниками между русскими и чешскими крестьянами при всякого рода недоразумениях. Кроме того, они проводили подготовительную работу при устройстве лекций и экскурсий, содействовали русским в получении профессионального образования в чешских школах и на различных курсах, организовывали культурно-просветительные кружки и т. п. [4, д. 6, л. 20, 22]. Таким образом, по мнению Административной комиссии, местные отделения служили, с одной стороны, связующим звеном между Земледельческим союзом и русскими земледельцами, а с другой — были посредниками между последними и хозяевами-чехами, должны были «содействовать на местах взаимному пониманию и сближению между русскими и чехами» [4, д. 6, л. 18].

Мы видим, что Административная комиссия создавалась в рамках Земледельческого союза и функционировала по его образцу, впрочем, принятому для многих организаций такого рода.

Следуя традициям чешского аграрного движения, Административная комиссия уделяла большое внимание организации печати. До июля 1922 г. каждый крестьянин два раза в месяц получал журнал «Русский земледелец». С 1 декабря начал выходить «земледельческий лист» под названием «Хутор» (периодичность — два раза в месяц, тираж — 2500 экз.) [4, д. 50, л. 134 об.]. Затем была приобретена и небольшая типография [4, д. 6, л. 23]. В дальнейшем круг издаваемых газет и журналов на русском языке значительно расширился. Не только Земледельческий союз, но и практически каждая из русских эмигрантских организаций издавали свою газету или журнал. Некоторые русские журналы постепенно приобрели известную популярность. Так, еженедельник «Хозяин» к 1924 г. рассылался в Россию, Америку, Францию, Болгарию, Югославию, Германию и Австрию, где пользовался популярностью в среде различных аграрных обществ [4, д. 50, л. 13].

Русские газеты и журналы занимались главным образом хозяйственными

и культурными вопросами, однако там поднимались и политические проблемы, оставшиеся внутренним делом русских, т. е. такие, которые не затрагивали интересов чешской стороны. Земледельческий союз бдительно следил за проходившей в русской печати информацией. Так, когда в третьем номере за 1924 г. журнал «Казачий путь» попытался затронуть вопрос о повышении заработной платы русским земледельцам, это публикация разбиралась министерствами земледелия и иностранных дел ЧСР. В итоге Общеказачий сельскохозяйственный союз, издававший журнал, вынужден был давать разъяснения, квалифицируя статью как «редакционную ошибку» [4, д. 241, л. 35, 50—51].

Подобный контроль был закономерен: только в 1923 г. Земледельческий союз выделил на издание русского журнала 109 200 крон, на распространение брошюр, книг, учебников — 72 тыс. крон [4, д. 241, л. 45].

Первоначально функции Административной комиссии сводились исключительно к размещению и устройству на работу русских беженцев, причем 85% из их числа были довольны своим положением; за 1922 г. «не переменяло места своего жительства 56,4% беженцев, 1 раз — 38,47%» [4, д. 50, л. 134, 148]. В зимние месяцы русские земледельцы получали от 100 до 130 крон, в летние — от 150 до 300 крон [4, д. 50, л. 148]. Хотя квалификация русских эмигрантов, работавших в чешском сельском хозяйстве, была ниже, чем у чешских сельхозрабочих, однако, их заработная плата была приравнена к выплатам чехам, а в некоторых случаях, исходя «из симпатий к страданиям русских крестьян», являлась даже несколько более высокой [4, д. 241, л. 50 об.]. (Заметим, что В. В. Коминым и Л. К. Шкаренковым отмечается иная ситуация и неоднократно указывается на более низкую, нежели у «отечественных» рабочих, оплату труда [2, с. 22; 7, с. 80—94].)

Возвращаясь к русским земледельцам в Чехословакии, стоит упомянуть также и о том, что все они в карантинном лагере в Пардубицах были «обмундированы». Непрерывно оказывалась также помощь «через Земледельческий союз, Земгор (Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословакии— Е. Б.) и Казачий комитет». 10% беженцев были одеты своими хозяевами. Русские могли также пользоваться общежитием Земледельческого союза в Праге [4, д. 50, л. 148, д. 238, л. 4]. Таким образом, на первом этапе деятельность Административной комиссии ограничивалась решением наиболее важных жизненных для русских беженцев проблем.

В мае 1922 г. Административная комиссия приступила к упорядочению и расширению своей структуры. В это время были созданы культурно-просветительная, вспомогательная, информационная секции.

По признанию деятелей комиссии, главной ее задачей являлась правовая охрана русских крестьян «в интересах работодателей, работающих и государственного управления» [4, д. 873, л. 21]. Поэтому одним из главных направлений деятельности стала так называемая вспомогательная работа — устройство на работу выходцев из России, посредничество в различных трудовых конфликтах, связь с чехословацким Красным Крестом, оказание материальной помощи русским эмигрантам. Кроме того, Административная комиссия считала необходимым давать через прессу разъяснения трудового законодательства, отвечать на вопросы и т. д. [4, д. 873, л. 2].

Эта деятельность осуществлялась в тесной связи с первым отделом Земледельческого союза, занимавшимся посредничеством между работодателями и сельхозрабочими в Чехословакии, и Земгором, где существовал специальный отдел, занимавшийся оказанием помощи русским беженцам, оставшимся без работы [4, д. 36, л. 1, 11]. В самом конце ноября 1922 г. Земгор направил в Земледельческий союз письмо, в котором говорилось, что «в последнее время наблюдается массовый уход беженцев с работы».

Это явление приняло настолько широкие масштабы, что отдел помощи Земгора оказался не в состоянии выделять материальное вспомоществование всем обращающимся к нему эмигрантам. В связи с этим предлагалось «в легитимациях беженцев... делать пометки... об уважительной причине ухода с работы» [4, д. 36, л. 11]. Земледельческий союз прореагировал на это письмо распространением листовки-воззвания «Русским земледельцам!». Союз подчеркивал объективный характер сокращения работ и понижения платы в зимний период. Преследуя цели гуманитарного характера и стремясь «посильно облегчить положение русского эмигранта-земледельца», он призывал всех по возможности оставаться на своих местах и мириться с общими условиями жизни [4, д. 50, л. 16]. Земледельческий союз подчеркивал, что ни он, ни Земгор не пытаются ограничить свободу русских земледельцев, что сложившаяся ситуация касается всех земледельцев в ЧСР и носит временный характер. Пытаясь, по-видимому, развеять необоснованные слухи, Союз предупреждал, что пособие выплачивается «только на тот период, пока... не представится возможность получить новое место» [4, д. 50, л. 16].

«Организационная деятельность» Административной комиссии фактически сводилась к проведению пропагандистских мероприятий, к управлению работой местных отделений комиссии и велась в тесном сотрудничестве с Земледельческим союзом. Фактически данный вид деятельности комиссии был под постоянным контролем союза: все мероприятия комиссии, их программы, бюджет и т. п. согласовывались с его руководством.

Весьма оживленной являлась культурно-просветительная работа Административной комиссии. Для русских земледельцев организовывались лекции по сельскому хозяйству; после лекций устраивались собеседования, иногда с экскурсией на какое-либо предприятие [4, д. 6, л. 16]. В 1922 г. было проведено 13 подобных мероприятий, в которых приняли участие 1151 человек. Лекции читали профессора Сорокин, Емельянов, Целинцев, Ханевич, инженер Долгопятов, агрономы Пуме, Тимофеев [4, д. 50, л. 107]. Не меньшее значение придавалось обучению в различных школах и на курсах. С 1922 по 1923 г. число русских учащихся в чешских школах низшего и среднего звена, в том числе и специальных (прежде всего, сельскохозяйственных), возросло примерно с 50 до 231 человека, значительно увеличилось количество студентов Русского кооперативного института — с 9 (по другим данным — с 15) до 120 человек, на русских экономических курсах при кооперативном институте количество учащихся было почти постоянным — около 60 человек. В 1922 г. на курсах по подготовке трактористов обучались 85 человек, в 1923 г. — 99, на низших сельхозкурсах — 40 человек, восьмимесячные русские курсы кооперации в 1922 г. окончили 60 человек, в 1923 г. — 56 человек. Кроме того, только в 1923 г. были выделены стипендии для 116 русских слушателей различных экономических школ на общую сумму 607 200 крон [4, д. 50, л. 133—134 об., 107, 148, д. 6, л. 42—42 об., 38—38 об., д. 241, л. 28, 45—46].

«Образовательная программа» русских земледельцев в ЧСР преследовала цель знакомства русских эмигрантов с методами работы чешского крестьянства, его социальным и общественным положением. Постоянно шел процесс изучения различных организационных форм чешского сельского хозяйства. Недаром, по мнению русских крестьян, Чехословакия являлась «образцом совершенства» земледельческого движения «в организационном отношении» [4, д. 238, л. 30]. Более того, все чешское сельское хозяйство «до известной степени зиждется на организованности и самостоятельности самого хозяйствующего населения», что и обуславливало «высокий культурный уровень, высокую производительность и дальнейший рост чешского сельского хозяйства» [4, д. 36, л. 63].

Сами русские земледельцы придавали этой работе очень большое зна-

чение, ибо «одной из причин разразившейся катастрофы является резкое разделение прошлого населения России на два крайних полюса: на одной стороне интеллигенция широко теоретически образована и на другой простые многомиллионные массы совершенно темные и в большом проценте неграмотные. Жизнь же требует властно в каждом государстве совместной работы всех слоев населения и особенно среди земледельцев» [4, д. 6, л. 19]. Именно поэтому русские эмигранты использовали свое пребывание (как они считали сначала — временное) в Чехословакии для «поднятия уровня простого земледельца», хотели расширить свой кругозор «теоретическими обоснованиями и научными опытами и таким образом стать в будущем не только хорошим хозяином у себя дома, но и принести с собой рассадник культурных знаний...» [4, д. 6, л. 16].

Характеристика деятельности Земледельческого союза и Административной комиссии будет не полной, если не упомянуть о бюджете «русской акции» применительно к русским земледельцам.

В 1922 г. правительство через Министерство земледелия «предоставило помощь... в размере 400 000 крон» [4, д. 50, л. 134 об.]. Средства были выделены и в следующем году, но точную сумму установить не удалось, известен только размер аванса за период с 1 января до 1 августа этого года — 200 тыс. крон [4, д. 6, л. 38 об.]. В 1924 г. было выделено 200 тыс. крон [4, д. 241, л. 37]. Далее данные отсутствуют вплоть до 1926 г., когда МИД уведомил Комиссию русских земледельцев при Земледельческом союзе Чехословакии о том, что «ввиду постепенной ликвидации русской вспомогательной акции нет возможности ни выплачивать новые стипендии русским эмигрантам-учащимся, ни принимать новых на стипендию» [4, д. 36, л. 1].

В качестве сравнения можно привести следующие цифры: с мая по декабрь 1922 г. Земгор получил из фондов чехословацкого Министерства иностранных дел 200 тыс. крон, в январе 1923 г. — 460 тыс. крон. Всего в рамках помощи различным эмигрантским организациям в ЧСР было выплачено: в 1921 г. — более 10 млн крон, в 1922 г. — около 50 млн, в 1923 г. — более 65 млн, в 1924 г. — около 100 млн крон [7, с. 83].

Таким образом, деньги для «русской акции» (по крайней мере, одной из ее частей) выделялись параллельно через Министерство земледелия и МИД. Можно предположить, что существовали какие-то разграничения функций в субсидировании «русской акции» между Министерством земледелия и МИД, однако, сегодня сказать что-либо более конкретное невозможно из-за недостатка данных. Тем не менее можно утверждать, что финансирование чехословацким правительством Административной комиссии было с самого начала ориентировано на оказание помощи прежде всего в вопросах образования и просвещения, т. е. все силы были направлены на быструю адаптацию и профессионализацию русских беженцев. В этом можно усматривать одну из причин сокращения размера ассигнований после 1926 г. Сказались, вероятно, и другие внутренние и внешние факторы. Образование осенью 1925 г. оппозиции внутри Аграрной партии, нестабильность внутривнутриполитической ситуации (как известно, именно в 1925—1926 гг. массовый размах приобрело движение против аграрных пошлин и роста дороговизны) вели к повышению затрат на социальные нужды внутри страны. С другой стороны, в конце 1925 г. в Национальном собрании вновь активно обсуждался вопрос о признании СССР де-юре.

Очень важен вопрос об отношении населения ЧСР к «русской акции». По словам советского историка Л. К. Шкаренкова, «жизнь эмигрантской массы была связана с необходимостью... бороться за существование» и, несмотря на попытки оказания материальной и другой помощи эмигрантам, многие из них находились в нищете [7, с. 80—83]. Однако с подобной точкой зрения если и можно согласиться, то с известными оговорками.

Прежде всего мы имеем в виду размеры оказываемой помощи — цифры, на наш взгляд, впечатляющие. Нельзя не принимать во внимание также свидетельства и впечатления самих беженцев. Имеется большое количество материалов (письма, благодарности и т. п.), не только выражающих признательность, но и свидетельствующих о быстром становлении собственной системы хозяйства русских эмигрантов. В последнем обстоятельстве можно усматривать, на наш взгляд, и потерю социальной остроты проблемы русских беженцев к 1926 г. Так, в письме на имя заведующего иностранным отделом Земледельческого союза В. Прокеша (май 1924 г.) указывалось: «...Вы много поработали для нас со дня первого появления в Турции. Вывезя нас в Чехию, остались нашим покровителем и много поработали над нашим земледельцем» [4, д. 6, с. 33].

Действительно, русские земледельцы в Чехословакии не были выделены в особую группу, а пользовались теми же правами, что и чехословацкие граждане соответствующего сословия. Уже в этот период руководство русского земледельческого движения понимало и пыталось довести до сознания беженцев, что таким статусом пользовались русские эмигранты только в Чехословакии. Конечно, в этом заявлении усматривается и пропагандистский оттенок, что подтверждается подобными же заявлениями, звучавшими из уст руководства русской эмиграцией в Югославии. По устоявшейся в советской литературе точке зрения, многие русские эмигранты в таких странах, как Германия, Франция, Бразилия и других, находились в очень тяжелых условиях [7, с. 81—91]. Поэтому положение русских крестьян в Чехословакии, если верить Земледельческому союзу, было вполне благополучным.

Особую заинтересованность в сотрудничестве с Советской Россией Чехословакия объясняла как сложившимися традициями и родством с русским народом, так и существующим географическим положением, экономическими и политическими условиями [4, д. 890, л. 17, 18]. Чехословацкое правительство разрешило крупнейшим промышленным, торговым, сельскохозяйственным корпорациям, заинтересованным в развитии отношений с Россией, объединиться в «Чехословацкий центральный рабочий комитет по экономической помощи России» (не позднее 1922 г.). Особо отмечалось то обстоятельство, что организаторы «русской акции» не имели в виду «русский политический режим», а желали «только работать с русским земледельцем» [4, д. 50, л. 162]. По признанию самих чехословацких деятелей, принимая участие в судьбе русских беженцев-земледельцев, они имели целью «регенерацию русского сельского хозяйства» на основе «обновления земледелия» [4, д. 890, л. 2], ибо без экономического возрождения России, без ее рынка и русской сельскохозяйственной продукции немислимо достижение равновесия в Европе [4, д. 890, л. 17].

Все помыслы русских эмигрантов за границей (не были исключением и нашедшие убежище в Чехословакии русские крестьяне) были направлены на возвращение домой. Русские земледельцы выражали горячее желание «на родной земле приложить тот опыт и знания, которые... накопились в минуту изгнания и жизни среди братского чехословацкого народа» [4, д. 6, л. 19].

Важное значение для русских эмигрантов имел и другой вопрос: кем они были в Чехословакии — земледельцами или сельскохозяйственными рабочими? Одни утверждали, что «за границей, в частности в Чехословакии... нет русских земледельцев, а есть сельскохозяйственные рабочие» [4, д. 238, л. 6]. Данной точки зрения придерживался Объединенный комитет обществ Дона, Кубани и Терека. Обосновывалось это тем, что земледelec — не только владелец хозяйства, но и собственник земли. Между тем в эмиграции выходцы из России очутились без своего «хозяйства» и без прав частной собственности на землю [4, д. 238, л. 6].

Противоположного мнения держались Союз «Русский земледelec», Рус-

ская секция Международного аграрного бюро, Союз русских земледельческих организаций за границей, а также Земледельческий союз. В его основе лежало размышление о «психологии собственника», которую, как считалось, «нельзя одним росчерком пера уничтожить» и заменить «психологией пролетария» [4, д. 238, л. 6]. Сторонники этой точки зрения обвиняли своих противников в желании «вбить клин» между чехами и русскими, в навязывании русским земледельцам в Чехословакии большевистской «сноровки профессиональной борьбы сельскохозяйственных рабочих с предпринимателями» [4, д. 238, л. 6—7]. Они надеялись, «организованно вернувшись в освобожденную от большевиков Россию, явиться в ней здоровой культурной, хозяйской силой, долженствующей помочь России воскреснуть из мертвых», ибо «не в сельскохозяйственных рабочих будет нуждаться Россия по ее освобождению, а в хозяине-земледельце, хозяине-кулаке, хозяине таком, который не только умел бы правильно вести свое хозяйство, но и который бы был кроме того еще гражданином, умеющим сказать свое хозяйское слово в политической жизни страны» [4, д. 238, л. 7].

Примерно до 1929 г. русские эмигранты надеялись на возможность возвращения в Россию, но, конечно же, не в качестве явившихся «с повинной», а хозяев. При этом одна часть эмиграции считала необходимым создать новую, мощную Россию, инстинктивно чувствуя, что возврата к прежней, царской России нет. Другую часть составляли те, кто полагал единственной гарантией своего благосостояния царизм, стремился к возрождению «великой, целостной и неделимой России» [4, д. 890, л. 15 об., 16 об.].

Однако все круги земледельческой эмиграции, как свидетельствует меморандум русских земледельческих организаций в Чехословакии на Генуэзской конференции (1922), сходились в том, что большевистское правительство в России никогда не признавалось и не будет признано русским народом в качестве законной власти; крестьяне, составляющие 90% русского населения, были всегда отделены от большевистского коммунизма непреодолимой пропастью, никогда не признавали советского правительства, никогда не переставали с ним бороться [4, д. 890, л. 20]. Характерно также и отношение земледельческой эмиграции к проводимой большевиками политике как к «эксперименту», сущность которого заключается в том, что «большевики отняли у крестьянина и казака землю и хозяйство» [4, д. 238, л. 7]. Спротивление крестьян советскому режиму расценивалось как «справедливое чувство самозащиты и охраны со стороны земледельцев» [4, д. 872, л. 19]. В литературе же бытует противоположная точка зрения. Так, Г. Ф. Барихновский утверждает, что у русских солдат и казаков «при соприкосновении с зарубежной действительностью враждебность к Советам... быстро улетучивалась» [1, с. 16]. Факты, как видим, свидетельствуют об обратном. Можно утверждать, что у большинства русских крестьян в Чехословакии отношение к советской власти было однозначно негативным; мало того, они пытались перенести опыт «капиталистической Чехословакии» на русскую почву, перенять многие элементы социальной и общественной структуры ЧСР.

В среде русских земледельцев существовало большое число различных союзов и других организаций, таких, например, как Союз казаков-земледельцев в ЧСР, Союз возрождения казачества, Объединенный казачий комитет, Общеказачий сельскохозяйственный союз, Объединенный казачий комитет при Земгоре, Всероссийский крестьянский союз, Крестьянская Россия и др., частично вошедших в Российскую земледельческую партию (РЗП) в Праге⁴, образование которой к концу 1925 г. завершило в основном

⁴ В РЗП в 1928 г. вошел Всероссийский крестьянский союз в Праге [4, д. 872, л. 25], в 1929 г. — Союз «Крестьянский путь» [4, д. 873, л. 4].

процесс становления русского земледельческого движения. Партия выдвигала целью «объединение всех русских земледельцев для защиты своих экономических, культурных и политических интересов» и воплощения в жизнь лозунга «русская земля — русским земледельцам» [4, д. 873, л. 9а]. Руководство партии составляли: И. В. Емельянов (председатель), Г. П. Долгопят (секретарь), К. Т. Дюндик, Ф. С. Гапонов, Н. В. Пуме, Е. Титов, К. П. Бельговский, А. Г. Винничук.

Сохранился весьма интересный документ — рукописная схема под названием «Организационная структура партии» [4, д. 867, л. 8], свидетельствующая о том, что главной опорой партии являлись Общество взаимного кредита, Союз русских земледельцев, Общество окончивших сельскохозяйственные школы, журнал «Хозяин», кооперативный институт, Союз агрономов и, конечно же, Административная комиссия. Именно последняя, по свидетельству автора документа, «фактически осуществляет всю работу». Конечно, структура РЗП включала традиционные элементы — ЦК (с секциями), Центральное Бюро и конференцию членов партии, ячейки на местах (упомянуты областные комитеты в Праге — руководитель Пуме — и в Мукачево — Лукинов) и Союз молодежи. Весьма интересны состав секций ЦК: военная, отдел пропаганды, исследовательская (связь с СССР), социальная, политическая, организационная — и указание на страны, где предполагалась или уже велась работа: Великобритания, Франция, страны Южной Америки, Югославия, Болгария, Польша, Латвия, Литва, Эстония, т. е. те государства, где была сильная «русская община».

Одной из наиболее весомых причин активизации деятельности РЗП являлись, на наш взгляд, события в России. Как известно, именно на этот период (1927—1928) пришелся один из «пиков» массовых выступлений крестьян. Недаром в протоколах РЗП за октябрь 1928 г. не раз упоминалась борьба крестьянства в России за независимое существование, отмечался «колоссальный отпор со стороны населения России, главным образом земледельческого», «усиливающийся бой земледельцев за осуществление принципов экономической независимости» [4, д. 872, л. 19, 23]. Возможно, это послужило одним из толчков к реорганизации партии со всеми атрибутами, свойственными политической организации, с четко сформулированными целями, средствами и направлением влияния. Более того, РЗП, находясь в Чехословакии, рассматривала крестьянское движение в России как собственную базу. Недаром в указанной схеме ЦК РЗП, в отличие от чехословацкой Аграрной партии, первой значилась военная секция⁵, что свидетельствовало о далеко идущих планах. Это обстоятельство, как и намерение РЗП вести систематическую организационную работу среди русских эмигрантов в других странах, позволяет предположить, что партия действительно собирала силы, необходимые для вмешательства в события в России. Таким образом, РЗП ее лидеры рассматривали как организационный центр, готовый в нужный момент встать у руководства набирающего темп аграрного движения в России.

С другой стороны, к оживлению работы партии, с нашей точки зрения, могло подтолкнуть сокращение официальной помощи от чешского правительства (1926). К этому моменту окрепшее русское аграрное движение не стояло уже в прямой зависимости от политических структур ЧСР и могло себе позволить образование самостоятельной политической партии. Кроме того, важно подчеркнуть, что создание политической организации

⁵ В другом, также рукописном, документе, озаглавленном «Центральный комитет», перечень секций ЦК несколько отличается от приведенного в схеме, в частности, отсутствует военная секция, в то же время говорится, что ЦК «осуществляет общую линию партии... в отношении за рубежом и СССР», вырабатывает указания для «дальнейшей работы... представителей в государствах» [4, д. 867, л. 2].

завершало сам процесс формирования русского аграрного движения и свидетельствовало о его силе и способности к самостоятельному развитию.

Помимо РЗП существовали и другие группировки политического характера, в частности «Крестьянская Россия». Г. Ф. Барихновский сообщает следующее об этой организации. Бывшие эсеры А. Аргунов, С. Маслов и П. Сорокин еще в декабре 1920 г. решили создать в России организацию «Крестьянская Россия», но «практически сделать ничего не смогли и были выдворены из страны». В 1922 г. в Праге они издали сборник, в котором изложили свою программу: отрицание большевистской власти, возрождение буржуазных экономических отношений, создание буржуазной республики с федеративным устройством. В 1923 г., по словам историка, была зафиксирована попытка создать «группировки в Польше, Югославии и Праге». В 1927 г. был созван учредительный съезд из 18 делегатов, который принял идеологию, программу и устав «Трудовой крестьянской партии». Идеология этой партии включала в себя представления о полной и всеобщей свободе человека, о равных возможностях всех классов «в экономике и культуре». «Идеалом считалось правовое государство с правлением избранного меньшинства, свято охранявшего крупную капиталистическую собственность» [1, с. 149—150].

Данная организация представляет интерес в связи с деятельностью РЗП. Сохранилось письмо (автор, скорее всего, Г. Н. Долгопятов) И. В. Емельянову, из которого следует, что «Крестьянская Россия» (или «Крестьяне», как она часто называлась) была конкурентом РЗП. Долгопятов пишет, что, воспользовавшись «временным отъездом» руководителей РЗП, «Крестьянская Россия» совместно с харламовскими казаками пыталась в январе 1928 г. «захватить всю нашу работу в свои руки. Это им не удалось, но некоторое отражение этого хода еще до сих пор приходится ощущать». «Крестьянская Россия» была переименована в Трудовую крестьянскую партию, судя по всему, под влиянием создания РЗП. Долгопятов высказывал сомнения в дееспособности «Крестьян», считая, что «дальше слов дело не пойдет, так как касса одна с Милуковым» [4, д. 871, л. 7]. Насколько верным было такое предположение секретаря РЗП, сказать трудно. Долгопятов высказывался о «Трудовой крестьянской партии» как о враждебном лагере, среди которого РЗП всегда слыла за группу, «которая не знает, куда девать деньги»⁶.

Итак, русское земледельческое движение в Чехословакии с самого своего рождения стремилось приобрести четкие организованные формы. Можно с уверенностью считать, что в этом сказалось наличие мощного собственно чехословацкого земледельческого движения, взявшего «под опеку» своего русского собрата, попавшего в «критическое положение». С помощью чешского Земледельческого союза русскими аграриями были созданы практически все формы общественных организаций. Но широкое взаимодействие русских и чешских аграриев было подчинено конкретной цели — сформировать самостоятельную русскую организацию, построенную по национальному признаку. Об этом свидетельствует деятельность разветвленной структуры Административной комиссии — важнейшего организационного института русских земледельцев. Процесс создания политических структур был весьма неоднозначным и вылился в учреждение по крайней мере двух крупных политических образований, противостоящих друг другу. Учитывая общие интеграционные тенденции, характерные для российской эмиграции, и земледельческое движение стремилось приобрести международный характер.

⁶ Из письма видно, что враждебность «Крестьян» по отношению к РЗП усиливалась тем, что, как они считали, Емельянов сумел «заполучить в руки американского дядюшку» [4, д. 871, л. 7]. Речь идет об американских контактах РЗП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барихновский Г. Ф.* Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921—1924). М., 1978.
2. *Коллин В. В.* Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977.
3. *Мухачев Ю. В.* Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства. М., 1982.
4. ЦГАОР, ф. 6348, оп. 1.
5. *Uhliř D.* Republikařská strana lidu zemědělského a maloroľnického ve vladeř panské koalice.— *Československý časopis historický*, 1970, XVIII. № 2—3.
6. *Uhliř D.* Republikařská strana venkovského a maloroľnického lidu. 1918—1938. Praha, 1988.
7. *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. 3-е изд. М., 1987.

ГОРЯИНОВ А. Н.

ИЗ ЗАБЫТЫХ «МЕЛОЧЕЙ» ЖУРНАЛА «СЛАВЯНСКИ ГЛАС» (1919—1933)

Журнал Славянского (до 1919 г.— Славянского благотворительного) общества в Болгарии «Славянки глас», выходивший в Софии в 1902—1940 гг., историки болгарской литературы характеризуют как «консервативное, стоящее на официальных позициях» издание [1]. До первой мировой войны задачей журнала провозглашалось всемерное содействие сближению славянских народов на основе идей «славянской взаимности» и при руководящей роли России. Накануне вступления Болгарии в войну на стороне центрально-европейских держав редактор журнала Н. Бобчев заявил, что Болгарии «нужна такая победа, которая сделает Россию вершителем славянских судеб», но при этом ей «необходимо во что бы то ни стало избежать судьбоносного соблазна мирового господства» [2, 1915, кн. 6/7, с. 135]. Журнал тут же был закрыт и его издание возобновилось лишь в июле 1919 г.

Новые политические реалии привели к трансформации принципиальных позиций журнала. Констатируя, что в условиях обретения всеми славянскими странами независимости «славянская идея» может, наконец, «быть реализована в своей полной программе», «Славянки глас» призывал к урегулированию межславянских споров, к укреплению политических и других связей между славянскими странами. По-прежнему считая, что «без России будущее славян подвергается угрозе, их сила навсегда парализована, жизнь их неустойчива», редакция в то же время воспринимала революционные события в России как «ужасную болезнь» и связывала надежды на появление Русского государства «во главе славянского мира» с ее преодолением [2, 1919/1920, кн. 1/2, с. 1—2].

Со временем предсказаний о скором крахе «Совдепии» в журнале становилось все меньше, но русофильство его устойчиво сохранялось, проявляясь в виде симпатий к русским эмигрантам. Надо сказать, что русские, как и другие славянские авторы, сотрудничали в журнале со дня его основания. В 1919—1933 гг. это были, за редкими исключениями, беженцы, обосновавшиеся в Болгарии и других странах. Продолжал журнал также печатать авторов из Польши, Чехословакии, Югославии.

Небольшой по объему и влачивший довольно жалкое существование (он распространялся в основном бесплатно), «Славянки глас» печатал преимущественно различные «мелочи» — стихотворения, небольшие статьи, хро-

Горяинов Андрей Николаевич — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

никальные заметки, биографические справки, рецензии и аннотации. В журнале также регулярно выступал с обзорами экономического и политического положения славянских стран председатель Славянского общества С. Бобчев, публиковались статьи его брата, редактора «Славянского гласа» Н. Бобчева (писал под псевдонимом Н. Савов) о положении в СССР.

Ученые (слависты и русисты) сотрудничали в журнале довольно активно, но «Славянски глас» вряд ли доходил до этого круга читателей — он распространялся главным образом среди членов Славянского общества, где ученых было мало. Может быть, именно поэтому материалы, опубликованные в «Славянском гласе», не вошли в научный оборот. Теперь они прочно забыты, хотя значительная их часть представляет определенную научную ценность и имеет большое историографическое значение. В качестве примеров упомянем только материалы русских эмигрантов — воспоминания поэта А. М. Федорова об А. Н. Майкове и Е. Н. Чирикове [2, 1923, кн. 2, 1932, кн. 3/4], статьи П. Б. Струве, А. В. Флоровского, А. М. Ону по различным проблемам истории России и русско-славянских отношений [3], а также работы братьев Бобчевых об идеях «славянской взаимности» после первой мировой войны [4].

Ниже речь пойдет о некоторых наиболее интересных, по нашему мнению, материалах «Славянского гласа»; часть этих материалов публикуется целиком или в выдержках.

1. ДОРОЖНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ РОССИЙСКОГО ЭМИГРАНТА

Вечером 24 декабря 1919 г. от причала Одесского порта отходил пароход «Витязь». На нем оставлял Родину профессор юридического факультета Новороссийского (Одесского) университета Владимир Николаевич Ренненкампф. Видимо, он бежал не от белых, войска которых занимали в конце 1919 г. Одессу, и не от красных, наступавших на нее, а от тягот и ужасов гражданской войны. Об этом можно судить по кратким воспоминаниям, которые профессор опубликовал в «Славянском гласе» [5]. Вероятно, именно так покидали берег «Южной Пальмиры» и некоторые другие русские эмигранты, среди которых был ряд коллег Ренненкампфа по университету.

Нестерпимо тяжело было бежать профессору из города, старшего ему родным за долгие годы работы в университете. Однако другого выхода не было: в Одессе «царили голод, холод и мрак», население охватила «эпидемия безумной спекуляции», люди находились в «глубоком моральном упадке». Следуя примеру своих товарищей по университету, Ренненкампф решил «искать на старости лет труд и хлеб» в славянских землях. После долгих «хождений по мукам» ему удалось получить необходимые документы и занять места для себя и своей семьи в салоне третьего класса. С собой удалось захватить лишь самое необходимое: пароход был переполнен эмигрантами. Люди заполняли все помещения, проходы и коридоры. По судну распространялись тревожные слухи, страх и неизвестность сделали пассажиров нервными и раздражительными. За посадкой следили военные и представители денкинской контрразведки, но обеспечить должного порядка они не сумели — пароход задерживался с отплытием уже на несколько часов, но продолжал стоять у причала, принимая на борт все новых пассажиров.

Наконец, «Витязь» вышел в море и взял курс на Варну. Уже через сутки семья Ренненкампфов оказалась в Болгарии. В окрестностях Варны эмигрантов ждал чистый, просторный, светлый карантинный барак; режим был не слишком строгим — с разрешения врача небольшие группы эмигрантов каждый день ходили в город.

Когда через пять дней пассажиры «Витязя» были выпущены из карантина и доставлены на болгарском катере в город, возник вопрос об их устройстве.

С большой теплотой вспоминает В. Н. Ренненкампф о том, как тепло встретили беженцев жители Варны, к которым им приходилось обращаться за помощью. Особенно большую роль для профессора сыграло гостеприимство совершенно незнакомой ему ранее семьи Василевых, в доме которых Ренненкампфы нашли приют. «Мы оказались буквально на улице. Дул резкий, холодный ветер. Квартир... в Варне не было, все гостиницы и даже частные дома были уже заняты русскими беженцами... Находясь в таком затруднительном положении, я обратился к командовавшему катером молодому мичману и попросил его о помощи. Тот... предложил временно поселиться у его родителей... Это был выход из безвыходного положения».

В Варне семье профессора пришлось задержаться с декабря 1919 по февраль 1920 г. Болгария была охвачена всеобщей стачкой железнодорожников и работников связи. Однако Ренненкампфам все же удалось выехать в Софию до прекращения забастовки. Военным комендантом их поезда был все тот же мичман Василев...

Так закончились мытарства одного из русских беженцев, нашедших приют в Болгарии. К изложенному выше остается добавить, что вскоре после прибытия Ренненкампфа в Болгарию в отделе хроники журнала «Славянски глас» появилось сообщение об избрании его профессором Софийского университета, а через несколько лет и о кончине ученого, последовавшей 2 мая 1925 г. [2, 1919/1920, кн. 5/6, с. 5, 1925, кн. 3, с. 38].

2. РУССКИЕ ПРОФЕССОРА СОФИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Среди многочисленных хроникальных сообщений, заметок и других подобных публикаций «Славянского гласа» значительное место занимают материалы об обосновавшихся в Болгарии представителях русской научной эмиграции. В 1920 г. журнал помещал сообщения об избрании русских ученых в состав профессоров и доцентов Софийского университета, затем стали появляться биографические справки о некоторых из них, различные сведения об их научной и общественной деятельности в Болгарии, их небольшие работы, наконец, некрологи и извещения об их кончине.

Впервые журнал проинформировал своих читателей о приглашении русских ученых в Софийский университет в середине 1920 г., когда было сообщено о единодушном избрании университетскими профессорами уже известного читателям В. Н. Ренненкампфа и специалиста по анатомии и гистологии А. Ф. Маньковского (последний был зачислен на недавно открытый медицинский факультет) [2, 1919/1920, кн. 5/6, с. 51]. В следующем номере [2, 1920, кн. 1/2, с. 29] появилась заметка об избрании в штат университета сразу девяти русских ученых: доцентом — специалистом по романской филологии К. В. Мочульского; профессорами — медиков В. П. Воробьева (анатомия), В. В. Завьялова (физиология человека), правоведов И. А. Базанова (гражданское право), П. М. Богаевского (международное право), Ф. Федорова (статистика и торговое право), историка искусства Н. П. Кондакова, слависта М. Г. Попруженко. Сообщено было также об избрании лектором по новой русской литературе И. А. Бунина. Впоследствии Н. Бобчев вспоминал, что по пути из Одессы в Париж Бунин некоторое время находился в Болгарии. В Софии он «имел полную возможность остановиться и отдохнуть»; тогда же известный болгарский литературовед Б. Пенев предложил предоставить в Софийском университете русскому писателю место лектора, однако Бунин не принял лектуры и уехал во Францию [2, 1923, кн. 3/4, с. 151—155].

После 1920 г. на страницах «Славянского гласа» появились имена других русских профессоров Софийского университета: физиолога и химика А. К. Медведева, правоведов Э. Д. Гримма и К. Н. Соколова, литературоведа

И. П. Созоновича (он вскоре переехал в Прагу, где скончался 28 февраля 1923 г.), богословов Н. Н. Глубоковского, М. Э. Поснова, Г. И. Шавельского, профессора медицинского факультета А. Э. Янишевского, известных историков П. М. Бицилли, А. В. Флоровского, В. А. Мякотина, лингвиста Н. С. Трубецкого.

До Октябрьской революции эмигранты-профессора, попавшие в Софию, преподавали в различных русских высших учебных заведениях Петрограда, Москвы, Варшавы, Киева и других городов, но наиболее значительная их группа оказалась коллегами В. Н. Ренненкампа по Новороссийскому университету. Одесситы большей частью навсегда оставались в Софии — об этом свидетельствуют некрологические материалы из «Славянского гласа» об А. К. Медведеве (1863—1921), В. Н. Ренненкампе (1862—1925), В. В. Завьялове (1873—1930); уже после закрытия журнала в Болгарии скончались бывший заслуженный профессор Новороссийского университета по кафедре славянской филологии, заведующий Публичной библиотекой Одессы М. Г. Попруженко (1866—1943), его сослуживцы по университету профессора А. Ф. Маньковский (1868—1946) и П. М. Бицилли (1879—1953). Что же касается наиболее известных деятелей науки и культуры, таких как И. А. Бунин, Н. П. Кондаков, А. В. Флоровский, то они обычно вскоре покидали Болгарию и обосновывались в Праге или Париже. Исключением являлся основатель и первый руководитель кафедры анатомии Софийского университета Владимир Петрович Воробьев (1876—1937): он вернулся на Родину, став членом Украинской Академии наук¹.

Справедливости ради следует сказать, что эмигранты из России не только покидали Болгарию — движение шло и в обратном направлении: в 1923 г. в Софийский университет был зачислен профессором по кафедре Святого Писания и Нового Завета богословского факультета приехавший из Белграда Н. Н. Глубоковский [2, 1925, кн. 2, с. 33—35]; в 1930 г. профессором русской истории университета стал работавший ранее в Русском заграничном архиве в Праге В. А. Мякотин [6].

Вслед за краткими сообщениями об избрании русских профессоров в «Славянском гласе» постепенно стали появляться статьи, знакомившие с их жизнью и деятельностью. В 1920—1921 гг. в журнале были напечатаны краткие биографии Н. П. Кондакова и М. Г. Попруженко, а также развернутая информация о письмах последнего из Болгарии, опубликованных в журнале «Общее дело» В. Л. Бурцева. Неизвестные авторы сообщали о русских ученых некоторые сведения биографического характера, отмечали их вклад в изучение болгарской археологии, истории и литературы, но основное внимание уделяли изложению взглядов Кондакова и Попруженко на «животрепещущие славянские вопросы»: подчеркивался вклад Кондакова в доказательство болгарской принадлежности населения Македонии, приводилась лестная характеристика, данная М. Г. Попруженко Славянскому обществу в Болгарии, цитировались его оценки высокого славянского сознания болгарского народа и т. д. [7].

Как в среде русской научной эмиграции, так и в болгарских научных кругах большой резонанс вызвала кончина 12 декабря 1921 г. профессора медицинского факультета Софийского университета Анатолия Константиновича Медведева. В его память был издан сборник [8], куда вошли материалы об ученом, а также статьи из области естественных и гуманитарных наук, художественные произведения, публицистика. В сборнике приняли участие свыше сорока авторов, представлявших русскую эмиграцию и болгарскую интеллигенцию. «Славянски глас» откликнулся на сборник

¹ В советских энциклопедиях, изданных до середины 1970-х годов (все издания БСЭ и МСЭ, первое и второе Большой медицинской, украинское Украинской советской и др.); факт пребывания В. П. Воробьева в эмиграции в Болгарии замалчивается. В более поздних изданиях лишь сообщено, что он был профессором Софийского университета.

рецензией академика С. Младенова, в которой книга названа «памятником русско-болгарской взаимности», а покойный профессор характеризуется как «знаменитый исследователь биологическо-химических процессов» и «незаменимая научная сила недавно основанного медицинского факультета» [9].

14 июня 1925 г. объединявшая представителей научной эмиграции в Софии Русская академическая группа и Софийский университет отмечали 35-летие научной деятельности Н. Н. Глубоковского. «Славянски глас» напечатал отчет об этом чествовании, дополнив его биографией профессора, который ранее преподавал в Петроградской духовной академии и, по данным журнала, опубликовал свыше двух тысяч печатных листов, «встречавших хорошие отзывы богословов разных исповеданий из многих стран» [10].

В «Славянском гласе» постоянно печатались хроникальные заметки об организовывавшихся Славянским обществом публичных лекциях русских профессоров и регулярно проходивших «славянских встречах», на которых они часто выступали с докладами. Наиболее активно с лекциями и докладами в 1920-х годах выступал бывший профессор международного права Киевского университета П. М. Богаевский (скончался 1 февраля 1929 г.), освещавший главным образом исторические сюжеты (значение для славянства Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. между Россией и Турцией, государственная, дипломатическая и общественная деятельность Петра I, Н. П. Игнатьева, В. А. Черкаского). Вопросам «славянской взаимности», болгарской истории и культуры были посвящены лекции М. Г. Попруженко, по вопросам русской культуры в начале 1930-х годов с докладами выступал историк П. М. Бицилли. Особенно большое внимание «Славянски глас» уделил его сообщению «Русская культура и эмиграция», где подчеркивалась мысль об обязанности русских интеллигентов из среды эмиграции сохранить отечественную культуру от опасности ее уничтожения на Родине, обеспечить ее развитие и преемственность [11]. В «Славянском гласе» сообщалось также о докладах, сделанных на протяжении 1920-х — начала 1930-х годов Э. Д. Гриммом, К. Н. Соколовым, И. А. Базановым, Г. И. Шавельским, М. Э. Посновым, В. А. Мякотиним.

Из русских профессоров-эмигрантов наиболее часто упоминался в журнале специализировавшийся на изучении Болгарии М. Г. Попруженко. Его фамилия неизменно называлась в отчетах о деятельности таких организаций, как Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет в Софии, архивный кабинет при Русском научном институте в Берлине (в качестве представителя института в Болгарии), комитет по подготовке празднования 25-летнего юбилея Славянского общества в Болгарии и других, а также в рецензиях на различные издания, посвященные русско-болгарской взаимности (упомянутый выше сборник в честь А. К. Медведева, изданный Славянским обществом сборник в память Освободительной войны 1877—1878 гг. [12] и др.). В 1926 г. журнал в специальной заметке с удовлетворением отметил решение Историко-филологического отделения Болгарской АН издать «новое важное исследование из области старой болгарской культурной истории» русского слависта — его коренным образом переработанную докторскую диссертацию «Синодик царя Борила» (1909) и сочувственно отозвался о большой работе Попруженко по подготовке двухтомной «Истории Болгарии» [13].

В «Славянском гласе» представлены небольшие очерки русских профессоров к различным юбилеям, их мелкие статьи и рецензии. Тематика работ соответствовала направлению журнала: в нем было напечатано несколько статей П. М. Богаевского о Сан-Стефанском мирном договоре и Берлинском конгрессе (с резко негативной оценкой последнего) [14]; статьи М. Г. Попруженко о Петре I и работавшем в Болгарии в 1876—1882 гг. русском дипломате А. Н. Церетелеве [15]; рецензии В. А. Мякотина на книги по истории России и Украины. Кроме того, Богаевский опубликовал заметку,

в которой доказывал несостоятельность попыток некоторых ученых изображать провозглашение в 1654 г. Переяславской Радой воссоединения Украины с Россией в качестве международного договора с участием двух государств [16].

Особо следует сказать о двух статьях, посвященных скончавшимся русским ученым. В статье «Памяти академика А. И. Соболевского» [2, 1929, кн. 4, с. 132—135], основанной на личных впечатлениях от встреч с маститым ученым, М. Г. Попруженко удалось показать, что «Соболевский — это целая эпоха в истории русского славноведения, эпоха блестящая и богатая открытием новых материалов, глубоким их исследованием, обобщением выводов и положений с указанием точных, вполне определенных научных методов...». Заканчивает автор статьи характеристикой Соболевского как человека, отличавшегося стойкостью убеждений и доброжелательным отношением к собеседникам. Интересна также статья В. А. Мякотина «Памяти двух русских историков» [2, 1933, кн. 1, с. 44—51]. В ней кратко характеризуется научная деятельность известных историков России С. Ф. Платонова и А. А. Кизеветтера, а также рассказывается о репрессиях, которым они подверглись в Советской России. Осудив высылку в 1922 г. из страны Кизеветтера, Мякотин наиболее подробно останавливается на преследованиях, которым подвергся Платонов. Эта часть статьи представляет особенно большой интерес, так как некоторые известные автору подробности позволяют предположить, что его информация была получена из России и к ней причастны близкие к Платонову лица.

«По мере того, как у большевистской власти росло и упрочивалось стремление подчинить всю русскую жизнь исключительно своему идейному руководству,— писал Мякотин,— эта власть начинала все враждебнее относиться к сохранявшему свою независимость старому ученому. Постепенно против него поднята была в собраниях „историков-марксистов“ и в печати яростная кампания, закончившаяся тем, что в 1930 г. он был арестован и после года и восьми месяцев заключения в тюрьме выслан в Самару. Здесь для него не нашлось помещения в городе и ему пришлось жить в подгородной слободе, притом жить впроголодь, без книг, без привычного для него труда. В этих условиях и закончилась его жизнь».

Материалы «Славянского гласа» о русских профессорах Софийского университета вряд ли способны дать сколько-нибудь целостную картину их деятельности. Уже сейчас нам известно, что за ее рамками остался ряд русских профессоров — экономист С. С. Демосфенов, медики С. С. Абрамов, Д. Д. Крылов, Н. М. Попов, Г. Е. Рейн, А. М. Черевков, И. Ф. Шапшал. Приведенные факты — не более чем отдельные, хотя и выразительные, мазки такой картины.

3. БЕСЦЕНЗУРНЫЙ ВАРИАНТ СТАТЬИ Г. А. ИЛЬИНСКОГО

В 1923 г. в «Ученых записках» Саратовского университета была опубликована работа хорошо известного за рубежом профессора Г. А. Ильинского «Что такое славянская филология?» [17]. В ней Ильинский критиковал принятое в науке определение славянской филологии, данное И. В. Ягичем, а также подробно обосновал свою точку зрения на содержание, границы, задачи и значение самого этого понятия. Статья стала известна в славянских странах, однако, ознакомиться с изданием провинциального университета многие зарубежные ученые не имели возможности. И когда польский лингвист Г. Улашин выступал в 1934 г. на II Международном съезде славистов в Варшаве с докладом о содержании понятия «славянская филология» [18], он отметил, что вынужден судить о статье советского слависта лишь по работе на ту же тему М. Вейнгарта, напечатанной в 1924 г. в Чехословакии.

Между тем статья Г. А. Ильинского задолго до Варшавского съезда была опубликована в Софии. В 1926 г. ее поместил на своих страницах «Славянский глас» [2, 1926, кн. 1/2, с. 8—18, кн. 3, с. 15—22], причем в расширенном

по сравнению с «саратовским» вариантом виде. В редакционном примечании отмечалось, что «интересную и высоконаучную статью известного русского слависта» редакция журнала рассматривает в качестве ее второго издания, поскольку напечатанный в Саратове текст был обнародован «с сокращениями со стороны цензуры, у нас она дается с восстановлением этих сокращений». Бесцензурный текст статьи редакция журнала получила, как это видно из письма Г. А. Ильинского М. Г. Попруженко от 23 июня 1926 г. [19], от одного из братьев Бобчевых — Ильинский переслал рукопись Бобчеву по почте или каким-либо иным способом вместе с другими своими работами (в «Славянском гласе», кроме этой статьи, до начала 1930-х годов появился лишь краткий, но очень интересный очерк Г. А. Ильинского «Т. Д. Флоринский как историк славянства» [2, 1929, кн. 3/4], написанный, как это видно из текста, позже, в связи с 10-летием со дня смерти киевского слависта).

Следует иметь в виду, что публикация упоминаемого письма сделана с важной для нашей темы купюрой. В оригинале абзац: «В заключение маленькая к Вам просьба. Если решите обрадовать меня письмом, то будьте добры справьтесь у Бобчева, получил ли он от меня статьи для „Слав[янского] гласа“ и могу ли надеяться на помещение их на его страницах?» — предварен информацией о трудностях университетского преподавания, связанных, в частности, с «засильем необогословских, т. е. марксистских предметов», и о «незавидном» материальном обеспечении профессоров. «Но не о хлебе едином жив будет человек; — писал далее Ильинский. — Я бы охотно согласился получать еще меньший оклад, если бы только была предоставлена возможность свободного исследования и печатания. Но — увы! русская филология представляет теперь лишь поле, усеянное мертвыми костями» [20].

Г. А. Ильинский мечтал о свободе научного творчества, и в этом контексте вполне понятно его стремление порвать путы идеологического контроля путем посылки за границу не искаженной цензурой статьи. Понятна и позиция журнала, решившего опубликовать статью, которая, во-первых, отводила славянству роль племени, лишь начинающего жить, и предсказывала славяноведению небывалый расцвет, а, во-вторых, позволяла косвенно выразить негативное отношение к большевистской цензуре.

Статья Г. А. Ильинского вошла в научный оборот в «первом издании». Сейчас именно этот, «саратовский» вариант знают и широко цитируют как отечественные, так и зарубежные ученые. Наиболее же исправный бесцензурный вариант оказался невостребованным и прочно похороненным. Нет сомнения, что полный текст «софийского» варианта работы Г. А. Ильинского было бы крайне полезно напечатать в одном из специальных славистических изданий. Пока же ниже приводятся отрывки, отсутствующие в тексте «саратовского» варианта статьи. Они не только делают более отчетливыми и аргументированными мысли автора, но и показывают убожество, полную некомпетентность, даже отсутствие какой-либо последовательности со стороны цензурных «запретителей». Видимо, для цензоров было неприемлемо даже упоминание о социологических и психофизических законах; они меняли смысл текста только потому, что в нем упоминались религиозные движения и церковь, а к слову «движения» не было дано определение «социальные»; наконец, вычеркивали целые абзацы о практическом значении славянской филологии в условиях обретения независимости славянскими странами, в то время как далее подобные же высказывания оставались нетронутыми. При публикации цензурных купюр не учитывались мелкие разночтения между «саратовским» и «софийским» изданиями, не меняющие смысла текста. Купюры выделены курсивом с указанием соответствующих страниц «Славянского гласа»; им сопутствуют предыдущие и последующие фразы «саратовского» варианта, необходимые для определения местонахож-

дения «сокращенных» цензурой отрывков в «саратовском» тексте и лучшего их восприятия.

[17, с. 125] «... — потому, что материал некоторых дисциплин слишком разнороден и управляется слишком различными законами, чтобы его можно было свести под одну, так сказать, крышу. *Что общего, напр., между социологическими законами и психофизическими условиями развития языка? Или между явлениями закономерности в истории искусства и такими же явлениями в области этнографии?* [2, 1926, кн. 1/2, с. 11]. Но где нет единства законов, там не может быть и единства методов. А без единого метода не может быть и единой науки!».

[17, с. 128] «С высшей точки зрения и языковедение, и литературоведение, при всем кажущемся различии их бесконечно-богатого и разнообразного содержания, представляют, в сущности, не две науки, а одну науку, — именно науку о словесном творчестве» [2, 1926, кн. 1/2, с. 15].

[17, с. 131] «Но исследуя проявления духовной жизни известного славянского народа в его слове, филология ни на минуту не должна забывать, что эта жизнь есть только один из многих лучей славянского племенного духа и что поэтому [2, 1926, кн. 3, с. 17] ее выводы неизбежно будут страдать роковой односторонностью, если она в своих разысканиях не будет постоянно и систематически² сравнивать и сопоставлять явления духовной жизни одного славянского народа с однородными явлениями такой же жизни других».

[17, с. 132] «...она (славянская филология. — А. Г.) ... должна стремиться выяснять те общие условия и причины, которые в истории литератур разных славянских народов породили общие последствия. Такие, например, могучие движения (в «саратовском» варианте — «социальные движения» — А. Г.), как борьба за национальную Кирилло-Методиевскую церковь, богомилство, итальянский гуманизм, реформация, «Просвещение», романтизм и пр. [2, 1926, кн. 3, с. 18], отразились в большей или меньшей степени почти во всех славянских литературах...».

[17, с. 133] «Без наличности указанного условия, еще менее мы будем иметь основание надеяться на появление такого труда, который нарисовал бы общую картину развития духовной жизни славянского племени и тем самым дал бы как бы энциклопедию славянской филологии, но энциклопедию не в смысле написанной разными авторами, хотя бы по одному плану, библиотечки книг, вроде той, напр., которую издавала до Мировой войны Русская Академия Наук, а в виде стройной системы нашей науки, ее как бы философии» [2, 1926, кн. 3, с. 19].

[17, с. 134] «Почти каждый „властенец“ и „будитель“ был одновременно и филолог, и лингвист, и археолог, и этнограф, и историк, но такими полигисторами их делали не какие-либо абстрактные академические интересы, а сама жизнь, властно толкавшая их к изучению всего того, что являлось залогом духовной независимости славянства.

Таким образом, перед нами — замечательный факт: славянская филология, дитя славянского национального возрождения с своей стороны, уже с первых шагов своего развития, сделалась одним из самых мощных факторов его дальнейшего процесса (видимо, опечатка, следует — прогресса. — А. Г.).

Это обстоятельство и служит лучшим доказательством того, что славянская филология не есть только достояние некоторых наглухо замурованных от жизни ученых кабинетов и не есть даже искусственно взращенный цветочек какой-нибудь хотя бы учнейшей небылицы, но есть живой и цельный организм, связанный миллионами нитей с самыми реальными, житейскими и даже, так сказать, с кровными интересами общественной, политической и духовной жизни славянских народов. Я скажу даже более: как ингредиент и главное условие национальногo самосознания, славянская филология должна составлять необходимый элемент научного мирозерцания всякого работающего среди славянских народов гражданина.

Это положение не представляет, впрочем, ничего нового. Но еще задолго до Великой войны не только некоторые ученые слависты, но и часть русской и славянской прессы неоднократно и настойчиво доказывали необходимость введения начатков славяноведения, а, следовательно, и славянской филологии в систему преподавания средней школы. Но если десять лет тому назад одним эта мысль казалась фантастической мечтой сентиментального славянолюбия, другим — опасной политической ересью, а третьим плодом ученого доктринерства [2, 1926, кн. 3, с. 21], то в настоящее время после радикальной перестройки карты Европы (в «саратовском» варианте после опущенного отрывка следует: «А в настоящее время, в момент...» и т. д. — А. Г.) только слепой не увидит той истины, что в самом близком будущем широкое знакомство, научное и практическое, со славянским миром станет одной из самых насущных и жизненных потребностей русского народа».

[17, с. 135] «Те крайне сложные и запутанные этнографические и культурно-политические отношения отдельных славянских народов как друг к другу, так и к соседям, и которые, к великому сожалению друзей человечества, чреватые самыми грозными конфликтами, не могут быть беспристрастно урегулированы без экспертизы славистики вообще и славянской филологии, в частности, а если мы вспомним теперь, что два наиболее даровитых и культурных славянских народа, чешский и польский, скованные тяжелыми условиями подневольного

² Здесь и далее полужирным выделены те места в статье Ильинского, которые в том или ином варианте переданы курсивом.

существования, до сих пор только незначительную часть своих духовных и материальных сил могли отдавать изучению своей народности и что только теперь, когда тот и другой, как фениксы, восстали из пепла к новой жизни, оба они получили возможность поставить у себя преподавание славяноведения на подобающую высоту, — если обратить внимание на все это, то получим полное право ждать лучших дней для славяноведения и на славянском западе. Да! Все говорит, что мы находимся накануне нового небывалого расцвета славянских изучений. Этот расцвет будет так могуч и так пышен, что перед ним должны будут померкнуть и те бесчисленные заслуги, которые славяноведение оказало в своем более, чем столетнем прошлом [2, 1926, кн. 3, с. 22]. Только теперь перед нашей наукой открывается перспектива нормального и беспрепятственного творчества во всей его необъятной широте, и только теперь славистика, — эта пока лишь незаметная часть универсального человеческого знания, — получает возможность выйти из тиши ученых кабинетов на широкий форум жизни!».

4. ПОЖЕЛАНИЯ Л. НИДЕРЛЕ

В нашей научной литературе почти нет работ о выдающемся чешском славяноведе, авторе многотомного труда «Славянские древности» Люборе Нидерле. Поэтому стоит, видимо, привести небольшое письмо ученого, по которому можно достаточно определенно судить о его отношении к идеям «славянской взаимности». Письмо появилось в «Славянском гласе» [2, 1922, кн. 2, с. 40] и не упоминается ни в одной из известных нам библиографических работ, посвященных Нидерле.

Об истории появления письма очень кратко сообщается в редакционном примечании. Из него видно, что Нидерле направил свое послание председателю Славянского общества в Болгарии С. Бобчеву в связи с публикацией в издаваемом обществом ежегодном «Славянском календаре» (выпуск за 1922 г.) рецензии на «Славянские древности». Автором рецензии был чешский археолог, коллега Л. Нидерле по Пражскому университету А. Стоцкий (1876—1934); видимо, от него Нидерле и узнал, что рецензия была заказана Стоцкому редакцией «Славянского календаря». «Начинанием на поле славянской взаимности», о котором говорится в письме, Нидерле, по всей вероятности, называет издание «Славянского календаря»; пожелание Болгарии получить то, что ей принадлежит, выражает созвучную взглядам руководства Славянского общества позицию Нидерле, поддерживавшего притязания Болгарии на территории, утерянные ею на основании Нейского мирного договора 1919 г. Ниже приводится полный текст письма Л. Нидерле в переводе с болгарского:

Уважаемый господин председатель,

Только на этих днях я смог просмотреть и прочесть Ваш «Славянский календарь» за 1922 г. и нашел в нем статью г. Стоцкого о моих «Славянских древностях». Видимо, эта статья заказана самой редакцией календаря. Мне очень приятно, что редакция проявила такой интерес к моему труду и поэтому благоволите, господин председатель, выразить редакции мою самую сердечную благодарность. По этому случаю позвольте мне позвать мысленно Вам руку и пожелать самого большого успеха Вашему начинанию на поле славянской взаимности. Конечно, сейчас славянство переживает трудные времена, но я убежден, что когда-нибудь еще настанут более светлые дни и что Болгария еще поднимется и получит то, что ей по праву принадлежит.

С дружеским приветом и глубоким почтением преданный Вам проф. Л. Нидерле.
Прага, 9/IV 1922 г.

5. О ПИСЬМЕ К. БАЛЬМОНТА И ЕГО БОЛГАРСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ

Рус, чех и лех, и серб — четыре брата,
Но между гор, лесов, полей, равнин
Забуду ли, в столетних мглах судьбин,
Болгара, и словака, и хорвата?
Я — славянин. Моя семья богата...

Так начинается сонет Константина Бальмонта «Слава славянам». Это лишь недавно обнародованное у нас А. П. Соловьевой [21] стихотворение известного русского поэта, жившего во Франции, было перепечатано «Сла-

вянским гласом» [2, 1926, кн. 1/2] из парижской эмигрантской газеты «Последние новости». Проникнутый идеей «славянской взаимности», сонет был полностью созвучен позиции журнала, который, конечно, помимо других соображений, рассчитывал и на известность Бальмонта в Болгарии — имя поэта, по свидетельству замечательного лирика Кирилла Христова, было очень популярно среди болгарской интеллигенции и оказало благотворное влияние на творчество ряда болгарских поэтов [22].

Напечатав стихотворение Бальмонта, редакция журнала продолжала следить за публикациями его произведений в «Последних новостях»; когда же там появились бальмонтовские переводы образцов южнославянской народной поэзии, ему от имени Славянского общества в Болгарии было послано несколько сборников болгарских народных песен [2, 1928, кн. 4, с. 156]. На этот дружеский жест поэт ответил письмом, опубликованным в четвертой книжке «Славянского гласа» за 1928 г. Письмо это не упомянуто ни в довольно подробном перечне публикаций эпистолярного наследия поэта [23], ни в библиографических указателях о творчестве упомянутых Бальмонтом болгарских писателей. Между тем оно важно не только потому, что еще раз свидетельствует об интересе Бальмонта к поэзии славянских народов вообще — письмо доказывает также глубокое знание им болгарской поэзии, любовь к ней.

Бальмонт писал (в журнале письмо напечатано на болгарском языке, мы приводим его в переводе с болгарского):

Прошу Славянское общество в Болгарии принять мою сердечную признательность за его приветствия, за братский отклик и столь дорогой мне подарок. Я действительно пленен болгарским народным творчеством. Песни, сказки, пословицы, все это меня зовет к усердной работе. Хорошо работает там, где пылает очаг, от него и тепло, и светло, и радостно. Из болгарских поэтов я сейчас увлекаюсь Вазовым, Ботевым, Пенчо Славейковым. Из новых сильное впечатление производит Яворов. Очень музыкален Лилиев. Мы, славяне, не должны увлекаться французами. Наш славянский стих гораздо богаче, он более звучен и пламенен. Я был бы счастлив видеть в болгарском переводе хотя бы томик своих стихотворений. В Болгарию я приеду непременно, но мне необходимо еще два месяца пробыть во Франции. Мне очень хочется побывать в южнославянских странах. Мой прадед — из Южной России, мы кровно близки. Преданный Вам К. Бальмонт [2, 1928, кн. 4, с. 156—157].

Весной 1929 г. Бальмонт действительно посетил Югославию и Болгарию. Побывав в Любляне и Белграде, в мае он приехал в Болгарию и пробыл там более двух недель, приняв участие в торжествах по случаю 1000-летия страны и 50-летия освобождения ее от османского ига. Несколько дней Бальмонт находился в Софии, затем совершил поездку по стране. Он выступал с лекциями о болгарской, сербскохорватской, литовской народной поэзии, рассказывал о своем творчестве, читал собственные стихи. Встречали его восторженно — болгарская образованная публика хорошо знала и ценила произведения русского поэта. Пребывание Бальмонта в стране кратко освещено в [2, 1929, кн. 1/2]. Там же опубликован перевод статьи К. Бальмонта «О чешской поэзии» с краткой характеристикой ряда чешских поэтов — эта статья предвляла большую подборку переводов поэта в пражском журнале «Воля России».

В следующей книжке журнал опубликовал в переводе Д. Бойкинова два ранних стихотворения Бальмонта — «Правда» и «Кузнец».

В начале 1930-х годов «Славянский глас» не возвращался к творчеству К. Бальмонта. Не удостоились рецензий даже вышедшие в 1930 г. в Софии сборник переводов Бальмонта «Золотой сноп болгарской поэзии: Народные песни» и томик «Соучастие душ». А с середины 1930-х годов ослабевает интерес Бальмонта к поэзии славянских народов. «Недавнее мое увлечение славянскими странами и Литвой, увы, исчерпалось,— пишет он в декабре 1933 г. Е. А. Андреевой,— для меня это мелководье...» (цит. по [24]).

Все же болгарские впечатления поэта были еще живы: они отразились в сонете 1933 г., посвященном Николе Ракитину. С этим тонким лириком, поэтом болгарской природы, Бальмонт познакомился, видимо, во время поездки по стране, скорее всего в Плевне, где тот тогда учительствовал. Об этом явственно свидетельствует сам текст сонета; ощущения весенней Болгарии сливаются в нем с поэтическим осмыслением впечатлений от удивительного обаяния личности Ракитина и не менее удивительного дара болгарского поэта, выражавшего в своем творчестве кровную, иногда доходящую до мистицизма связь между тружеником и землей:

Далекое болгарское село,
 Далекий и высркий город Плевна,
 В тебе сейчас гостит Весна-царевна,
 С ней песня, стебель, цвет, полет, крыло.
 И хочется, чтоб было все светло,
 Чтоб глянул день приветно, а не гневно
 К тому, кто любит отчий край напевно,
 Кто вел ладью, взяв меткое весло,
 Чей ясный дух с родною пашней слитен,
 Кто своего не омрачил лица
 И сердцем приманил к себе сердца,
 Пред кем и стебелек не беззащитен,
 А встретил брата в образе певца —
 Таков поэт Болгарии — Ракитин [25].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Речник на българската литература. Т. 3. София, 1982, с. 301.
2. Славянски глас, София.
3. *Струве П.* Пророки на руското духовно възраждане.— Славянски глас, 1921, кн. 5/6, с. 36—39; *Флоровский А. В.* Очерк русско-чешских отношений.— Славянски глас, 1930, кн. 1, с. 8—19, кн. 2/3, с. 56—68; *Ону А. М.* Граф Н. П. Игнатиев в Сан-Стефано.— Славянски глас, 1932, кн. 1, с. 45—57.
4. *Бобчев Н.* Въпрос за националните меншества и славянските взаимоотношения.— Славянски глас, 1922, кн. 3, с. 1—10; *Бобчев С.* Славянската идея след Световна война.— Славянски глас, 1928, кн. 1/2, с. 1—17; *Бобчев С.* България, Русия и славянство.— Славянски глас, 1930, кн. 2/3, с. 52—55.
5. *Ренкамф В.* Моето пристигане в България и първите ми впечатления от нея.— Славянски глас, 1923, кн. 2, с. 17—20.
6. Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979, с. 246.
7. Руски професори в Софийския университет.— Славянски глас, 1920/1921, кн. 3/4, с. 95—99; Руски професор за културния общност в България.— Славянски глас, 1920/1921, кн. 5/6, с. 165—166.
8. Памяти профессора А. К. Медведева: Русско-болгарский сборник. София, 1922.
9. *Младенов С.* Един памѣтник на руско-българската взаимност.— Славянски глас, 1923, кн. 1, с. 14—23.
10. *Н. Б. [Бобчев Н.]* Един руско-български културен празник.— Славянски глас, 1925, кн. 2, с. 33—35.
11. Из нашите славянски срещи.— Славянски глас, 1933, кн. 2, с. 86—90.
12. Прослава на Освободителната война 1877—1878 г. София, 1929.
13. Нови трудове на М. Г. Попруженко.— Славянски глас, 1926, кн. 4, с. 47.
14. *Богаевский П. М.* Аксаков и Берлинский конгресс.— Славянски глас, 1923, кн. 4, с. 18—22; *Богаевский П. М.* Шипка, Плевна, Сан-Стефано.— Славянски глас, 1928, кн. 1/2, с. 17—33; *Богаевский П. М.* Половин век след Берлинския конгрес.— Славянски глас, 1928, кн. 3, с. 81—85.
15. *Попруженко М. Г.* Император Петр Великий: По случаю 200-летия со дня смерти.— Славянски глас, 1925, кн. 1, с. 14—21; *Попруженко М. Г.* Князь М. Г. Церетелев.— Славянски глас, 1932, кн. 1, с. 58—66.
16. *Богаевский П. М.* Еще к вопросу о якобы международных отношениях между Москвою и Малороссию.— Славянски глас, 1928, кн. 3, с. 124—126.
17. Ученые записки государственного имени Н. Г. Чернышевского университета. Т. 3, вып. 1. Саратов, 1923.

18. *Ułaszyn H.* O istocie filologii słowiańskiej.— In: II międzynarodowy zjazd slawistów (filologów słowiańskich). Księga referatów. Sekcja 1. Językoznawstwo. Warszawa, 1934, s. 144.
19. Българо-руски научни връзки XIX—XX век: Документи. София, 1968, с. 132.
20. Архив на Българската академия на науките, ф. 61 к, д. 164, л. 3—4.
21. *Соловьева А. П.* Константин Бальмонт и чешская поэзия конца XIX — начала XX в.— В кн.: На рубеже веков: Проблемы развития славянских и балканских литератур конца XIX — начала XX в. М., 1989.
22. Централният държавен исторически архив, ф. 131, оп. 1, д. 226, л. 1—2.
23. Русские писатели, 1800—1917: Биографический словарь. Т. 1. М., 1989, с. 152.
24. *Орлов В.* Бальмонт: Жизнь и поэзия.— В кн.: *Бальмонт К. Д.* Стихотворения. Л., 1969, с. 40.
25. *Бальмонт К. Д.* Сонет.— В кн.: От века к веку: Стихи о дружбе. М., София, 1978, с. 78.

НАЙДЕНО В АРХИВАХ

РОБИНСОН М. А., ПЕТРОВСКИЙ Л. П.

Н. Н. ДУРНОВО и Н. С. ТРУБЕЦКОЙ: ПРОБЛЕМА ЕВРАЗИЙСТВА В КОНТЕКСТЕ «ДЕЛА СЛАВИСТОВ» (ПО МАТЕРИАЛАМ ОГПУ — НКВД)

История науки складывается не только из истории различных идей и концепций, но и из судеб отдельных ученых. Жизнь любого человека и тем более крупного ученого неотделима от жизни всего общества. На русской гуманитарной науке 20—30-х годов болезненно сказалось сильнейшее влияние идеологизации всей общественной жизни страны. Превращение науки в «научный фронт», на котором идет непрерывная борьба «прогрессивной» и «реакционной» ее частей, означало оттеснение на второй план, а затем и удаление из науки носителей ее академических традиций [1]. При этом относилось это не только к известным ученым, сформировавшимся и заявившим о себе в науке еще до революции, но и к их молодым ученикам и последователям. За изгнанием из науки для многих последовали ссылки, лагеря и тюрьмы [2]. В конце 1933 — начале 1934 гг. возникло так называемое «дело славистов», слухи о котором долгие годы ходили среди славистов нашей страны. Лишь недавно описание некоторых сторон этого сфабрикованного ОГПУ дела, составленное в основном по воспоминаниям его жертв, стало предметом научных публикаций [3].

Обращение к материалам, хранящимся в архиве Министерства безопасности Российской Федерации и посвященным «делу», дает представление о том размахе, с которым готовился политический процесс над гуманитарной интеллигенцией. Аресты проводились в Москве и Ленинграде, на Украине и в Белоруссии. Организаторы «дела» дали ему громкое название — «Контрреволюционная национал-фашистская организация „Российская национальная партия“» [4, т. 1—38].

Наше внимание привлек документ, появившийся уже после того, как «дело» было закончено, и связанный с выдающимся лингвистом Н. Н. Дурново, ставшим в ходе следствия одной из ключевых фигур «дела». Имеются в виду показания Н. Н. Дурново, данные 11—12 августа 1934 г. специальной комиссии, возглавлявшейся прокурором И. А. Акуловым [4, т. 18, л. 6—13]. Комиссия была направлена в Соловецкое и Кемское отделение Беломоро-Балтийских лагерей НКВД для уточнений, проверок и передопросов заключенных. Цель настоящей публикации — введение в научный оборот этого документа.

Робинсон Михаил Андреевич — канд. ист. наук, заведующий сектором Института славяноведения и балканистики РАН.

Петровский Леонид Петрович — научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

Прежде, чем обратиться к последним страницам научного и жизненного пути Н. Н. Дурново, мы считаем необходимым вернуться к 1924 г. Бросив взгляд на десятилетие его жизни, начавшееся отъездом из Советского Союза и закончившееся судебным приговором, мы сможем не только проследить крутые повороты в судьбе ученого, но и увидеть через них те проблемы, которые встали перед наукой в нашей стране.

Н. Н. Дурново пришлось испытать на себе все тяготы того неестественного состояния, в котором оказалась наука. В 1923 г. ученый оказался фактически безработным, в 1924 г. он выехал в Чехословакию в научную командировку. Как выясняется из публикуемых «Показаний Н. Н. Дурново», его поездку в Чехословакию организовал Р. О. Якобсон. Командировка затянулась, но у ученого не возникло ни малейшего сомнения в том, что он вернется на Родину. Главным препятствием к этому была проблема постоянного места работы. Так, 19 августа 1926 г. он писал Б. М. Ляпунову: «Карский предлагал мне место в одном из учреждений Академии наук. Если это удастся, то я, вероятно, осенью вернусь; если не удастся, придется остаться здесь на неопределенное время» [5, д. 90, л. 34]. В октябре Дурново с разочарованием вновь писал Ляпунову по тому же поводу: «Е. Ф. Карский обещал мне постараться предоставить место в одном из академических учреждений, и я совсем было собрался ехать, но предполагавшееся место не освободилось, и я теперь не знаю, когда мне, наконец, удастся увидеться со своей семьей» [5, д. 90, л. 44]. Невозможность вернуться серьезно угнетала ученого, весь 1927 г. он думал об этом, иногда впадая в полное отчаяние: «Мое материальное и семейное положение начинает становиться катастрофическим,— писал Дурново 17 мая Ляпунову,— и я совершенно не могу представить, когда я буду иметь финансовую возможность вернуться из своей просроченной за отсутствием средств заграничной командировки». В октябре его письма приобретают все более пессимистический характер: «Не знаю, когда буду в силах вернуться. Ни места, ни заработка в пределах СССР никак добиться не могу, а без этого мне денег даже на обратную дорогу не хватит» [5, д. 90, л. 55 об., 57].

Письма Дурново показывают его обеспокоенность тем, что его связи с коллегами в Советском Союзе стали постепенно ослабевать. «Большое спасибо за внимание, которое для меня особенно дорого, когда почти все, кроме родных, меня забыли,— сетовал он Ляпунову в письме от 13 октября,— и, по-видимому, решили, что я больше не вернусь» [5, д. 90, л. 57]. Однако на родине коллеги не только не забыли Н. Н. Дурново, но и старались помочь ему с возвращением. Вскоре такая возможность появилась, и ученый сразу же сообщил об этом Ляпунову и активно засобиравшись домой, хотя предложенное место и не вполне его удовлетворяло. 2 ноября 1927 г. он писал: «Из Минска письмо получил вчера. Сегодня послал телеграмму о согласии. Когда удастся выбраться, не знаю. Надо получить из Минска официальную бумагу и приглашение прибыть к месту службы со всеми печатями и прочее; на всякий случай не мешало бы иметь удостоверение от Академии наук, что я был командирован и, может быть, от Кубу (Комиссия по улучшению быта ученых.— М. Р., Л. П.) или Главнауки, что я с октября 1923 г. штатного места и постоянного заработка не имел (выехал я в августе 1924 г.). Думаю, что при самой усиленной спешке раньше декабря или января не выеду. Минску я, конечно, предпочел бы Москву или Петроград, потому что с молодю привык работать только по источникам, а в Минске их нет; до Москвы от Минска довольно далеко, до Петрограда еще дальше ...» [5, д. 90, л. 60, 60 об.].

Весь конец 1927 и начало 1928 гг. прошли в оживленной переписке между Брно, Москвой и Минском. Из нее выясняется, что не только сам Дурново не очень точно представлял, какое научное учреждение приглашает его в Минск, но и Ляпунов также имел на этот счет неверную информацию.

Чтобы внести ясность, ученик Ляпунова, П. А. Бузук, поспешил 26 ноября 1927 г. прояснить ситуацию. «Карский не совсем точно сообщил Вам,— писал он Ляпунову,— относительно приглашения профессора Дурново в Минск. Не Университет, а Институт Белорусской культуры приглашает его занять кафедру истории белорусского языка. Он, конечно, получит несколько часов и в Университете, как заявил мне Пичета. Инициатором этого приглашения являюсь я. Мне пришлось писать и отзыв о научных трудах Н. Н. Дурново. Профессор Дурново охотно согласился, и через некоторое время мы надеемся увидеть Н. Н. в Минске. Осталась еще одна инстанция — утверждение выборов в Совнарком» [5, д. 32, л. 60 об.—61]. О последнем обстоятельстве Бузук, очевидно, не сообщал Н. Н. Дурново, который был весьма обеспокоен возникшими в деле задержками. 20 декабря 1927 г. он сообщал Ляпунову: «Когда переберусь в Минск, не знаю. Последнее письмо от Бузука, в котором он сообщил, что все готово и что не позже, чем через 2 недели, я получу официальное извещение об утверждении, было от 14 ноября. Я тогда же ответил длинным письмом, в котором были еще некоторые вопросы, но до сих пор не только утверждения, которое я, по словам Бузука, должен был ждать около 1 декабря, но даже просто письма от него не получил. Числа 5 декабря я послал новое письмо ректору Минского Университета Пичете, но и от него до сих пор нет ответа. Получилось положение катастрофическое» [5, д. 90, л. 46—47]. Почти одновременно с письмом от Дурново Ляпунов должен был получить и письмо Бузука от 22 декабря, объяснявшее причину новых задержек: «Дело с избранием Н. Н. Дурново немного затормозилось, потому что заболел председатель нашего Отделения С. М. Некрашевич [...] в ближайшем будущем выборы будут, наконец, утверждены» [5, д. 32, л. 55]. Вернемся вновь к письму Дурново. В результате всех возникших несогласований и случайностей ученый оказался в крайне затруднительном положении. «Решивши,— писал Дурново,— что около 1 декабря моя семья получит из Минска авансом мое месячное жалованье, и что уже надо собираться в дорогу, я принялся за приготовления: отдал в переплет мои книги, заплатил большую часть долга хозяйке и собирался делать другие расходы; таким образом, те деньги, которые я посылаю в начале каждого месяца семье, были истрачены на другие нужды, и семья оказалась в этом месяце совсем без денег» [5, д. 90, л. 47, 48].

Весь январь следующего года Н. Н. Дурново ожидал со дня на день окончательного прояснения ситуации. 2 февраля 1928 г. он вновь сообщал Ляпунову: «Из Минска в понедельник 30 I получил письмо, что официальное приглашение и деньги на дорогу я получу на другой или на третий день. Сегодня уже четвертый. Жду. Уложился уже давно» [5, д. 90, л. 65]. Вскоре, однако, Дурново был уже в Минске. Институт белорусской культуры был преобразован в Белорусскую Академию наук (БАН), Н. Н. Дурново стал академиком. О том, как серьезно Дурново относился к повышению научного уровня БАН, свидетельствуют его размышления, которыми он делился с Ляпуновым. Прежде, чем обратиться к ним, отметим, что наука в Белоруссии этого времени страдала от тех же бед, что и наука всей страны. В число академиков АН СССР, особенно в гуманитарной области, активно продвигались или ученые, заявившие о своей приверженности марксизму, или известные государственные и партийные функционеры (Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский и т. д.). Академики «старой школы» были весьма невысокого мнения о научных достоинствах многих новых своих коллег. Академик В. Н. Перетц, называвший их «однобокими», в одном из писем академику М. Н. Сперанскому, сравнивая приверженцев академических традиций и «однобоких», замечал: «... то ученые; а это стыдно сказать что!» [6]. В республиках, где академии только зарождались, причем на фоне культурного и национального возрождения, их становление со-

проводилось еще и некоторыми издержками в национальном вопросе. К тому же среди самой национальной интеллигенции шли очень острые споры по проблеме выработки литературного языка, сопровождавшиеся зачастую несправедливыми упреками известнейших русских лингвистов в пренебрежении к языкам украинскому и белорусскому.

Н. Н. Дурново не мог не обратить внимания на эти тенденции в Академии наук. В одном из писем весны 1929 г. Ляпунову ученый давал следующую характеристику многим из своих коллег: «Они безграмотны, не понимают настоящей науки и только роняют имя белорусской „Академии Наук“ [...] Их белорусский патриотизм часто выливается в форму нелепого и вредного шовинизма. Но они или большинство из них не шарлатаны» [5, д. 90, л. 69]. Последнее обстоятельство было очень важно для Дурново. Он готов был понять и простить человека, если он был лично честен и искренен в своих заблуждениях, проистекавших скорее всего от незнания предмета [5, д. 90, л. 69 об.]. Но критика своих коллег отнюдь не являлась самоцелью для Дурново, напротив, она свидетельствовала о его горячей заинтересованности в делах Академии. В том же письме мы читаем: «В здешней Академии предполагается ввести институт членов-корреспондентов. Хотелось бы, чтобы хоть в члены-корреспонденты попали люди, давшие что-нибудь положительное для белорусской науки. В таком случае можно надеяться, что со временем и белорусская Академия станет ученым учреждением» [5, д. 90, л. 70]. Одной из кандидатур оказался Бузук. Дурново считал его безусловно заслуживающим звания члена-корреспондента и даже хотел сам писать отзыв о научных трудах Бузука. Вместе с тем ученый заметил: «Не могу сказать, чтобы я был очень высокого мнения о научных заслугах Бузука, ему не хватает вдумчивости, а самоуверенности у него больше, чем следует», однако «теперь он увлечен научной работой и работает, не останавливаясь, и это, конечно, симпатично». И далее: «Хотя он в Белоруссии и недавно, но для изучения белорусских говоров сделал больше самих белорусов; я бы сказал, даже больше самого Карского» [5, д. 90, л. 71, 71 об.]. Среди других кандидатов Дурново видел и П. А. Расторгуева, «но, — как писал Дурново, — он решительно отказывается и этим мешает нам несколько поднять престиж БАН, потому что, что же это за белорусская Академия наук, в которую не входят ученые, занимающиеся изучением белорусского народа, его истории, языка, этнографии и литературы (Карский, Любавский, Довнар-Запольский, Сержпутовский, Расторгуев, Жукович?)» [5, д. 90, л. 71 об.— 72].

Но очень недолго было позволено выдающемуся ученому бороться за укрепление молодой белорусской науки. В конце того же года он стал объектом политических преследований. 26 декабря 1929 г. Ильинский сообщил Ляпунову из Москвы: «Здесь мы глубоко возмущены травлей почтенного Н. Н. Дурново белорусскими учеными кругами. И всего ужаснее то, что его обвиняют в несуществующих преступлениях; например, он никогда не был „министерским братом“» [5, д. 117, л. 242 об.]. Попытка представить министра внутренних дел П. Н. Дурново (1844—1915), однофамильца Н. Н. Дурново, его братом, повторялась неоднократно и позднее. События развивались стремительно, в конце января 1930 г. Ильинский вновь информировал Ляпунова: «Бедный Н. Н. Дурново, в результате поднятой против него травли, буквально оказался на улице: даже пенсия осталась под вопросом ...» [5, д. 117, л. 251 об.]. Мы можем предположить, что Дурново стойко пережил следовавший за травлей удар — лишение звания академика, во всяком случае он ничем не выдавал своих чувств в переписке. У него были все основания обижаться на белорусских коллег, никак его не защитивших, но он, напротив, ищет им всяческие оправдания. Находясь уже в Москве, Дурново писал 13 февраля 1930 г. Ляпунову: «Белорусская Академия наук в моем увольнении почти неповинна. Это

было постановление ком'ячейки БАН, где распоряжались больше технические служащие, аспиранты и т. п. Президент БАН, хотя и коммунист, заседаний ячейки не посещает. Раз ячейка требовала, Президиум БАН не мог идти против». В этом же письме Дурново старался отвергнуть также слухи о безупречном поведении Бузука в случае с его изгнанием из БАН. Он готов признать некоторые отрицательные свойства характера Бузука — «сплетник». По мнению Дурново, Бузук слишком старался «афишировать свою советскость». «Но,— продолжал ученый,— он человек не злой, а добродушный, готов помочь другим, поскольку это не страшно. Научные интересы у него есть. Я уверен, что в истории со мной он был в стороне ...» [5, д. 90, л. 82 об.— 83].

Судьба ученого с мировой известностью не только неоцененного на Родине, но и отстраненного от научной работы, не могла не волновать его иностранных коллег. В феврале 1930 г., как писал Ильинский Ляпунову, Дурново получил приглашение из Чехословакии «от Брненского Университета выставить свою кандидатуру, наряду с Якобсоном, на кафедру русского языка. Но он предъявил такие условия, на которые едва ли пойдут чехи. Да и наше правительство едва ли отпустит» [5, д. 117, л. 250 об.]. Тогда же в феврале Дурново был среди узкого круга русских гуманитариев, приглашенных в посольство Финляндии «по случаю приезда профессоров Микколы и Мансикки» [5, д. 117, л. 248]. Финские коллеги самым непосредственным образом включились в дело вызволения Дурново из СССР. Очень интересное свидетельство этому мы обнаруживаем в той же переписке Ильинского и Ляпунова. 5 июня 1930 г. Ильинский сообщил: «Вчера я получил от профессора Мансикки довольно странное письмо. От имени Mikko'ly он просит сообщить Дурново, что тот (т. е. Mikkola) писал Луначарскому относительно его судьбы и получил „оптимистический ответ“: „В случае избрания Дурново в Академию имеется возможность получить разрешение на выезд в Чехословакию. Было бы поэтому крайне желательно, чтобы профессор Дурново, получив об этом извещение через Ваше посредство, обратился к Луначарскому для выяснения дальнейших шагов“. Я, конечно, тотчас исполнил эту просьбу, но удивляюсь, почему для этого понадобилось мое посредство: Миккола старый знакомый Дурново и даже бывал у него прошлой зимой» [5, д. 117, л. 271 об.]. Можно предположить, что Миккола не хотел демонстрировать лишний раз «связи» Дурново с границей. О том, что западные ученые стали внимательнее относиться к переписке с советскими коллегами, может свидетельствовать хотя бы то, что писавшие долгие годы письма Ляпунову только по-русски М. Фасмер и А. Мазон в конце 20-х годов перешли на немецкий и французский.

Ни избрание Дурново в академики, ни даже выдвижение его кандидатуры не состоялось, не выехал он и за рубеж. Оказавшись однажды в «черных списках», Дурново периодически попадал в какую-нибудь статью, разоблачавшую «чуждые» элементы в науке. Начавшаяся в конце 20-х годов «чистка» науки во всесоюзном масштабе продолжалась и в Белоруссии. Там никак не могли забыть одного из первых академиков, хотя основной удар был уже направлен на собственные национальные кадры. Среди жертв были уже и те, кого так нелестно характеризовал в свое время Дурново. Всех их марксистская критика объединила под названием «национал-демократы». Теперь для того, чтобы скомпрометировать национальных «уклонистов», их обвиняли в дружбе с «великодержавными шовинистами». Дурново припомнили, что приехал в Минск он не откуда-нибудь, а из Праги, и обвиняли в том, что до этого переезда он «выступал в своих работах, трактуя белорусский язык как наречие русского языка»; безусловной крамолой было то, что он «заявлял, что марксизм не имеет и не может иметь никакого отношения к теории языка» [7].

О настроении Дурново этого периода мы можем судить по тем сведениям,

которые почерпнуты из письма Ильинского от 13 июня 1931 г. Ляпунову. В письме речь шла о возможности принять участие в сборнике статей в честь известного финского слависта Й. Ю. Микколы. Русские ученые на протяжении 20-х годов всегда принимали участие в подобных изданиях. Но теперь на их решение оказывали влияние не степень уважения к юбиляру, а совсем другие обстоятельства. Итак, Ильинский, сообщая Ляпунову о своем намерении отправить и свою работу, писал: «Радуюсь, что Ваше имя не будет отсутствовать в Сборнике Микколы». Однако, продолжал ученый, «должен признаться, что готовлюсь к этому со стесненным сердцем. А. М. Селищев, ссылаясь на напряженные отношения нашего государства с Финляндией, предостерегает от участия в Сборнике, предсказывая, что оно может вызвать для советских авторов массу неприятностей. Поэтому сам А. М. Селищев воздерживается от посылки статьи. Но Дурново уже послал свою [...], говоря, что ему все равно нечего терять» [5, д. 117, л. 317]. Действительно, в тех условиях Дурново могло казаться, что терять ему уже нечего, и ничего худшего уже не случится — он был без работы и даже без академической пенсии, которую ему назначили только в середине 1932 г. [5, д. 117, л. 339]. Положение даже несколько улучшилось после того, как в октябре 1932 г. Дурново был приглашен «читать лекции по истории русского языка аспирантам в Институте» (Научно-исследовательский институт языкознания — НИЯЗ. — М. Р., Л. П.) [5, д. 117, л. 363].

Обстановка страха, созданная массовыми чистками гуманитарной интеллигенции, способствовала проявлению худших черт человеческой природы. Инстинкт самосохранения вытеснял понятия о порядочности. Стремясь как-то спастись, некоторые ученые готовы были быть еще более правоверными, чем сами власти, проявляя удивительную безжалостность к уже безвинно пострадавшим коллегам. Описание подобного поведения мы находим в письме Ильинского Ляпунову от 21 февраля 1933 г.: «На днях здесь кончилась „Белорусская неделя“. Бузук прочел отвратительный по типу доклад: „Пути развития белорусского языка“, в котором, между прочим, публично охарактеризовал Н. Н. Дурново как „контра“!! Тем не менее последний продолжает работать в НИЯЗе» [5, д. 117, л. 373]. В данном контексте последнее замечание очень важно, ибо дополнительно характеризует поступок Бузука. Мы абсолютно уверены, что Бузук не верил ни в какую контрреволюционность Дурново. Он всего лишь боялся того, что ему припомнят организацию приезда изгнанного академика в Минск. Однако, вспоминая таким образом столь уважаемого им ранее ученого, Бузук должен был понимать, что слова его — прекрасный повод если не для ареста, то для увольнения с работы. Именно так восприняли его выступление и все остальные, и то, что «обвинение» еще не сработало, их даже удивляло. Но того худшего, чего уже не предполагал в своей жизни Н. Н. Дурново, оставалось ждать совсем недолго. 28 декабря 1933 г. он вместе с сыном, А. Н. Дурново, был арестован.

Для нас очевидно, что первоначально задумывавшийся шумный процесс над научной гуманитарной интеллигенцией, возможно, по типу «Промпартии» или «Шахтинского дела», подготовить не удалось. Однако по постановлениям Коллегии ОГПУ и Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 29 марта и 2 апреля 1934 г. 32 человека были осуждены на различные сроки, от 3 лет ссылки до 10 лет заключения. Был составлен список еще из 36 человек, относительно которых «необходимо дополнительное расследование и уточнение имеющихся материалов» [4, т. 10, л. 36]. О том, что «дело славистов» не очень клеилось, говорит тот факт, что в «отдельное производство» были выделены дела шести академиков, квалифицированных следователями ОГПУ как «политический центр» Русской национальной партии (РНП): М. С. Грушевский, М. Н. Сперанский, Н. С. Курнаков, В. И. Вернадский, Н. С. Державин и В. Н. Перетц. Но только Сперанский

и Перетц были арестованы. Следует отметить, что арестованы оба академика были уже после того, как все основные участники якобы возглавлявшегося ими «заговора» оказались осуждены. В результате всех манипуляций с составом «руководства РНП» в обвинительном заключении собственно по «делу» остались только Дурново и Ильинский.

Пространное обвинительное заключение по «делу РНП» содержало множество фантастических пунктов — от подготовки убийства предсваркома В. М. Молотова до связей с иностранными русскими фашистами и срыва научной работы в институтах АН СССР [4, т. 10, л. 8—12]. На первой же странице документа мы натываемся на пассаж, в котором в более чем в оригинальном контексте возникают имена четырех известных ученых-филологов: Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона, П. Г. Богатырева и А. Мазона. Это место из обвинительного заключения имело принципиальный характер при создании всего «дела». Поэтому процитируем документ: «Контрреволюционная организация „РНП“ была создана по прямым указаниям заграничного фашистского центра, возглавляемого князем Н. С. Трубецким, Якобсоном, Богатыревым и другими. Оформление организации относится к первой половине 1930 г., после возвращения из-за границы и перевода в Москву профессора Дурново Николая Николаевича» [4, т. 10, л. 1]. Считаю необходимым процитировать и несколько пунктов из той части обвинительного заключения, которая характеризовала личную «вину» Дурново. Пункт второй гласил: «Был связан с руководителями русского национал-фашистского центра за границей — князем Н. С. Трубецким и Якобсоном; от которых получал директивные указания по работе националистической организации в СССР»; пункт третий: «Во время своего приезда из-за границы привез полученную им от Трубецкого Н. С. нелегальную евразийскую литературу, в частности, сборник Трубецкого „К проблеме русского самопознания“»; пункт пятый: «Поддерживал связь с французскими интервенционистскими кругами в лице профессора Мазона» [4, т. 10, л. 16—17].

Из приведенных обвинений совершенно очевидно, что органы госбезопасности старательно отслеживали связи Н. Н. Дурново с близкими ему лично и по научным интересам русскими учеными-славистами, проживавшими в основном в Чехословакии. Вообще, в судьбе Дурново его пребывание в течение трех лет в Чехословакии сыграло трагическую роль. Слишком дорого ему пришлось заплатить за кратковременную возможность свободного научного творчества и общения с коллегами.

Сколь важны были для творческой судьбы Дурново годы работы в Чехословакии, в чем состояла его действительная близость с Трубецким, Якобсоном и русской научной эмиграцией, мы можем судить по фрагментам его оживленной дискуссии с Ляпуновым, основанием для которой послужила публикация в Праге его статьи «Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов» [8]. Содержащиеся в письмах мнения Дурново позволяют также лучше понять его характер, человеческие качества и личность в целом, его представления о собственном месте в науке. Не будем углубляться в научное содержание полемики, отметим лишь, что ей посвящено не одно письмо и с той, и с другой стороны. Пик дискуссии приходится на тяжелейшее для Дурново время, когда его исключили из БАН, и он был вынужден переехать в Москву. Добавим также, что сразу по возвращении, в конце декабря 1929 г., ученый перенес неприятную операцию, после которой «больше недели питался только бульоном» и «очень ослаб» [5, д. 90, л. 76]. Но даже слабость и отсутствие чернил (пришлось писать карандашом) не заставили его отложить написание ответа на замечания Ляпунова к статье. Перед тем, как перейти к подробнейшей аргументации своей точки зрения, Дурново в письме от 2 января 1930 г. счел необходимым сообщить Ляпунову следующее: «Когда

я писал свои „Мысли“, я не надеялся встретить согласие с моими взглядами у лиц, не являющихся прямо или косвенно моими учениками. Поэтому для меня было приятной неожиданностью, когда мои мысли встретили сочувствие среди покойного П. А. Лаврова [...] Еще более меня удивило, что Кульбакин на съезде славистов заявил, что вполне присоединяется к моим положениям; думаю, что он сказал это, не подумавши, под влиянием Белича, в интересах которого присоединиться к моим мыслям. Зато среди молодежи я нашел ряд сторонников. Венский славист писал мне, что он в восторге от моей статьи, по этому же поводу.— М. Р., Л. П.) писала Корнеева из Воронежа. Пражский лингвистический кружок единогласно присоединился к моим положениям» [5, д. 90, л. 76—77]. Ляпунов ответил не менее пространственным посланием 10 февраля. Похоже, Ляпунов упрекнул Дурново в том, что тот в своем письме слишком апеллирует к известным в науке именам, поддержавшим выводы его работы. Уже 13 февраля у Дурново был готов ответ, представляющий образец чрезвычайной научной щепетильности. Отвоя упрек Ляпунова, Дурново излагает оппоненту собственные соображения о субъективности мнений своих ученых коллег. «Перехожу,— писал Дурново,— к спору по поводу моей статьи. Вы напрасно думаете, что я мог обидеться из-за несогласия с моими мыслями. Мысли, которые я высказываю в своей статье, я сам считаю недоказанными и сперва хотел даже свою статью назвать „Мысли и фантазии“... Насчет авторитетных лиц, согласных со мной, Вы меня не поняли. То, что Кульбакин по поводу моих мыслей, изложенных в тезисах Пражского лингвистического кружка, предложенных Съезду (славистов.— М. Р., Л. П.) (см. Travaux du cercle linguistique de Prague, t. I, p. 21—23 и 139—145), заявил, что он вполне присоединяется к этим мнениям, не свидетельствует еще о том, что он эти мнения продумал и убедился в их правильности. Скорее всего, он говорит это под влиянием Белича. А Белич, как всякий балканец, не может отделить науку от политики; ему могли понравиться мои соображения, потому что подвергают сомнению один из главных болгаризмов солунского наречия IX в. [...] Остается из старших авторитетов один П. А. Лавров. Но он не лингвист. На авторитет Трубецкого я сослаться не могу: у нас с ним до известной степени одна лавочка. Потом он вообще любитель радикального. Якобсон и Корнеева — мои ученики, способные переоценивать мои заслуги. Остается молодежь, которая вообще ищет новых путей» [5, д. 90, л. 83—84]. Таким образом, ученый, отдавая на открытый суд коллеги только свои научные наблюдения, признавал за последним полное право не соглашаться с ними. Заметим, что гораздо более строго относился Дурново к несправедливой, на его взгляд, критике работ других ученых. Примером может служить острая реакция на некорректную критику Селицевым одной из статей Трубецкого [5, д. 90, л. 89—90 об.].

Мы можем с полным основанием утверждать, что осужденным к 10-летнему сроку заключения оказался честный, глубоко порядочный человек и самоотверженный ученый. Столкновение с безжалостной машиной государственного террора неизбежно вело его к гибели.

Комиссия, посетившая Соловки в августе 1934 г., допросила не только Дурново, но и Ильинского, также начавшего отбывать свой 10-летний срок на Соловках. В материалах комиссии суммированы данные учеными показания. Оба решительно отказались от самооговоров, полученных от них на следствии, а Ильинский указал и на их причину: ему угрожали, «что в случае непризнания может быть арестована его жена». Он утверждал также, что никакая подпольная организация у М. Н. Сперанского не собиралась, а были «журфиксы, во время которых поругивали советскую власть» [4, т. 11, л. 361—363].

Публикуемые полностью «Показания Н. Н. Дурново» составляют весьма обширный документ. Ученому представилась возможность высказать свое

мнение по итогам всего «дела», и он не преминул ею воспользоваться. Надежды Дурново на облегчение своей участи были минимальными. Ученый точно так же, как и в переписке по научным вопросам, проанализировал факт изменения своих показаний со всех сторон и сам дал властям в руки аргументы для отклонения своей слабой надежды: «... я рискую быть обвиненным в том, что давал ложные показания и тем самым повел следствие по неверному пути и не получить того облегчения или сокращения срока моего наказания, на какое я мог бы рассчитывать в противном случае». Создается впечатление, что он все-таки надеялся на существование неких объективных государственных инстанций, способных разобраться в недуманности всего «дела». Давая новые показания и отрицая всякую антигосударственную деятельность, Дурново хотел подробно раскрыть характер своих воззрений на политические и научные проблемы, его волновавшие. Поэтому он так подробно останавливается на взглядах по национальному вопросу, на знакомстве с теорией евразийства, на близости к таким ученым, как Трубецкой и Якобсон. Он не скрывал именно то, что и было главным его преступлением с точки зрения властей, прекрасно знавших, что никакой антисоветской организации не существовало. Инакомыслие, которое Дурново считал неподсудным, обрекало его на преследования. Органам безопасности были безразличны высказывавшееся Дурново отрицательное отношение к идее интервенции против СССР и революционным «попыткам свержения советского строя». Но другие размышления Дурново, с их точки зрения, лишь подтверждали справедливость постигнутого его наказания. Разве мог «настоящий» советский человек допускать столько идеологически враждебных высказываний и сравнений, как это сделал Дурново, следующим образом определивший свое отношение к коммунизму и фашизму: «К идее коммунизма и принудительного коллективизма я относился отрицательно, но не менее отрицательно относился к фашизму»; или: «фашизм меня пугает, а коммунизм угнетает».

Вряд ли Дурново мог забыть, что в его обвинительном заключении важнейшим свидетельством его «преступления» было представлено знакомство с Трубецким и Якобсоном. Но в новых показаниях он не только не отказывался от своих «связей», но и самым подробным образом излагал их историю. Свои отношения с Трубецким и Якобсоном Дурново определил «как дружеские». Ученый продолжал гордиться Якобсоном: «он самый талантливый из моих учеников», Трубецкого ценил «как замечательного талантливого ученого». Дурново посчитал нужным остановиться на всем круге евразийских идей, объявленных в обвинительном заключении «фашистскими». Особого внимания заслуживают сообщения Дурново о том, что Трубецкой излагал ему свои взгляды, составлявшие политическую доктрину евразийства. Дурново и Трубецкой были единомышленниками в главном деле их жизни — занятиях лингвистикой. К евразийским же увлечениям Трубецкого Дурново относился весьма скептически, а к политической их интерпретации просто негативно. Говоря современным языком, тип будущего евразийского государства, как его представлял Трубецкой, должен был иметь форму тоталитарно-идеологическую, с диктатурой одной партии. «Примерами такого нового строя являются», по Трубецкому, коммунистический Советский Союз и фашистская Италия. Эта часть программы, как писал Дурново, «меня не удовлетворяла и произвела на меня, как на ученого, дорожающего свободой мысли, жуткое впечатление». В целом же, указав на многочисленные примеры нелогичности в суждениях коллеги, Дурново подчеркивал, что в политических вопросах Трубецкой «больше фантазер и мечтатель, а не практик». Дурново верно, на наш взгляд, подметил некую умозрительность политических прожектов Трубецкого. В реальной общественной жизни оба ученых так же, как и в науке, были единомышленниками. На Трубецкого производило гнетущее впечатление

организованное при коммунистической диктатуре искоренение русской интеллигенции [9, с. 96], он крайне отрицательно относился к немецкому расизму — нацизму [10, с. 81, 82, 84], последние месяцы жизни ученого были отравлены пристальным вниманием гестапо, устроившим в доме ученого в Вене обыск [9, с. 98].

Единственным местом в показаниях Дурново, которое вызывает сомнение в его искренности, является конец публикуемого документа. Жажда продолжать научную работу заставила ученого высказать желание помочь «своими работами опровергнуть уверения заграничной антисоветской печати о тяжелом положении гуманитарных наук в СССР». Приведенные нами ранее выдержки из переписки Дурново не дают оснований сомневаться в ясном представлении им реального удручающего положения дел в отечественной науке.

Прежде чем обратиться к полному тексту соловецких показаний Дурново, мы считаем необходимым остановиться на нескольких документах уже тюремно-следственного дела. Сюда относятся материалы наблюдения за ученым на Соловках, где он был заключен в одиночную камеру. В одном из донесений читаем: «Дурново Н. Н.— в письмах к своей жене предупреждает о возможной его смерти и дает указания, как поступить с научными трудами и кого следует известить о смерти [...] В данное время продолжает проявлять беспокойство о семье, от которой не получает никаких известий. [...] Занимается разработкой старописных и печатных документов, предоставляемых нами из Музея». В другом документе: «Моральное состояние без изменений. Продолжает беспокоиться о семье, от которой из получаемых им изредка писем ему известно, что его письма и рукописи не получены. Просит разъяснить ему причины неполучения писем семьей и сообщить о судьбе высланных рукописей. Днями Дурново передал составленную им Сербскохорватскую грамматику для пересылки семье, при этом заявил, что он не имеет никакой уверенности, что эта рукопись будет доставлена адресату. Продолжает заниматься разработкой старописных и печатных документов Соловецкого музея, которые доставляют ему в камеру» [4, т. 18, л. 13, 14]. Перед нами возникает уже знакомый по письмам образ ученого, продолжающего свой научный труд-подвиг даже в ужасных условиях заключения, все так же беспокоящегося о своей семье, как это было в годы его профессорства в Университете Брно.

Показания Дурново, данные им специальной комиссией, не облегчили его судьбы. А в роковом 1937 г. наряду со справкой начальника тюрьмы, повторявшей в еще более примитивной форме дикие обвинения из «дела» 1934 г. («фашист», «тесно связан с представителями иностранных государств» и т. д. [4, т. 18, л. 1]), они послужили основанием для «тройки» приговорить ученого к расстрелу.

При публикации незаверенной машинописной копии документа [4, т. 18, л. 6—13] мы специально не оговариваем исправления в тексте грамматических ошибок и опечаток, а также раскрытие сокращенных слов. Публикация сопровождается минимальным комментарием.

Показания Н. Н. Дурново 11—12 VIII 1934

В изменение показаний, данных мною на предварительном следствии в январе, феврале, марте и апреле 1934 г., считаю долгом сообщить следующее:

В значительной своей части эти показания НЕТОЧНЫ или ЛОЖНЫ. Я не отрицаю своего несогласия с идеей коммунизма и с тактикой Советской власти, своих связей с профессорами Якобсоном и Трубецким, некоторыми русскими политическими эмигрантами в Чехословакии и Югославии и членами чехословацкого дипломатического корпуса; признаю, что я не только лично отрицательно относился к Советской власти, но и не скрывал своего отношения и в разговоре с другими лицами, не только гражданами СССР, но и с иностранными учеными; не скрываю и того, что на собраниях у академика М. Н. Сперанского и профессора Гр. А. Ильинского, кроме разговоров на темы, связанные с нашей научной работой, бывали

разговоры и на политические темы, в которых и я принимал участие, причем некоторые из присутствующих выражали свое недовольство существующими в СССР порядками. НО Я РЕШИТЕЛЬНО ЗАЯВЛЯЮ, что ни о какой организации, ставившей своей целью свержение Советской власти, никаких разговоров не было (самое название организации я долго не мог придумать, поэтому его нет ни в январских, ни в февральских показаниях, и оно появляется только в марте); никто из бывших у Сперанского и Ильинского, насколько я помню, не выражал своего сочувствия к вредительству, саботажу и т. п. как к методам борьбы с Советской властью. Не помню, чтобы кто-либо возлагал какие-нибудь надежды на интервенцию. Лично я считаю интервенцию изменой не только Советской власти и пролетариату, но и нации, я бы непременно стал возражать и должен был бы это запомнить.

Мои показания об организации и об участии в ней академика М. Н. Сперанского, профессора Гр. А. Ильинского и других лиц, а также о директивах, данных мне профессором Трубецким и Р. Якобсоном, и о привлечении молодежи были вызваны отчасти моим болезненным состоянием, которое могут подтвердить врачи, пользовавшие меня во время моего пребывания в изоляторе ОГПУ в Москве и в Бутырской больнице, и сидевшие со мной в камере Ф. В. Буюрковский, инженер Урбанович и И. М. Шратеров, отчасти явной невозможностью доказать, что мои связи с профессорами Р. Якобсоном и Трубецким, с русскими политическими эмигрантами и чехословацкими дипломатами не носили политического характера. Дело осложнялось, помимо всего, женитбой моего сына на родной племяннице профессора Трубецкого² и сближением его с бывшими аристократами, а также показаниями М. Н. Скачкова³. Ввиду всего этого, боясь, что отрицание политического характера моей поездки в Чехословакию, Вену и Югославию и моей дальнейшей политической активности только затянет следствие, и я лично от этого ничего не выиграю, я решил признать и то, и другое. Признание моей политической активности вело к признанию моего участия в политической организации. В качестве такой организации я мог назвать лишь кружок лиц, бывших у академика Сперанского и профессора Ильинского, так как у меня лично никто, кроме родственников моей жены, стоявших в стороне от всякой политики, и не собирался, тем более, что мне с самого начала было предъявлено обвинение в том, что я входил в организацию, возглавляемую Сперанским.

Что касается моих политических взглядов и убеждений, то они не отличаются ясностью вследствие того, что, будучи погружен в свои научные занятия, я всю жизнь мало интересовался политическими, социальными и экономическими вопросами. Могу сказать, что хотя я и признавал, что бывают моменты в развитии общества, когда революция неизбежна, я все же вообще всегда был противником революционных методов борьбы с существующим строем и таким остаюсь и в настоящее время, почему отношусь отрицательно и к попыткам свержения Советского строя, носящим революционный характер. К идее коммунизма и принудительного коллективизма я относился отрицательно, но не менее отрицательно относился к фашизму, не говоря уже о той форме, в какую он вылился в Германии. В то же время, однако, я признаю, что те формы государственного строя (абсолютизм, сословная монархия или республика, демократическая монархия или республика), какие существовали до окончания войны, являются формами отжившими, на что указывают перманентные правительственные кризисы во всех парламентских странах. Что должно прийти на смену отжившим формам государственного строя, не знаю, но фашизм, с его подавлением инакомыслящих и имевших несчастье родиться не от тех родителей, с его безудержным деспотизмом и рабовладельческими методами, меня пугает, а коммунизм угнетает. Поэтому я страшно боюсь всяких переворотов и отношусь к политике по-обывательски, по пословице «перемелется, мука будет». Также неопределенны и, так сказать, негативны мои взгляды на социальный строй. Капитализм, по крайней мере, в той форме, в какую он вылился в буржуазных странах, а в другой форме я его не знаю, представляется мне явлением ненормальным, и я не сомневаюсь в том, что он переживает кризис, которого он не переживет, но и к коммунизму, как я уже сказал, я отношусь отрицательно. А возможно ли что-нибудь третье, не знаю. Относительно своего национализма я могу сказать, что я признаю примат нации над классовостью, сочувствую попыткам любой национальности самоопределиться как нация, приветствую развитие всякой национальной культуры и языка во всей их самобытности, что не мешает мне сознавать себя русским и желать успеха и самобытного развития прежде всего русской культуры и языка. Уважая права каждой нации, каждой народности, я всегда был против подавления одной национальности другой, против той русификации и германизации, какая проводилась императорскими пра-

¹ В протоколе допроса Н. Н. Дурново от 7 февраля 1934 г. уже появляется название «Российская национальная партия» [4, т. 5, л. 38, 39]. В феврале оно же фигурирует и в допросах Г. А. Ильинского, А. Д. Седельникова и др. [4, т. 5, л. 41, 47, 49 и др.].

² Семнадцатилетняя жена А. Н. Дурново В. В. Трубецкая была арестована 31 декабря 1933 г., приговорена к 3 годам ссылки, В. С. Трубецкой получил 5 лет ссылки. В октябре 1937 г. «тройка» НКВД Узбекской ССР приговорила и отца, и дочь к расстрелу, там же, в Узбекистане, был расстрелян 28 ноября и А. Н. Дурново.

³ М. Н. Скачков — литератор, член компартии Чехословакии, был арестован и обвинен в принадлежности к антисоветским организациям за рубежом и к РНП. Из дела явствует, что Скачков дважды вербовался ОГПУ, по его собственным показаниям 1931 г. работал под кличкой «Клименов» [11]. Сыграв, как следует из показаний Дурново, важную роль в деле РНП, Скачков, однако, не был включен в списки осужденных ее «членов». Приговорен 29 марта 1934 г. к расстрелу с заменой 10-летним заключением в лагере.

вительствами в России, Германии и отчасти Австрии, или колонизации в теперешней Польше, чехизации и словакизации в Чехословакии и сербизации в Югославии, и я находил, по крайней мере, до 1930 г., что национальный вопрос в СССР разрешен в общих чертах верно. Но в то же время мне, как русскому, больно было видеть, как творцы украинского и белорусского литературных языков часто заботились не столько о том, чтобы они были действительно украинским и белорусским, сколько о том, чтобы они не были похожи на русский и наводняли их полонизмами, чехизмами и даже германизмами, неизвестными живому языку.

Мои отношения с Р. Якобсоном и Трубецким я могу определить как дружеские. Сближение с Якобсоном началось на почве общих научных интересов: он самый талантливый из моих учеников. Начиная с 1921 г., когда я, совсем больной, вернулся в Москву из Саратова, он принимал во мне большое участие. Он тогда уже был за границей.

В 1924 г., когда я, после закрытия комитета по составлению словаря русского языка, оказался без работы, он предложил мне приехать к нему в Чехословакию и обещал денежную поддержку. Когда я туда приехал, он выхлопотал мне пособие от Чешского министерства иностранных дел. Это пособие получали главным образом русские профессора-эмигранты, как А. Л. Петров⁴. Якобсон тогда служил в Советской миссии. Коммунизму он не сочувствовал, но от русских эмигрантов держался в стороне. Его личные связи были очень пестры, с одной стороны, он был в близких отношениях с рядом чешских коммунистов и левых организаций вроде Деветсила⁵, был дружен с Эренбургром, Маяковским, останавливавшимся у него в Праге, с Вайскопером, Бог. Матеусом, переводчиком Блока и Маяковского и др., с другой стороны, дружил с Трубецким и Карцевским⁶. К числу его друзей принадлежал и секретарь Бенеша Папоушек. Русские эмигранты по большей части считали его советским шпионом. Скачков бывал у него редко. Якобсон предупреждал меня, что Скачков возвращенец и что с ним надо быть осторожным. Позднее, приглашая Скачкова к себе, чтобы познакомить его со своим сыном, я совершенно не представлял себе его политического лица и думал, что он если не коммунист, то близок к коммунизму. Я хотел, чтобы он познакомился с моим сыном, только ввиду их общих научных интересов в области славянских литератур (чешской и сербохорватской⁷). Хотя коммунизму Якобсон тогда не сочувствовал, но к своим обязанностям в Советском полпредстве относился, насколько я могу судить, добросовестно и с некоторым энтузиазмом. Внешнеполитические отношения СССР он расценивал, как например, в бессарабском вопросе, с точки зрения интересов Союза. Встречаясь часто с чехословацкими и югославскими дипломатами, он в беседе с ними проводил мысль о необходимости установления правильных дипломатических отношений Чехословакии и Югославии с СССР и надеялся на скорое разрешение этого вопроса. Помню, в какой энтузиазм его приводили известия об успехах китайских коммунистических войск в 1925 г. или 1926 г.: он рисовал себе картину слияния СССР и Китая в один гигантский союз. Играл ли он какую-нибудь роль при выдаче паспортов русским возвращенцам, не знаю. Мое впечатление, что Скачков получил паспорт помимо него, и что он вовсе не рассчитывал на антисоветскую деятельность Скачкова в СССР. Своей службой в Советской миссии Якобсон тяготился и не оставлял ее по финансовым соображениям. Ушел из миссии он после моего отъезда в 1928 или 1929 г. После утверждения его профессором в Брне он принял чехословацкое гражданство.

С профессором Трубецким я познакомился в 1915 или 1916 г., но до 1918 г., когда он уехал за границу, встречался с ним всего раза 2 или 3. О его евразийстве я узнал еще до 1924 г., но что такое, евразийство, ясно себе не представлял. За границей мы очень близко сошлись. Я с ним встречался несколько раз в Праге у Якобсона, в 1925 или 1926 г. был у него в Вене, где пробыл дня 4, занимаясь в славянском семинарии, затем заезжал к нему по дороге на Византологический съезд в Белграде в апреле 1927 г. и на обратном пути в мае того же года. В последний раз я виделся с ним в Брне в ноябре 1927 г., когда он приезжал ко мне перед моим отъездом в СССР. К этому разу относится фотографический снимок, на котором сняты он, я, Якобсон и Богатырев. Во время моего пребывания за границей мы часто переписывались, почти исключительно по научным вопросам. Я высоко ценю Трубецкого как замечательного талантливого ученого, но его евразийскую теорию полностью не разделяю, а из его политической программы ценю только критическую часть. Сущность евразийской теории следующая. Нет единой общечеловеческой культуры, а есть ряд различных культур, хотя общающихся одна с другой и влияющих в большей или меньшей степени одна на другую, но все же идущая каждая своими путями. Характер культуры, как и народов

⁴ А. Л. Петров (1859—1932) — историк-славист, профессор Петербургского университета, автор работ по средневековой истории славянства, истории «Угорской Руси», униатства. С 1922 г. жил в Праге, с 1929 г. член Института славяноведения в Праге.

⁵ Деветсил — объединение молодых писателей и художников левого направления, организованное в 1920 г.

⁶ С. О. Карцевский (1884—1955) — член Пражского лингвистического кружка, с 1925 г. жил и работал в Женеве.

⁷ Дурново в письме Ляпунову 2 ноября 1927 г. так охарактеризовал научные интересы сына: «Мой сын также филолог, но пока со склонностью к истории и литературе. Три года тому назад увлекся Византией и писал роман из византийской истории, потом увлекся Египтом; сейчас, кажется, его интересы ближе к родине. С детства питает наследственный интерес и симпатии к сербам, их истории и эпосу. Не знаю, что из этого выйдет» [4, д. 90, л. 61].

носителей культуры, тесно связаны с природным условием. Территория СССР и Монголии представляет единственное в свете явление: нигде в мире нет таких расстояний от моря, и морские сношения не играют такой ничтожной роли, сводящейся почти к нулю, и нигде в мире нет такой огромной сплошной равнины. Эту территорию и прозвали Евразией, противопоставляя ее Западной Европе и Восточной и полуостровной Азии. С природными особенностями Евразии они (евразийцы.— *М. Р., Л. П.*) связывают и характер заселяющих ее народов и их культуры. По своему характеру и национальной культуре народы Евразии, по их мнению, ближе друг к другу, чем любая из них к народам Западной Европы, и культура евразийская в своей самобытности сильно отличается от культуры европейской. Трубецкой пытается это доказать научно сравнением народной музыки туранских и восточнославянских народностей и указанием туранских элементов в русской культуре и языке. Европейская культура, по мнению Трубецкого, привита русскому народу искусственно и потому усвоена им лишь поверхностно. Многие в этой теории представляется мне спорным. Политическая программа Трубецкого мне не вполне ясна. Может быть, я не все его политические статьи читал, потому что он мне этих статей не давал. Книгу «К проблеме русского самопознания»⁸, где есть статьи политического характера, он дал [мне] потому, что в ней имеются две самых больших в книге и ценных статьи научного содержания.

Сам он в беседе со мной развивал свои политические идеи, но я запомнил только его теорию смены типов государственного строя и мысли об организации многопалатной системы народного представительства. По первой теории, все типы государственного строя, существовавшие до конца войны, основаны на двух принципах — аристократическом и демократическом; типичской (но необязательной) формой правления, основанной на аристократическом принципе, является монархия, типичской формой правления, основанного на демократическом принципе, — демократическая республика (но есть и демократическая монархия). Первый тип уже давно отжил, второй обнаруживает явные признаки своего вырождения. На место его идет новый тип, основанный на принципе идеологическом: право управлять государством дает не происхождение, как при аристократическом строе, не арифметический подсчет голосов, как при демократическом, а известная идеология. Примерами такого нового строя являются, с одной стороны, Советский Союз, с другой — фашистская Италия. По этому типу Трубецкой хочет построить и будущую конституцию Евразии. В Евразии должна установиться диктатура отдельной партии; все дети и юношество будут воспитываться в государственных школах, где в них будет внедряться только одна идеология правящей партии. Наука, литература, искусство должны подчиняться директивам партии, другая идеология не должна допускаться. Но что это за идеология и какая программа партии, я так себе и не выяснил. Совершенно не представляю себе, как Трубецкой решает проблему взаимоотношения классов. О капитализме он высказывается отрицательно, но что противопоставляет одинаково нежелательным для него капитализму и коммунизму, не ясно. Насколько его критика аристократического строя мне казалась меткой, настолько положительная часть его программы меня не удовлетворила и производила на меня, как на ученого, дорожащего свободой мысли, жуткое впечатление. Идея многопалатной системы Трубецкого состоит в том, чтобы каждая группа вопросов, объединенных в одном или двух близких по функциям министерствах, решалась особым парламентом, избранным независимо от другого подобного парламента, а не комиссией, выделенной из единого парламента, что устранило бы затруднение избирателя, если он по одним вопросам согласен с программой одной партии, по другим с другой. Как этот проект, предполагающий в государстве несколько партий, совместить с его теорией о необходимости диктатуры одной партии, для меня неясно. Отмечу некоторые черты в политических статьях Трубецкого, вызвавшие со стороны некоторых эмигрантов, в том числе Милюкова, обвинение его в большевизме. Трубецкой не только не обвиняет их (большевиков.— *М. Р., Л. П.*) в том, что благодаря им отделились западные окраины бывшей России, но находит это отделение естественным следствием их географического положения близко к морю; он не считает унижением России замену названия «Российская империя» названием «СССР» и, наконец, ставит в заслугу большевикам то, что они первые заговорили с Востоком без европейского высокомерия, как равные с равными.

Мое впечатление от Трубецкого, что он только теоретик и в решении политических вопросов больше фантазер и мечтатель, а не практик. Проектируемая им «партия» вряд ли способна когда-нибудь стать партией. Отчетливо выраженное в его статьях отрицательное отношение к западноевропейским политическим системам и группировкам исключает всякую мысль о возможности его соглашения с какими-нибудь европейскими государственными организациями с целью осуществить свою мечту о будущем строе в Евразии. А в СССР с его идеями знакомы лишь немногие, но большей частью, если не все, люди политически не активные.

Никаких директив я и, тем более, думаю, Бузук от Трубецкого не получали, да он вряд ли способен был мне их дать. Если я в своих показаниях и говорил о таких директивах, то только потому, что во время допросов убедился, что его считают главой русских фашистов, а потому моя дружба с ним не могла представляться в другом свете, как только в свете сближения с целью общей активной политической работы.

С доктором Н. Гр. Рукиным, дальним родственником моей жены (которого она ни разу

⁸ Подробный анализ книги Н. С. Трубецкого «К проблеме русского самопознания. Сборник статей» (Париж, 1927) содержится в статье В. Н. Топорова [10, с. 68—81].

не видела), я познакомился во время одной из своих поездок в Подкарпатскую Русь. Это уже пожилой человек, в начале революции эсер и друг Керенского, но в то время, когда я у него был, уже отставший от политики, живший больше воспоминаниями.

В Белграде, где я застрял и пробыл целый месяц вместо предполагавшихся 15 дней, благодаря тому, что своевременно не запасся чешской обратной визой, мой знакомый, белградский профессор д-р Радван Кошутич устроил меня, так как у меня не было денег на оплату № в гостинице, в Земгоре, благодаря чему я в течение 15—20 дней находился в обществе эсеров. Фамилии их я не помню. Я наблюдал их и их отношение к другим эмигрантским партиям, как сторонний наблюдатель. Конечно, они говорили больше о политике. К Советской власти они относились хотя враждебно, но менее чем другие партии, представителей которых мне, впрочем, видеть не пришлось. В библиотеке Земгора получались московские газеты и покупались книги советского издания. Все они страстно желали установления правильных дипломатических отношений с СССР и чрезвычайно враждебно относились к представителям других русских эмигрантских политических партий.

Академик М. Н. Сперанский — крупный ученый с мировым именем. В настоящее время ему 71 год, но до самого ареста он был одним из самых активных членов Академии наук СССР, бывал почти на всех сессиях, выступая часто с докладами научного характера и участвуя в академических изданиях. От политики он всегда стоял в стороне, ни в какой политической партии не состоял, на выборах до революции голосовал за кадетов. Большим местом его является некоторый антисемитизм, вернее, какое-то инстинктивное нерасположение к евреям, однако без каких-либо конкретных выводов. К Советской власти относится несочувственно, но является решительным противником вредительства, саботажа и других актов, имеющих целью мешать Советской власти или ее дискредитировать. Понедельник у него в 1906 г. [стал открытым днем], когда он был выбран профессором Московского университета, я познакомился с ним еще до 1906 г. в один из его приездов в Москву. По понедельникам у него собиравались обыкновенно его ученики и ученицы: приходили и его коллеги по университету и приезжавшие в Москву иногородние ученые. Я бывал у него сравнительно редко и только по понедельникам. Несколько чаще я стал бывать у него, но обычно не чаще одного раза в месяц, после 1921 г., когда круг моих знакомых сильно сократился. В дружбе со Сперанским я никогда не был. Сам Сперанский у меня не бывал вовсе. На собраниях у Сперанского бывали самые разнообразные посетители, преимущественно ученые. Последнее время чаще других бывали профессор Г. А. Ильинский с женой и академик М. С. Грушевский. Разговоры велись на самые разнообразные темы, но больше общего содержания. Бывали разговоры и на политические темы, но несерьезные. Самого Сперанского политические вопросы, видимо, не интересовали. Он больше рассказывал об академических делах и любил делиться воспоминаниями. В моих показаниях следователю говорится, что собрание, на котором было решено организовать партию для борьбы с Советской властью, было назначено на понедельник и в этот день состоялось. Это явная несообразность, так как на понедельник никто не приглашался; приходили кто хотел, и всегда мог прийти человек, присутствие которого на конспиративном собрании было бы нежелательно. В действительности такого собрания и не было.

О политической физиономии большинства лиц, бывавших у Сперанского, ничего не могу сказать, так как разговоры на политические темы поддерживали лишь немногие и их несочувствие к Советской власти выразилось в очень общей форме.

Мое показание о том, что я информировал Сперанского о своей поездке за границу, неточно. Я рассказывал о своей поездке, но хорошо помню, что ни слова не говорил о своих встречах с политическими чешскими и русскими эмигрантскими кругами, а также и о политических взглядах и идеях профессора Трубецкого.

У профессора Ильинского бывало значительно меньше народа, чем у Сперанского, и чаще бывали случайные лица, т. е. такие, которых я видел у Ильинского только по одному разу. Некоторые из них, как, например, Квитку, Курило, Кравцова, Вознесенского, Теньера у Сперанского я ни разу не встречал. Знакома меня с Квиткой, Ильинский, конечно, не мог мне рекомендовать его как члена организации потому, что такой организации и не было. Эпизод с передачей Квитке книги Трубецкого происходил так, как рассказывал в своих показаниях Квитка. Я сначала не хотел давать ему книги Трубецкого и дал только тогда, когда убедился (пока он, сидя у меня, делал из нее выписки), что его во всей книге интересовал только эпизод о туранских элементах в русской и украинской народной музыке (песне).

У меня лично почти никто не бывал, если кто и бывал, то только по делам, связанным

9

К. В. Квитка (1880—1953) — известный исследователь музыкального фольклора, профессор историко-этнографической кафедры Московской консерватории, осужден на 5 лет.

Е. Б. Курило (1890—?) — украинский языковед и педагог, сотрудница Института языкознания АН УССР.

Н. И. Кравцов (1906—1980) — в начале 30-х годов работал в Институте славяноведения в Ленинграде, осужден на 5 лет.

А. Н. Вознесенский — профессор русской литературы, работал до 1931 г. в Белорусском университете, осужден на 5 лет.

Л. Теньер — французский лингвист, в конце 20-х годов посещал СССР, принимал участие в работах Пражского лингвистического кружка.

с моей работой в советских издательствах и Ниязе. Один раз была Курило по приезде в Москву.

Настоящие показания не имеют целью добиться пересмотра моего дела или смягчения наказания. Так как я не могу доказать, что мои связи с эмигрантскими и чехословацкими политическими деятелями носили именно тот характер, какой придается им в данном показании и какой они действительно имели, то у прокуратуры в лучшем для меня случае все же не может быть полной уверенности в их правдивости. Мало того, признавая мои старые показания ложными, я рискую быть обвиненным в том, что давал ложные показания и тем самым повел следствие по неверному пути, и не получить того облегчения или сокращения моего наказания, на какое я мог бы рассчитывать в противном случае.

Тем не менее я не теряю надежды, что ОПТУ или заменивший его судебный орган учтет тот факт, что, если верить в мою активную попытку свергнуть Советскую власть, я оказался никуда не годным заговорщиком и потому не могу считаться опасным элементом, и что моя научная деятельность не идет в разрез с советской политикой, как об этом свидетельствует мое участие в советских энциклопедиях и поручение, дававшееся мне советским издательством, так что я мог бы еще работать для советской науки, участвуя как в советских, так и в заграничных изданиях и, помогая своими работами, опровергнуть уверения заграничной антисоветской печати о тяжелом положении гуманитарных наук в СССР, так как со времени утверждения советского строя моя научная продуктивность до 1934 г. возросла против прежней вдвое и к этому времени относятся те мои работы, которые считаю лучшими.

23—13 VIII 34 г.¹⁰

п.п.¹¹ Дурново

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Робинсон М. А. Государственная политика в сфере науки и отечественное славяноведение 20-х годов.— В кн.: Исследования по историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991.
2. Горяинов А. Н. Славяноведы — жертвы репрессий 1920—1940-х годов: некоторые неизвестные страницы из истории советской науки.— Советское славяноведение, 1990, № 2.
3. Бернштейн С. Б. Трагические страницы из истории славянской филологии (30-е годы XX в.).— Советское славяноведение, 1989, № 1.
4. Архив Министерства безопасности Российской Федерации (МБРФ) по Архангельской области, д. Р-28879.
5. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (ПФ ААН, бывший ЛО ААН), ф. 752 (Б. М. Ляпунов), оп. 2.
6. ПФ ААН, ф. 172 (М. Н. Сперанский), оп. 1, д. 226, л. 222.
7. Вольфсон С. Классовая борьба на научном фронте Белоруссии.— Фронт науки и техники, 1931, № 1, с. 41.
8. Дурново Н. Н. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов.— *Byzantinoslavica*, гоф. Praha, 1929.
9. Топоров В. Н. Николай Сергеевич Трубецкой — ученый, мыслитель, человек (К столетию со дня рождения).— Советское славяноведение, 1991, № 1.
10. Топоров В. Н. Николай Сергеевич Трубецкой — ученый, мыслитель, человек (К столетию со дня рождения).— Советское славяноведение, 1990, № 6.
11. Центральный архив МБРФ, д. Р-16999, л. 241—242, 273.

¹⁰Возможно, цифры обозначают время окончания допроса — 23 часа 13 августа, заметим, однако, что в заголовке документа значатся только 11 и 12 августа.

¹¹По-видимому, «п.п.» означает «подпись подследственного».

РОБИНСОН М. А.

ПИСЬМО П. Н. САВИЦКОГО Ф. И. УСПЕНСКОМУ

Русская наука 20-х годов оказалась разорванной на оставшуюся на Родине и оказавшуюся в эмиграции. После завершения гражданской войны постепенно, очень медленно начали восстанавливаться контакты между этими частями, прежде всего на личном уровне. В России были живы еще академическая традиция и ее виднейшие представители, такие, например, как глава тогдашнего русского византиноведения, редактор «Византийского временника» академик Ф. И. Успенский. Новые поколения русских ученых, входившие в научную жизнь уже за границей, искали у них понимания своих творческих исканий, стремились наладить обмен научными изданиями.

Центром русской научной эмиграции, как известно, была Прага. Там группировались и старая русская профессура, и ее новые ученики. Вокруг известного историка византийского и древнерусского искусств академика Н. П. Кондакова сложился семинарий, продолживший свое существование и издание трудов и после смерти ученого в 1925 г. Занятиями семинария стал руководить будущий известный историк-евразиец Г. В. Вернадский. Он еще в 1922 г. начал переписку с Успенским, активно предлагая разные виды сотрудничества, вплоть до совместной работы над переводами трудов Константина Багрянородного. В Праге этот перевод делался «учениками Кондакова Н. М. Беляевым¹ и Н. П. Толлем» [1, д. 458, л. 11]. Вернадский информировал Успенского о том, что на Белградском конгрессе византистов 1927 г. «у многих славянских ученых» появилась мысль «о желательности некоторого объединения текущей научно-издательской работы славянских ученых в области византиноведения. Разумеется, при этих разговорах всегда и всеми высказывалась мысль о том, что при других условиях естественным центром работы славянских ученых по византиноведению был бы „Византийский временник“, но в настоящее время слишком затруднены почтовые и личные сношения, почему временно роль такого русско-славянского центра мог бы играть „Seminarium Kondakovianum“, конечно — под Вашим покровительством и так сказать с Вашего благославления» [1, д. 458, л. 14—14 об.].

После того, как Вернадский перебрался в 1927 г. в США, инициатива общения с Успенским перешла к его коллеге по евразийским исследованиям, П. Н. Савицкому, который выступал в переписке не только от себя, но и

Робинсон Михаил Андреевич — канд. ист. наук, заведующий сектором Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ Н. М. Беляев (1899—1930) — археолог, историк византийского искусства и русской иконографии, вел раздел зографии, иконографии в изданиях семинария им. Н. П. Кондакова.

представлял интересы семинария. В письмах появляется новый круг проблем, специфически евразийский аспект. Савицкий впервые обратился к Успенскому 7 октября 1927 г., сразу сообщив ему: «В круг лично моих интересов входят геополитические проблемы» [1, д. 507, л. 1]. Ученый надеялся получить от Успенского его новые работы, связанные с историей монгольских завоеваний. Со своей стороны, Савицкий высылал «заказным отправлением» книгу Г. В. Вернадского („Начертание русской истории“, 1) и свою („Географические особенности России“, 1)»². В другом письме, от 7 декабря 1927 г., он писал: «Мы здесь готовим сейчас к печати небольшую книгу: „Скифы и гунны (кочевые державы Евразии)“³ — первую часть задуманной истории Евразии. В связи с продумыванием проблемы этой последней, мечтал бы иметь у себя Вашу историю Византии» [1, д. 507, л. 2].

Успенский, очевидно, проявил интерес к тому, как сформировались теоретические воззрения Савицкого. Отвечая на его вопросы, Савицкий показал путь, по которому он пришел к евразийству. В письме мы находим сведения и о биографии, и о работах ученого, о становлении евразийства как историко-философской концепции [1, д. 507, л. 3—4 об.]. Цель настоящей публикации — введение в оборот новых данных, представляющих интерес для истории евразийства и русской науки в целом. Подчеркивания, сделанные автором в тексте, воспроизводятся в публикации курсивом.

1 V 1928

Глубокоуважаемый Федор Иванович,

Сердечно благодарю Вас за письмо Ваше от 2 I 1928.— Постараюсь ответить на вопросы, «путем каких влияний и размышлений» довелось прийти на нынешний путь исторических изысканий. Скажу так: огромное значение имело *вживание* в исторический образ Европы. То, что было неясно *посетителю*, стало ясно *жильцу*: иноприродность (по сравнению с русскими) тех начал, из которых выросла и *которыми* *поныне* определяется историческая жизнь Европы. По контрасту, мысль невольно обратилась к тем принципам, на которых построено существование российского мира. В числе важнейшего, мысль обратилась к татарским столетиям России, в их *конструктивном значении*. Явственному ощущению тех корней, которые связаны с Византией, очень способствовало *длительное пребывание на Ближнем Востоке*. Кроме того, сама современность, своим объективным составом (совершенно независимо от тех или иных оценок), двигала к уяснению *особности русской судьбы*, иными словами, основным влиянием было влияние жизни. Сопоставления со славянофилами пришло позднее (в 1921 г. только Г. В. Флоровский был с ними скоко-либо подробно знаком).

Что касается меня лично, то, как это ни странно, к евразийской концепции России я пришел от экономической географии и вопроса о развитии производительных сил (это и есть моя первая специальность). Еще на первом курсе Политехникума (в 1913 г.) я пришел к убеждению (в каком-то остаясь и поныне), что экономическое будущее России есть евразийское будущее.— С детства я много читал по истории (в 12 лет прочел 15 томов «Всеобщей Истории» Георга Вебера). Когда в 1922 г. возобновил лектуру, то убедился, что великие монгольские ханы в своей имперской политике выражали те самые *необходимости*, на которые я натолкнулся при изучении естественных производительных сил современности. Значение, в генезисе современной России, домонгольских степных культур и держав выяснилось для меня только в 1926—1927 гг., в процессе совместной с Н. П. Толлем работы.— Ваши работы ценил и знал тоже с 12-ти летнего возраста. Будучи на Ближнем Востоке, много читал по истории византийского искусства (которым страстно интересуюсь, в связи с его религиозным смыслом). Сейчас надеюсь организовать издание книги «История и идея монашества»⁴, в которой около половины (около 8 листов) будет посвящено иночеству в Византии. Считаю такое издание существенным для современности. Конечно, мне самому такая книга не по силам, но в нашем дружном кругу есть уже целый ряд византиноведов. Очень интересуюсь вопросами *социальной политики и социального обеспечения в Византии*. Если найдете минутку, поделитесь со мной Вашими указаниями по этому поводу.

Прилагаемая библиографическая статья дает обзор евразийской литературы до 1926 г. ([2] содержится в [1, л. 13—15]). С тех пор выпустили новых изданий листов на 100, в

² О евразийских изданиях, упомянутых в письмах П. Н. Савицкого, см. подробнее статью Л. Е. Горизонтова в этом номере журнала.

³ Книга Н. П. Толля «Из истории кочевого мира» вышла в Праге в 1928 г. (см. подробнее указанную статью Л. Е. Горизонтова).

⁴ Следов названного труда обнаружить не удалось.

том числе несколько монографий. Прилагаю статью и заметку Н. М. Беляева, появившиеся в издании под моей редакцией. В особом пакете посылаю три исторические статьи моих друзей. Если их прочтете, пожалуйста, сообщите Ваши, высоко для нас ценные замечания.— Представьте, Вашей книги (первой части 2-го тома «Истории Византии») и статей не получил и доселе. Не произошло ли какого-либо недоразумения с высылкой? Не могу Вам выразить, как хотел бы иметь у себя Ваши работы — и тем более от Вас непосредственно.— Очень меня порадовали «Monumenta Sinaitica» В. Н-ча⁵, Они и оформили во мне уже ранее зародившуюся мысль об «Истории и идее монашества».

Будьте же здоровы, глубокоуважаемый Федор Иванович.
Искренне преданный Вам
П. Савицкий

Univers. Docent P. Savický č. 407
Praha — Střesovice, Tschechoslovakei.

Прилагаю еще копию (с печатного текста) заметки моей «О религиозном зодчестве России». Этому вопросу посвятил, пожалуй, пока что наибольшее внимание в моей жизни. Посвященная этим темам и уже отпечатанная книга моя пропала в бедствиях 1918 г. Посылаемая заметка относится к 1924 г. Мне, как географу, преподносится увлекательная для меня схема систематического рассмотрения всего состава русско-византийских храмово-памятников, литература 120—130 названий уже «мобилизована» мною для этих целей. Но доведется ли снова заняться этим вплотную?⁶

Ut in litteris
П. Савицкий

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 116 (Ф. И. Успенский), оп. 2.
2. Савицкий П. Н. О евразийской литературе.— Славянская книга, 1926, № 4/5.
3. Горяинов А. Н. Славяноведы — жертвы репрессий 1920—1940-х годов: некоторые неизвестные страницы из истории советской науки.— Советское славяноведение, 1990, № 2, с. 78.

⁵ Бенешевич В. Н. Памятники Синая: археологические и палеографические. Вып. 1, Л., 1925. В ноябре 1928 г. В. Н. Бенешевич был осужден по ложному обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации «Евразийцы» [3].

⁶ Эта работа, очевидно, так и не была закончена.

ЕВРАЗИЙСТВО, 1921—1931 гг.: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Предлагаемая публикация должна, по нашему замыслу, стать своего рода введением в мир идей, оформившихся в русском зарубежье 20-х годов в систему, известную под названием евразийства. Использувавшее идейно-научное наследие XIX — начала XX в. и предвосхитившее некоторые популярные в интеллектуальной жизни современной России взгляды, евразийство, бесспорно, заслуживает пристального внимания исследователей. Сочинения евразийцев представляют интерес для специалистов по послеоктябрьской эмиграции, отечественной религиозной мысли, философии истории, политологов и экономистов, географов и этнологов.

Для славистов евразийство небезразлично не только в качестве развития дореволюционных славянофильских доктрин с присущей им мессианской тенденцией. Приходящее зачастую к глубоко ошибочным политическим выводам и далеко не всегда продуктивное в познавательном плане, евразийство, тем не менее, заметно стимулировало научный поиск. В евразийском контексте был сделан ряд крупных открытий лингвистов Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона, продвинулось вперед изучение исторического взаимодействия славян с кочевыми народами и шире — «леса» и «степи».

Воззрения евразийцев, во многом идущие в разрез с господствующими в русском зарубежье умонастроениями, не могли пустить глубоких корней в эмигрантской историографии. Прав известный американский исследователь М. Раев, указывая на ведущую роль в ней историков-позитивистов, виднейшие из которых, П. Н. Милюков и А. А. Кизеветтер, выступали оппонентами евразийцев [1]. Вызывали возражения геополитические и этнологические построения евразийцев. Одни их критики расценивали «исход к Востоку» как отречение от родства с южными и западными славянами или даже оспаривание принадлежности русского народа к славянству. Парирова эти обвинения, защитники евразийства отмечали, что «русские евразийцы отнюдь не отказываются от своего славянского происхождения; они изучали и будут изучать „общеславянский элемент в русской культуре“» [2, с. 27]. Некоторые украинские оппоненты, напротив, стремились исключить Украину из состава России-Евразии, отстаивая свою принадлежность к западной цивилизации [2, с. 41]. Все это, однако, не помешало евразийству выйти далеко за рамки русской диаспоры, найдя достаточно широкий отклик

как в славянских, так и неславянских странах. Новые концепции, в частности, оказались в поле зрения созданной в 1927 г. Федерации исторических обществ Восточной Европы [3; 4].

Предлагаемая «Евразийская библиография» была опубликована в 1931 г. в Париже в качестве приложения к сборнику «Тридцатые годы. Утверждение евразийцев» [5], принадлежащему ныне к числу книжных раритетов. Она намного содержательнее обычной аннотированной библиографии, так как прослеживает процесс развития евразийских теорий, дает представление о главных действующих лицах движения (хотя не всегда сообщает о том, как долго они принимали в нем участие), и, кроме того, насыщена выдержками из трудов евразийцев. По «Библиографии» можно судить о внутренней структуре и удельном весе отдельных составляющих евразийского учения.

Помещенный в сборнике «Тридцатые годы» текст «Библиографии» воспроизводится нами полностью с минимальной правкой, связанной с современными нормами орфографии и пунктуации. Версию, увидевшую свет в парижском издании 1931 г., мы имели возможность сопоставить с более ранней, хранящейся в Бахметьевском архиве в Нью-Йорке [6]. Найденная в фонде Г. В. Вернадского редакция «Библиографии» представляет собой машинописный текст на 31 странице с еще неустранимыми корректором ошибками и вписанными от руки непереверденными цитатами из книг на английском языке. Она еще не прошла также окончательной правки, в результате которой были изменены отдельные слова и выражения, изъяты целые предложения и абзацы. В тех случаях, когда купюры имеют оценочное значение, соответствующий текст приводится нами в подстрочнике с указанием листов архивного оригинала. В издании 1931 г. исчезло несколько отсылок к главам статьи «Евразийство», которую первоначально планировалось издать вместе с «Библиографией». В «Тридцатых годах» такая статья действительно отсутствует, и можно лишь предположить, что речь шла об одном из многочисленных опытов систематического изложения евразийской доктрины.

Особо следует остановиться на вопросе о составителе «Евразийской библиографии». Дело в том, что парижская публикация подписана неким Степаном Лубенским, а в нью-йоркской редакции автором значится Петр Николаевич Савицкий. Нам не удалось обнаружить сведений о евразийце Лубенском, Савицкий же в список своих трудов «Библиографию» не включал [7]. В пользу авторства Савицкого говорят более ранние его обзоры евразийской литературы. Вполне возможно, что Савицкого, чьи работы уже были представлены в сборнике «Тридцатые годы», побудил скрыть свое авторство под псевдонимом оценочный характер «Библиографии».

П. Н. Савицкий (1895—1968) родился в Чернигове и окончил экономический факультет Петроградского политехнического института. «Один из самых блестящих учеников П. Б. Струве», он был оставлен на кафедре политической экономики и еще до революции обратил на себя внимание своими исследованиями [8, с. 42]. В 1920 г. Савицкий выезжает в Болгарию, где вскоре выходит в свет первый евразийский сборник, а затем прочно обосновывается в Праге. Здесь он ведет интенсивную педагогическую деятельность: работает приват-доцентом Русского юридического факультета, читает лекции по славяноведению в Пражском немецком университете, возглавляет русскую гимназию. И все же основным делом жизни Савицкого были обоснование и пропаганда евразийского учения, полностью овладевшего всеми его помыслами¹. Поистине трудно назвать кого-либо более zaangażированного в евразийском движении. Во второй половине 20-х годов он определенно становится «настоящим вождем евразийства» [8, с. 48].

¹ Определенный свет на путь Савицкого к евразийству проливает помещенная в этом номере публикация М. А. Робинсона.

Профессиональный экономист, П. Н. Савицкий был необычайно разносторонним и одаренным человеком. Его друг, единомышленник и многолетний корреспондент Г. В. Вернадский аттестовал Савицкого как историка, географа, экономиста, искусствоведа и педагога [9]. Межвоенный период явился самым плодотворным временем в научной биографии «вождя евразийства». Затем — жизнь в постоянном ожидании ареста в занятой немцами Праге, одиннадцать лет сталинских лагерей и еще одно, правда, менее продолжительное, тюремное заключение в начале 60-х годов, после возвращения ученого в Чехословакию.

*ЕВРАЗИЙСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ 1921—1931.
ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЕВРАЗИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ²*

Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Статьи: Петра Савицкого, П. Сувчинского, кн. Н. С. Трубецкого и Георгия Флоровского. София, 1921, с. 125, VII

С выхода в свет этого сборника и ведет свое начало евразийство. В предисловии выражена мысль о всемирно-историческом призвании России: «Мы чтим прошлое и настоящее западноевропейской культуры, но не ее мы видим в будущем... С трепетной радостью, с дрожью боязни предаться опустошающей гордыне, мы чувствуем, вместе с Герценом, что ныне „история толкается именно в наши ворота“. Толкается не для того, чтобы породить какое-либо „зоологическое“ наше „самоопределение“, но для того, чтобы в великом подвиге труда и свершения Россия так же раскрыла миру некую общечеловеческую правду, как раскрывали ее величайшие народы прошлого и настоящего».

В этом же предисловии выявлена религиозная и церковная установка евразийства:

«Мы не отказываемся определить, — хотя бы для самих себя, — содержание той правды, которую Россия, по нашему мнению, раскрывает своей революцией. Эта правда есть: отвержение социализма и утверждение Церкви».

Названные установки подчеркиваются разработкой в отдельных статьях сборника. Религиозно-церковный вопрос затронут в статьях Г. В. Флоровского³ («Разрывы и связи», «О народах неисторических»). Статью «Хитрость разума» тот же автор посвящает философскому опровержению западного рационализма. Под это определение попадает у него и философия Бергсона:

«„Кости шелканье сухой“ слышится явственно даже в поэтической философии жизни самого, быть может, яркого выразителя современного интуитивизма — Бергсона ... генетически этот выдающийся противник гатю является ведь прямым продолжателем французской философской традиции, восходящей в конечном счете к великим рационалистам — Декарту и Мальбраншу; у последнего можно неожиданно встретить прямые предвосхищения самых, казалось бы, „модерных“ идей Бергсона».

Две статьи П. Н. Савицкого («Поворот к Востоку» и «Миграция культур») рассматривают вопрос о передвижении в сторону востока (в пространства Евразии) культурных средоточий современности. Н. С. Трубецкой⁴ в своих работах («Об истинном и ложном национализме» и «Верхи и низы русской культуры») занят проблемами создания русской культуры. В основу истинного национализма он кладет два положения: «тоскай самого себя» и «будь самим собой». Их применение на практике должно устранить в жизни неромано-германских народов вредоносное и противоречивое слепое подражание европейцам. Обнаружению неблагоприятных последствий такого подражания автор посвящает красноречивые страницы. Во второй из названных статей Н. С. Трубецкого, имеющей подзаголовок «Этническая база русской культуры», кладутся основания *этнографическому* учению евразийцев. На основании большого конкретного материала Н. С. Трубецкой приходит к следующим выводам:

«Та культура (в смысле общего запаса культурных ценностей, удовлетворяющих материальные и духовные потребности данной среды), которой всегда жил русский народ, с этнографической точки зрения представляет из себя совершенно особую величину, которую нельзя включить без остатка* в какую-либо более широкую группу культур или культурную зону. В общем, эта культура есть сама особая „зона“, в которую, кроме русских, входят еще некоторые угро-финские „инородцы“ вместе с тюрками волжского бассейна ... Русские вместе с угро-финнами и с волжскими тюрками составляют особую культурную зону, имеющую связи и с

² В нью-йоркской редакции имеется сноска: «В этом обзоре рассмотрены источники по ознакомлению с евразийством. В нем перечисляются исключительно работы и книги, выпущенные в свет самими же евразийцами» [6, л. 1].

³ Флоровский Георгий Васильевич (1893—1979) — богослов, философ и историк культуры. Выпускник (1916), затем приват-доцент Новороссийского университета. В 1926—1939 гг. — профессор Православного богословского института в Париже, в 1939—1955 гг. — ректор Владимирской семинарии в Нью-Йорке, позднее профессор ряда университетов США.

⁴ Трубецкой Николай Сергеевич (1890—1938) — выдающийся филолог и мыслитель. Профессор Московского, Ростовского, Софийского и Венского университетов. Подробнее см. [10].

славянством, и с «туранским» Востоком, причем трудно сказать, которые из этих связей прочнее и сильнее».

Основания *хозяйственно-географического* учения евразийства даны в статье П. Н. Савицкого «Континент—Океан (Россия и мировой рынок)». Рассматриваемый сборник произвел впечатление на русскую читающую публику по обе стороны рубежа, между прочим, широтой того культурного фронта, который был в нем развернут и который, начинаясь в основных вопросах религиозного мировоззрения, доходил до конкретных проблем этнографии и хозяйственной географии. Эта широта культурного фронта была достигнута путем согласованного сотрудничества представителей различных специальностей (Г. В. Флоровский — богослов и философ; Н. С. Трубецкой — языковед и этнограф; П. Н. Савицкий — экономист).

На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Статьи: Петра Савицкого, А. В. Карташева, П. П. Сувчинского, кн. Н. С. Трубецкого, Георгия В. Флоровского, П. Бицилли. Берлин, 1922, с. 35б.

В сборнике обращает на себя внимание философско-публицистическая статья Г. В. Флоровского «О патриотизме праведном и греховном». Она занимает центральное место в сборнике. В ней поставлен вопрос об отношении евразийцев к революции:

«Как бы ни относиться к программе большевиков в смысле ее соответствия реальным потребностям исторической жизни, необходимо признать верность руководившего ими инстинкта: они поняли, что нужно ломать и созидать заново». Ими «учтена собственная ритмика жизненной стихии».

В терминах позднейшего учения евразийцев это означает, что коммунисты воплотили в себе закономерность «первой фазы революции». Г. В. Флоровский подвергает резкой критике политические установки эмиграции:

«В основе ходячего „неприятная“ революции лежит в сущности „антиисторический“ постулат действовать так, как будто бы с определенного момента жизнь и история остановились и в некотором хронологическом интервале „ничего не случилось“, так что грядущую деятельность надо примыкать к какому-то произвольно выбираемому моменту прошлого, а не опираться на то конкретное сочетание сил и возможностей, которые реально сложатся ко времени настоящего „открытия действий“».

Г. В. Флоровский выставляет требование «базировать свои дальнейшие пожелания и попытки на изменившемся лике земли». — Именно на исполнении этого требования и построена выработанная в последние годы политическая программа евразийцев. В статье Г. В. Флоровского впервые (в евразийской литературе) дана историческая оценка «белого движения»:

«Попыткой не считаться с жизнью, попыткой пойти на пролом было „белое“ движение, и здесь именно коренился его неизбежный неуспех ... оно родилось из...стремления внести мир и лад в разъярившиеся исторические стихии одной формальной энергией воли, одною дисциплиною, одним темпераментом власти».

Эти утверждения тогда же вызвали ожесточенную полемику с евразийцами в эмигрантской печати. Это не помешало многим молодым и деятельным участникам бывшего «белого движения» стать евразийцами.

По указанию Г. В. Флоровского, преодоление революции лежит в религиозной плоскости:

«Жить и действовать в Церкви, творить свое дело в духе Христовом, исходя из религиозного восприятия жизни, — вот единственный путь, которым возможно выйти из исторических тупиков, образовавшихся среди развалин рухнувшей жизни. Великая Россия восстановится лишь после того, как начнет созидаться русская православная культура, — и только православное дело, творчество в духе и под сенью Церкви есть в наши дни праведное русское дело».

Невнятная статья на общую тему П. П. Сувчинского⁵ («Вечный устой»). Две других статьи того же автора берут тему из истории литературы: «Знамение былого (О Лескове)» и «Типы творчества (Памяти А. Блока)». Сами по себе они интересны. Но *общей* евразийской концепции истории русской литературы (и тем более — литературы других народов Евразии) из них никак нельзя вывести. Эта область и до сих пор осталась неразработанной в евразийстве, что несомненно является большим пробелом. В статье П. Н. Савицкого «Степь и оседлость» впервые в евразийской литературе поставлен вопрос о влиянии монголов на Россию. Автор отмечает исключительное значение этого вопроса для понимания русской истории: «без „татарщины“ не было бы России». Работа П. М. Бицилли⁶ «„Восток“ и „Запад“ в истории Старого Света» заключает в себе попытку рассмотреть историю Старого Света как целостный и согласованный процесс, проникнута стремлением установить вселенские горизонты. Сотрудничество П. М. Бицилли в евразийских изданиях продолжалось недолго. Но то стремление, которое выражено в его статье, не иссякло в евразийстве. И как раз сравнительно недавно, уже в 1930-м году, в совсем другой области, в лингвистике, оно привело к замечательному открытию Р. О. Якобсона. Именно, рассматривая Старый Свет как нечто целое, Р. О. Якобсон пришел к установлению существования *евразийского языкового союза*.

⁵ Сувчинский Петр Петрович (1892—?) — музыковед и литературовед.

⁶ Бицилли Петр Михайлович (1883—1953) — филолог и историк. Профессор истории в Новороссийском, затем Софийском университетах.

⁷ Якобсон Роман Осипович (1896—1982) — выдающийся лингвист и историк литературы. Выпускник Московского университета. В 1927—1939 гг. — заместитель председателя Пражского лингвистического кружка. С 1942 г. жил и работал в США.

Третий сборник евразийцев значительно слабее предыдущих. Впрочем, и здесь есть несколько работ, явившихся зерном дальнейшего развития. В статье П. Н. Савицкого «Подданство идеи» есть некоторые мотивы, послужившие потом, в углубленном и систематизованном виде, к обоснованию евразийского учения об идеократии (творцом которого является Н. С. Трубецкой). В статье этого последнего «Вавилонская башня и смешение языков» впервые установлено (на материале языков Балканского полуострова) научное понятие «языкового союза». С большим публицистическим подъемом написана статья «Оппонентам евразийства» безвременно скончавшегося многообещающего молодого евразийца Я. Д. Садовского⁸.

С 1923 г. основной ствол евразийских изданий, представленный тремя только что рассмотренными сборниками, начинает пускать отдельные ветви в виде книг и изданий, посвященных специальным вопросам.

Россия и латинство. Сборник статей. Статьи: П. М. Бицилли, Георгия Вернадского, В. Н. Ильина, А., В. Карташева, Петра Савицкого, П. П. Сувчинского, кн. Н. С. Трубецкого и Георгия В. Флоровского. Берлин, 1923, с. 219

Сборник направлен против ведущейся в России и эмиграции пропаганды католицизма (латинства, по греко-византийской и древнерусской терминологии). Авторы стремятся уяснить установку Православной церкви в ее вековом споре с католицизмом. Вступительная статья в сборнике написана П. Н. Савицким. Следующая за ней статья П. П. Сувчинского «Страсти и опасность», в смысле доступности для читателя, является, пожалуй, наиболее удачной из работ этого автора, помещенных в евразийских изданиях. Впрочем, в своей значительной части она отклоняется от темы сборника, будучи посвящена вопросу о расколе в среде русской церкви, возникшем в связи с появлением «живой церкви». В исторической части сборника основное значение имеют работы «Католицизм и Римская Церковь» П. М. Бицилли и «„Соединение церквей“ в исторической действительности» Г. В. Вернадского⁹. Первая из них представляет собою краткий очерк истории Римской Церкви, причем изложение сгруппировано вокруг генезиса ватиканского догмата (о непогрешимости Папы). Работа Г. В. Вернадского дает историю «уний». Первая глава («Попытки унии в XIII—XV вв.») интересна, между прочим, и как этюд по культурной и церковной истории Византии, в которой Г. В. Вернадский является специалистом. Из прочего содержания сборника отметим содержательную статью В. Н. Ильина¹⁰ «К проблеме литургики в Православии и Католицизме».

С. Л. Франк. Религия и наука. Берлин, 1925, с. 23

С. Л. Франк¹¹ — один из выдающихся русских философов, сложившийся задолго до революции (по первоначальной своей специальности он экономист). Соприкасается он с евразийцами только некоторыми сторонами своего мировоззрения. Это не лишает рассматриваемую брошюру большого значения для евразийства. Основные выводы ее выражены в следующих словах:

«Вопреки распространенным представлениям, не только наука не противоречит религии и вера в науку — вере в религию, но дело обстоит как раз наоборот: кто отрицает религию, по крайней мере основную мысль всякой религии — зависимость эмпирического мира от некоего высшего, разумного и духовного начала — тот, оставаясь последовательным, должен отрицать и науку, и возможность рационального мирообъяснения и совершенствования или... Высокомерное чувство: „Я все знаю, и мне все ясно, и я презираю с высоты своей просвещенности всякие тайны и загадки, которых для меня уже больше нет“, — это чувство, основа презрения к религиозному сознанию и насмешки над ним, есть характерная черта невежды — человека, который не только ничего как следует не знает, но не знает даже того, что он ничего не

⁸ Садовский Яков Дмитриевич (?—1925) — экономист и правовед, магистрант Русского юридического факультета в Праге.

⁹ Вернадский Георгий Владимирович (1887—1973) — историк Древней Руси и Византии. Выпускник Московского (1910), приват-доцент Петроградского. (1914—1917), профессор Пермского (1917—1918) и Таврического (1918—1920) университетов. В 1922—1927 гг. — преподаватель Русского юридического факультета в Праге, в 1927—1956 гг. — Йельского университета.

¹⁰ Ильин Владимир Николаевич (1890—1974) — богослов и философ. До 1917 г. изучал естествознание и философию в Киевском университете. В 1919 г. покинул Россию. Преподавал богословие в Берлине и Париже (Православный богословский институт).

¹¹ Франк Семен Людвигович (1877—1950) — религиозный мыслитель и философ. Выпускник Казанского (1901) и профессор Петербургского (1912—1917), Саратовского (1917—1921) и Московского (1921—1922) университетов. Выехал из России в 1922 г. В 1922—1937 гг. преподавал в Берлине, затем жил и работал во Франции и Англии.

знает». Брошюра С. Л. Франка непосредственно после выхода ее в свет возбудила большой интерес среди учащейся молодежи в СССР.

Л. П. Карсавин. О сомнениях, науке и вере (три беседы). Берлин, 1925, с. 31.

Л. П. Карсавин¹², специалист по «всеобщей истории», исследователь истории духовных движений средневековой Италии, принадлежит, как и С. Л. Франк, к числу ученых, определившихся задолго до начала евразийства. В этом его отличие от таких лиц, как Г. В. Флоровский, Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, которые складывались как ученые в самом процессе развития евразийства. В 1925—1928 гг. Л. П. Карсавин сделал целый ряд существенных вкладов в развитие евразийства. Рассматриваемой брошюре придана форма передачи нескольких бесед, происходящих в общей камере «одной из большевистских тюрем». В этих беседах излагается учение Православной церкви. Оно вложено в уста человека, возрастом «за 60», «живого и деятельного», которого камера «полушутливо», «полууважительно» называла «отцом». Сначала происходит его беседа с посаженным в эту же камеру комсомольцем. Затем он разъясняет положения веры другому заключенному — «учителю», пожилому интеллигенту «из тех, которые любили себя называть „эволюционными социалистами“». Он «много думал и читал, знаком был и с философией, раньше преподавал где-то литературу». «Отец», опровергая сомнения «учителя», показывает существование несомненного в мире:

«Сомневаться можно только на основе несомненного или из несомненного... Сомнение — недостаток достоверности, которая богаче, полнее сомнительного. В сомнительном, как таковом, нет несомненного, хотя сомнительное есть и таково потому, что есть несомненное. Таким образом, в самом сомнении достоверное, несомненное, безусловное всецело человека не покидает. И только потому человек может сомневаться и рассуждать. И ясно: не рассуждениями, не доводами разума постигается несомненное, так как сами рассуждения, сами доводы разума возможны только потому, что оно есть... мы не могли бы думать о сомнительном бытии, если бы не были двуедины с бытием несомненным, т. е. Богом».

В этом смысле разъясняет «отец» и церковный догмат о Богочеловечестве. Однако, говорит он, — «не смешивайте безусловного бытия с обусловленным ... И Иисус Христос отличен от других людей по Своему Богочеловечеству не только количественно, а и качественно ... только через обоженность одного и „первого“ из всех возможны единство и обоженность всех. Иначе бы получилось не всеединство, а множество без достаточного единства».

Брошюра написана живо и стоит на значительной философской высоте.

А. С. Хомяков. О Церкви. С примечаниями, предисловием и под редакцией Л. П. Карсавина. Берлин, 1926, с. 89.

Во вступительной статье Л. П. Карсавин развивает основные свои богословские идеи:

«Ведь даже стоящему вне Церкви ясно, что либо существует первооснова истинного, сама уже не обосновываемая, либо совсем нет истинного, а следовательно не может быть и отрицания его и сомнения в нем».

Здесь же дается православное понимание авторитета:

«Ни у кого, кроме вселенской Церкви, нет безошибочности: ни у святых отцов и учителей, ни у церковной иерархии, которой церковь по преимуществу поручает учительство».

Согласно православному учению, вера христианства должна быть свободной:

«Разве Церковь стремится нас сделать несмысленными младенцами или рабами подзаконными? Разве она ревнует не о нашей свободе? А, конечно, только от рабов можно требовать слепой веры, и только рабам пристало в страхе закрывать глаза и затыкать уши. Бог даровал нам разум, и Церковь просвещает его не для того, чтобы мы от него отказывались и чтобы мы *внешне* отсекали наши сомнения. Надо не бежать от сомнений, а препобеждать их. Если мы живые члены Церкви, мы стремимся и к знанию, которое в ней не может быть таким ограниченным и несвободным, как вне ее. Если церковность наша — полнота нашей жизнедеятельности, наша церковность немислима без постижения церковной догмы, в которой заключены начала всяческого знания».

В брошюре перепечатано основное богословское сочинение А. С. Хомякова (известного славянофила и незаурядного поэта) «Церковь одна», написанное в середине 1840-х годов и впервые опубликованное в 1864 г. В примечаниях Л. П. Карсавиным даны параллельные места из других трудов и писем автора. Здесь мы не можем делать выписок из творений А. С. Хомякова. Скажем только, что богословствование его — животрепещущее современно. На идеях его совсем не отразился тот факт, что он писал в обстановке царской России. То значение, которое он приписывал в церковной жизни не иерархии, но самому церковному народу, блее отвечает условиям церкви гонимой, чем церкви «господствующей»:

«Мученик, умирающий за истину, судья, судящий вправду (не ради людей, а ради самого Бога), пахарь, в скромном труде постоянно возносящийся мыслью к своему Создателю, живут и умирают для поучения братьев; а встретится в том нужда — Дух Божий вложит в их уста слова мудрости, каких не найдет ученый и богослов».

¹² Карсавин Лев Платонович (1882—1952) — историк и философ. Профессор истории средних веков Петербургского университета. В 1922 г. выслан из России. Преподавал в Литве. Погиб в советском лагере.

Теперь в России запрещено, самым непрекращаемым и действительным образом запрещено ученому быть богословом. И Дух Божий вкладывает слова мудрости в уста пахарей и пастухов. Богословствование А. С. Хомякова — это пророческое приуготовление Церкви и мысли ее к тем испытаниям, которые она переживает в настоящее время. Таким отвечающим современности характером богословских сочинений А. С. Хомякова и объясняется перепечатка части их Евразийским книгоиздательством. Что же касается Л. П. Карсавина, то в названных здесь работах своих он обнаруживает себя в качестве продолжателя и ученика А. С. Хомякова.

Л. П. Карсавин. Церковь, личность и государство. Париж, 1927, с. 30

Автор определяет государство «как самоорганизацию грешного мира».

«Поскольку государство объединяет грешный мир, как таковой, и действует в порядке и характере его греховности, оно необходимо от Церкви отличается. Если оно при этом все же стремится руководствоваться истинами и идеалами Церкви и совершенствоваться, оно может называть себя христианским. Такому наименованию не что соответствует, однако не действительность, не полнота действительности, а только стремление и упование стать христианским». «Итак, неизбежны ли, необходимы ли в государстве насилие, кары, войны? — Эмпирически, в меру греховности людей и государств, неизбежны и необходимы. Оправданы ли они нравственно и религиозно этой необходимостью? — Нет, не оправданы, но всегда и при всяких условиях остаются грехом». Однако в войне, например, совершается и такое великое добро, как жертва своей жизнью за других. Поэтому, если государство отказывается от войны во имя правды так, что оно отказывается от защиты и осуществления своей правды, оно жлет и отказывается во имя бездействия, т. е. совершает грех не меньший, чем война. Если оно отказывается от войны в расчете на чудо Божие, — оно испытывает Бога и, помимо этого греха, совершает еще тяжкое преступление, подвергая опасности благо и жизнь подданных и их потомства».

Брошюра Л. П. Карсавина проникнута признанием бездействия за тягчайший грех. Отношение между Церковью и государством намечены в следующих чертах:

«Действуя в своей сфере, государство само и свободно стремится на основе церковного мирозерцания выработать свою государственную идеологию, ставить и решать свои чисто эмпирические задачи. Оно не подчиняется Церкви как церковной организации, ибо, как и Церковь, знает, в чем задача Церкви и в чем его, государства, задачи. И чем глубже сознание этого, тем интимнее взаимоотношения Церкви и государства, тем менее поводов для недоразумений. В идеале предстает согласованное действие Церкви и государства, их, говоря термином византийских канонистов, „симфония“... Православное государство должно *односторонним* своим актом признать *независимость* Церкви от государства и свою обязанность эту независимость гарантировать, сделать действительной и всячески охранять. Это значит, во-первых, что признается независимость и свобода Церкви в ее деятельности религиозно-богословской, учительской, нравственно-воспитательной, миссионерской и культурной. Это значит, во-вторых, что за Церковью признается право обличения и нравственного наставления ее чад и самого государства... Это значит, в-третьих, что государство не вправе *требовать* от Церкви благословения его и его актов, хотя сама Церковь может по собственному свободному разумению такие благословения даровать. Это значит, в-четвертых, что государство признает правомочным юридическим лицом церковное общество, возглавляемое церковной иерархией».

Для того, чтобы независимость Церкви не оставалась пустым словом, необходимо, по мысли автора, обеспечить полную независимость ее от государства в финансовом отношении. Рассматриваемая брошюра Л. П. Карсавина послужила основой для составления раздела, посвященного вопросам религии, в программе евразийства, выработанной в 1927 г. (о ней см. ниже).

Приведенные выше замечания дают представление об изданной евразийцами литературе по религиозно-церковным вопросам. Нужно заметить, что этим вопросам посвящены и другие, не упомянутые в предыдущем статье в Евразийских Сборниках, изданных в 1921—1923 гг. — например, статьи П. Н. Савицкого «Два мира» и Н. С. Трубецкого «Религии Индии и христианство» в сборнике «На путях» (1922).

Евразийский Временник. Непериодическое издание под редакцией Петра Савицкого, П. П. Суевичского и кн. Н. С. Трубецкого. Книга четвертая. Берлин, 1925, с. 446.

Сборник включает в себе несколько основоположных для евразийства научных работ. К числу таковых нужно отнести статью Н. С. Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре». Автор на примере языка, музыки, устной поэзии, обычного права и религии устанавливает общие черты туранского психологического типа:

«Сравнительную бедность и рудиментарность материала и полное подчинение простым и схематичным законам, спаивающим материал в единое целое и придающим этом целому известную схематическую ясность и прозрачность».

В дальнейшем Н. С. Трубецкий прослеживает влияние туранского типа на русский, в частности, на жизненный и религиозный уклад Московской Руси. Как в статье П. Н. Савицкого 1922 г. (см. выше), здесь ставится вопрос о значении монгольской традиции в образовании русского государства:

«Московские цари, далеко не закончив еще „собираения русской земли“, стали собирать

земли западного улуса великой монгольской монархии: Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири. Русский царь явился наследником монгольского хана. „Свержение татарского ига“ свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву. Чудо превращения татарской государственности в русскую осуществилось благодаря напряженному горению религиозного чувства, благодаря православно-религиозному подъему, охватившему Россию в эпоху татарского ига. Это религиозное горение помогло Древней Руси облагородить татарскую государственность, придав ей новый религиозно-этический характер и сделать ее своей. Произошло обрусение и оправославление татарщины... Массовый переход татарской знати в православие и на службу к московскому царю явился внешним выражением этой моральной притягательной силы».

Начало *собственно исторической* разработки вопросов монгольского ига в евразийской литературе обозначено помещенной в том же сборнике статьей Г. В. Вернадского «Два подвига св. Александра Невского». Одним из подвигов князя было мудрое подчинение Орде. К статье Г. В. Вернадского примыкает талантливо написанная книга Н. А. Клеппина¹³ «Святый и благоверный великий князь Александр Невский», изданная в Париже в 1927 г. Истории государственных идеалов в Древней Руси посвящена статья М. В. Шахматова «Государство правды». Некоторый намек на евразийскую трактовку вопросов истории художественной литературы содержит очерк кн. Д. П. Святополк-Мирского¹⁴ «О московской литературе и протопопе Аввакуме (два отрывка)». К сожалению, как об этом было уже сказано выше, этот намек так до сих пор и остался намеком. Опубликованная в 4-м «Временнике» обширная богословская статья Л. П. Карсавина посвящена рассмотрению, с православной точки зрения, католического догмата «Filioque», а также догмата о «непорочном зачатии», вопроса о предопределении и др. А. С. Хомяков в своих богословских работах обычно не впадает в критику «Филиокве» по существу, но рассматривает его как областное церковное новшество, являющееся нарушением церковного единства. Л. П. Карсавин в упомянутой статье стремится восполнить этот пробел, давая анализ догмата «Филиокве» именно по существу. Заключительные слова статьи говорят о судьбах Русской Церкви:

«Она гонима — тем больше надо радоваться и веселиться. Она „умирает“ — ничто не оживет, если не умрет. Перед нами темное будущее. Но разве оно страшно, разве оно не прекрасно во всей загадочности своей и не зовет нас, если с нами Христос? И если умирает Русская Церковь, так для того, чтобы еще здесь, на земле, ожить в новом, более совершенном и прекрасном бытии. Ведь она, церковь Первозванного апостола, хранит дух апостола Любви и, верная ему, должна пребыть, пока не придет Иисус Христос».

Остальные статьи сборника посвящены, по преимуществу, политическим и экономическим вопросам. В очерке П. Н. Савицкого «Хозяин и хозяйство» мы находим первый набросок евразийской государственно-частной системы. Написанная им же вступительная статья сборника дает общее изложение евразийской доктрины в том виде, как она сложилась к 1924—1925 гг.¹⁵

И. Р. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925, с. 60

Подписанная инициалами брошюра¹⁶ представляет собою дальнейшее развитие и систематизацию мыслей, выраженных в статье Н. С. Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре» (см. выше). Только здесь мысли эти выражены по преимуществу в публицистической форме и не свободны от явных преувеличений. Очень убедительно описан процесс «замены ордынского хана московским царем» (XIV—XV вв.). В ярких чертах намечен тот строй «бытового исповедничества», который автор находит в Московской Руси XVI—XVII вв. Реформа Петра изображена в полемических и публицистических чертах:

«Знаменитые „птены гнезда Петрова“ были, большею частью, отъявленными мошенниками и проходимцами, воровавшими несравненно больше прежних приказных. То обстоятельство, что, как с грустью отмечают русские историки, „у Петра не нашлось достойных преемников“, было вовсе не случайно: действительно — достойные русские люди и не могли примкнуть к Петру».

В даваемой автором критике «европеизации» — много правильного: период «европеизации»

¹³ Клеппинин Николай Андреевич (1899—1939). Уехал из России в 1920 г., учился в Белграде, с 1926 г. находился во Франции в качестве сотрудника издательства Христианской ассоциации юношей. В нью-йоркской редакции назван «молодым евразийцем» [6, л. 9]. В 1937 г. вернулся в СССР, погиб в лагерях.

¹⁴ Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1890—1939) — историк литературы и литературный критик. Преподаватель Школы славянских исследований Лондонского университета в 1922—1932 гг. В 1932 г. вернулся в СССР и погиб в лагерях.

¹⁵ В Нью-йоркской редакции далее: «П. П. Сувчинский в очерке „Идеи и методы“ подчеркивает, что необходимо в русских условиях предпосылкой для правильной и успешной политической работы является создание целостной и органической системы мирозерцания. „Европеизация“ России, являющаяся в последние столетия лозунгом власти, сводилась на практике к *завещанию своего*. Необходимо учесть опыт эпохи „европеизации“ для построения самостоятельной и в то же время творческой политической и экономической программы» [6, л. 10].

¹⁶ И. Р. — согласно Н. М. Зернову, автором книги является Н. С. Трубецкой [11].

породил в русском народе культурную рознь между «верхами» и «низями», которой не было ранее. Правильно и другое его утверждение — о том, что период коммунистической власти представляет собою видоизмененное продолжение того же периода европеизации. Но вполне обоснованный, по мнению пишущего эти строки, призыв к построению новой и самостоятельной культуры России-Евразии осложнен в этой брошюре ненужным и непродуктивным отталкиванием от чужих культур.

С. Л. Франк. *Основы марксизма*. Берлин, 1926, с. 49

Опыт критического рассмотрения марксизма. Не лишен существенных недостатков. Так, например, тот социальный строй, который сложился в СССР к середине 1920-х годов, автор в нескольких местах называет «социалистическим», между тем сами коммунисты считали и считают его не более, как «*переходным*» к социализму. Это несоответствие ослабляет, конечно, аргументацию С. Л. Франка. Но в общем, брошюра С. Л. Франка должна быть признана одной из самых проникновенных, осведомленных и остроумных критик марксизма. Автор отнюдь не является однозначным защитником капитализма. Наоборот, как представитель религиозного начала он в энергичных словах обличает его «бездушие». Но «не потому человек обездушел, что жил в капитализме, а потому он попал в плен капитализму, что обездушел».

В главе, посвященной «экономическому учению марксизма», он отмечает, что взамен класса собственников в СССР возник новый класс «управляющих и советских служащих, заведующих и командующих производством»¹⁷.

«Какой же вывод мы можем отсюда сделать? Вывод состоит в том, что установить совершенное экономическое равенство, отменить класс людей, заведующих производством и организующих его, и сделать так, чтобы рабочий, занятый физическим трудом, получил бы весь продукт, выработанный при его участии, вообще невозможно».

В главе о «социалистическом учении марксизма» С. Л. Франк возводит теорию экономического материализма ко «внутреннему духу капитализма, с большой чуткостью уловленному» марксизмом. «Мня преодолеть этот строй», марксизм в названной теории «обнаруживает свою, внутреннюю плененность им».

«Экономический материализм совсем не есть новая и абсолютная истина, возвышающаяся над буржуазно-капиталистическим строем и выражающая новую прогрессивную идеологию будущего; он есть, напротив, попытка увековечить и прославить в качестве вечной основы человеческой жизни то духовное и нравственное разложение, которыми отмечена буржуазно-капиталистическая эпоха... Экономический материализм есть ничто иное как культ буржуазности».

Говоря о «нравственных и религиозно-философских предпосылках марксизма», С. Л. Франк утверждает, что

«марксизм безнадежно запутался между аморализмом и самым явным моральным догматизмом. Он должен одновременно проповедывать и аморализм, доказывая, что „добра“ вообще, „нравственного долга“ не существует, что мерилом поведения может быть только материальный интерес и суровый моральный ригоризм, требующий от человека самопожертвования, чувства долга и абсолютного бескорыстия в служении „классу“, из которого делается какая-то химера, высасывающая человеческую кровь».

Еще на одно интересное обстоятельство указывает С. Л. Франк:

«В самом деле, что является, согласно экономическому материализму, последним двигателем исторического развития?» Ведь «сама экономическая жизнь — производна от развития способов производства, т. е. от технического развития». Совершенствование же техники «есть в сущности процесс чисто *умственного развития*, с течением которого возникают все новые технические изобретения ... технические знания и умения зависят сами от знаний естественнонаучных, а последние, в свою очередь, от общего умственного развития данной эпохи. Так марксизм, пытаясь доказать, что „не сознание определяет бытие, а общественное бытие людей определяет их сознание“, совершив большой круг, в конечном итоге, приходит к выводу, что общественное бытие все же определяется человеческим сознанием, и притом сознанием чисто умственным, именно состоянием человеческих *знаний* и умением их развивать и совершенствовать. Это есть, следовательно, чисто интеллектуалистическая теория общественной жизни, совершенно в духе наивных представителей XVIII в. ...Если всем остальным содержанием своего учения экономический материализм протестует против этого наивного мирозерцания, то в лице своей последней *основы* он сам является его выразителем».

В то же время история самого коммунизма показывает автору, что

«экономический строй вообще не имеет того определяющего значения, которое ему приписывает марксизм, а наоборот, в самой значительной мере определен началами нравственного и идеологического порядка»¹⁸.

¹⁷ В нью-Йоркской редакции далее: «поглощающий не меньшую долю продукта, чем поглощал ранее класс собственников» [6, л. 11].

¹⁸ В нью-Йоркской редакции далее: «Нам кажется, что рассматриваемая брошюра С. Л. Франка, несмотря на некоторые свои недостатки (см. выше), является одним из замечательных проявлений реакции русского духа на факт коммунистической революции и превращения марксизма в официальную догму» [6, л. 13].

В «Опыте» сильно представлена богословская часть, выдержанная в тонах и мотивах богословствования Л. П. Карсавина (см. выше). Для автора брошюры «Русская Церковь, уже существующая как средоточие русской культуры есть цель всей этой культуры». Языческие вероисповедания Евразии он трактует как «потенциальное Православие». Русское Православие, «признавая себя обладающим полнотою истины в одном из ее аспектов, не отрицает других существующих и возможных ее аспектов как иных выражений Православия, но хочет их свободного самораскрытия, дабы приблизилась его собственная полнота в христианском взаимоотношении с ними. Оно не замыкается в себе, но в своем саморазвитии призывает к свободному саморазвитию и других».

В философской части брошюры выдвинуто на первый план понятие «симфонической личности» «как живого и органического единства многообразия». Такой личностью признается, между прочим, и «субъект культуры», в том числе культуры русско-евразийской:

«Сознание того, что религиозно-культурное единство, объемлемое и выражаемое русским государством, шире, чем русская в узком смысле этого слова культура, должно получить некоторое терминологическое закрепление. Надо выбирать между уже вошедшими в употребление понятиями: неудобнопроизносимым четырёхбуквием СССР и Евразией».

В дальнейшем изложении автор делает существенный вклад в евразийское учение о «правящем слое». Целью революции он считает именно «создание нового правящего слоя». Евразийское действие должно базироваться «на нынешнем правящем слое», но в то же время в жизни этого слоя

«коммунистической идеологии противопоставляется принципиально иная — сознательно-религиозная, православная и не отвлеченно-интернациональная, а евразийско-русская».

Посвященный экономическим вопросам отдел брошюры стоит под знаком понятия «Функциональной собственности». Это понятие автор брошюры считает специально присущим России.

«Несмотря на все старания императорских университетов, римское право у нас в России не привилось. Его принципы были слишком чужды духу русского правосознания. Это сказалось и в сфере основной проблемы — проблемы собственности ... В России собственность всегда рассматривалась с точки зрения государства... Понятие собственности строится не индивидуалистически, не из индивидуума, которому потом анализируется государство, но — политически, т. е. из симфонического целого, которое как единство и утверждает всякое индивидуальное право... Мы говорим о „функциональной собственности“ или о „собственности, обусловленной государством“, т. е. происходящей от него и связанной с обязанностью по отношению к нему».

Произведенное автором рассмотрение с этой точки зрения вопросов торговли и промышленности довольно беспомощно. Интереснее трактовка земельного вопроса. По мнению автора, в области земельного права государство

«должно удержать за собою захваченное большевиками „доминиум директум“ и всемерно охранить землевладение как „доминиум утиле“».

Эти положения евразийцы разделяют и в настоящее время.

Евразийство (формулировка 1927 г.), 1927, с. 15 (ин' кварто)

Составленная в Москве в феврале 1927 г. политическая и экономическая программа евразийства. Из ее семи разделов в наибольшей мере устарел к настоящему времени раздел VII — Земельное дело. Предшествующие шесть разделов озаглавлены: I — Россия — особый мир, II — Евразийство против коммунизма, III — Политический строй, IV — Вопросы религии, V — Национальный вопрос, VI — Промышленность. Этот последний является довольно подробной формулировкой принципов евразийской «государственно-частной системы хозяйства».

Евразийский Временник. Непериодическое издание под редакцией Петра Савицкого, П. П. Сувчинского и кн. Н. С. Трубецкого. Книга пятая. Париж, 1927, с. 309

Одно из удачнейших в научном смысле евразийских изданий. Отметим прежде всего статьи на исторические темы. В очерке «Иран, Туран и Россия» востоковед-евразиец В. П. Никитин¹⁹ дает общий обзор истории Ирана, его борьбы с Тураном и отношений того и другого с Россией. Попутно он набрасывает характеристику иранского психологического типа, восполняя тем самым характеристику туранцев, данную Н. С. Трубецким (см. выше).

«Наряду с туранскими чертами, вошедшими в наш духовный облик и выражающимися в чувстве дисциплины, в боевых доблестях, прямоте и выносливости, удалы, равно как и в известной пассивности в области гражданского устройства и нелюбви к отвлеченному мышлению, мы, может быть, откроем некоторые черты иранского типа, особенно в области религиозных переживаний, склонности к мистике, постоянном душевном брожении и неудовлетворенности, дроблении на секты; сюда же, быть может, отнесется и наша непримиримость, излишняя приверженность к программам в плоскости политической».

Целый ряд весьма интересных замечаний содержит статья Г. В. Вернадского «Монгольское иго в русской истории» — второе звено в занятиях этого талантливого историка монгольским

¹⁹ Никитин Василий Петрович (1890—?).

периодом русской истории (о первом см. выше). Здесь очерчены мировые масштабы Монгольской Империи, отмечена та помощь, которую Золотая Орда фактически оказала Москве в ее борьбе с Литвой (способствуя тем самым возвышению и укреплению Москвы), рассказана история русско-православной епископской кафедры в Сарая (столице золотоордынских ханов). Эта история свидетельствует о несомненных, хотя и неосуществившихся возможностях, открывавшихся в раннюю эпоху существования Золотой Орды. Первые ханы ее колебались между Исламом и Православием. По некоторым сведениям, Сартак, сын Батыя, был православным.

«Если бы монгольские ханы, потомки Джучи, приняли православие, то, вероятно, не Москва, а Сарай оказался бы духовным и культурным центром русской земли».

Статья С. Г. Пушкирева²⁰ «Россия и Европа в их историческом прошлом» дает цельную, разработанную концепцию русского исторического процесса в его отличиях от европейского. В русской истории отсутствует присущая Западу стадия «городского хозяйства». Что касается аграрной эволюции, то в России она шла

«от частной собственности к земельно-передельной общине, которая достигла своего наибольшего развития именно в новое время, в XVIII—XIX вв., когда на Западе частная земельная собственность окончательно восторжествовала над общиной».

Понятие феодализма в точном смысле этого термина не применимо к России. Зато «в своей исторической роли русская верховная власть должна была быть и в действительности была большим творческим фактором, гораздо более всеобъемлющей и активной общественно-организующей силой, чем монархические правительства европейского Запада».

Во всех областях жизни «мы шли своим особым путем, отличным от путей Запада, а не являлись лишь „наиболее отсталой страной Европы“». В статье «К украинской проблеме» Н. С. Трубецкой прослеживаются украинские корни современной русской культуры, делающие ее способной к выполнению общерусских функций. Работа Л. П. Карсавина «Феноменология революции», рассматривая закономерности «революции вообще», намечает общую социологию революции. Революция — это

«длительный процесс вырождения правящего слоя, уничтожения его национальной государственности и создания нового правящего слоя... Первая фаза революции должна быть определена как вырождение и гибель старого правящего слоя». Его симптом — «исчезновение у правящего слоя воли к власти». В вырождении этом соучаствуют и «оппозиционные слои прежней правящей среды». «Безвольные и бессильные, новые временные правители за неспособностью управлять начинают излагать свою идеологию».

Наступает анархия — вторая фаза революции.

«Для революционной „анархии“ характерно не то, что не признается власть, а то, что всякий признает себя властью и считает себя ее носителем... Революционная анархия — как бы доведенный до своего предела, но утративший начало иерархии феодальный строй, не анархия, а панархия». В этот момент «воля народа» к новой государственности обнаруживается... как появление на поверхности народной жизни слоя насильников, честолюбцев и фанатиков. Это и можно обозначить как третью фазу революции. Государственность, утратив историческую и религиозную санкцию, проявляется в виде грубой, но потому именно импонирующей силы, снова разделяя на «управляющих» и «управляемых».

Это есть фаза «революционного правящего слоя», который нужно отличать от «нового правящего слоя» как временный и переходный, хотя он уже и заключает в себе элементы этого последнего.

«Фанатики уже нуждаются в действенном оправдании своей идеологии. Они, значит, уже усомнились в ней, но как люди мало образованные и мало развитые нуждаются в эксперименте... Социально-хозяйственная сторона жизни аргументирует быстрым, убедительным и для доктринера образом — нищетой и голодом. Здесь есть неодолимые ни для какой идеологии границы экспериментирования... Таким образом встает вседневная проблема революции. Народ должен найти свое настоящее правительство, которое бы в тесной связи с правящим слоем взяло в свои руки выпадающую из рук его главарей власть и, покончив с революционным доктринерством, осмыслило новую государственность и само появление свое во главе ее ясными и конкретно-действенными идеями».

В пятой книге «Евразийского Временника» выступил автор, работ которого не было в предшествовавших евразийских изданиях, но которому предстояло внести исключительно большой вклад в евразийское дело: это — государствовед, бывший профессор Московского университета Н. Н. Алексеев²¹. Его статья говорит о «советском федерализме». Общее заключение автора таково:

«Форма федерализма, которую можно назвать советской, обладает целым рядом преимуществ».

²⁰ Пушкирев Сергей Германович (1888—1982) — специалист по русской истории, ученик С. Ф. Платонова. Выпускник историко-филологического факультета Харьковского университета (1918), участник белого движения. Преподавал в Праге (1921—1945), а затем в ряде университетов США.

²¹ В нью-йоркской редакции далее: «Этот этап есть этап выхода из революции» [6, л. 16].

²² Алексеев Николай Николаевич (1879—1964) — специалист по теории государства и права. Выпускник (1906) и профессор права (1912—1917) Московского университета. Профессор в Берлине и Праге (1922—1931), Париже (1931—1940), Белграде (1940—1948) и Женеве (1948).

ществ, недостаточно оцененных современной политикой. Политика эта при оценке советского федерализма обычно строит такого рода суждения: советский федерализм не похож на федерализм западный, а потому он вообще не может быть назван федерализмом и должен быть признан системой дефектной и ничего не стоящей. При этой оценке громадную роль играет скрытое допущение: западный федерализм и есть настоящий, нормальный, следовательно, то, что от него отстает, должно быть признано отступающим от нормы. Между тем условия политической жизни России и государств западной культуры — весьма различны, и нормальное для Запада может быть совершенно непригодным у нас. Безумием было бы, если бы будущее правительство России повторило по отношению к децентрализационным процессам все ошибки самодержавия и все ошибки белого движения. Но не меньшим безумцем нужно считать и того, кто, придя в современную Россию, применяя в ней федералистическую программу в стиле старого российского радикализма, попытается перестроить Россию на манер Соединенных Штатов Америки ... Для реальной политики за точку отправления следует принять не заветы отживших эпох и не радикальные бредни, но ту фактическую ситуацию, которая уже создалась, ту постройку, которая стихийно выросла. Извлекая положительные стороны стихийно создавшегося, мы приобретаем наиболее надежную опору для построения будущего здания Российского государства.

Несколько ранее пятого «Временника» и вслед за ним появился в свет целый ряд евразийских монографий, посвященных различным отраслям знания.

П. Н. Савицкий. Географические особенности России. Часть 1-я. Растительность и почвы. Прага, 1927, с. 180, таблица, карта

Обоснование географической теории евразийства²³. Автор стремится *систематизировать* научные данные о географическом своеобразии России. Привлекая, по преимуществу, материал ботанической географии и почвоведения, он отмечает, что данные эти складываются в особую «периодическую и в то же время симметрическую систему зон». Евразийская концепция русской географии связана с изменением географической терминологии. Если Россия не принадлежит ни Европе, ни Азии, но составляет особый географический мир, то отпадают такие понятия, как «Европейская Россия» и «Азиатская Россия» и отвечающие им («европейская часть СССР» и т. д.). Поскольку нужно различать пространства, лежащие к западу и к востоку от Урала, следует говорить о «Доуралье» и «Зауралье».

Россия — особый географический мир. I. Континент-океан. II. Географический обзор России-Евразии. Прага, 1927, с. 68

Значительная часть этой брошюры занята сокращенным и переработанным изложением только что рассмотренной книги П. Н. Савицкого. Более подробно обосновано учение о «месторазвитии». Этим термином П. Н. Савицкий обозначил социально-историческую среду, рассматриваемую неотрывно от содержащей ее территории. В брошюре исследуется соотношение между культурой и географической обстановкой:

«Культурные традиции оказываются как бы вросшими в географический ландшафт, отдельные месторазвития становятся „культурно-устойчивыми“, приобретают особый, специально им свойственный „культурный тип“... Порукой тому, что отмечаемые черты обособленности и целостности Евразии имеют не только географическое, но также историческое значение служит русская историософия. В вековом развитии, независимо от тех или иных географических определений... она пришла к пониманию России как особого исторического мира. Не может быть случайным совпадение географического и историософского вывода, возникших независимо друг от друга: Россия как особый географический и Россия как особый исторический мир. Этим совпадением в чрезвычайной мере обосновывается категория „месторазвития“, стяжение воедино географических и исторических начал».

Кн. Н. С. Трубецкой. К проблеме русского самопознания. Собрание статей. Париж, 1927, с. 94, два приложения

В этом «собрании» перепечатаны две статьи Н. С. Трубецкого из сборника «Исход к Востоку» и одна — из «Евразийского Временника». Около половины книги посвящено очерку «Общеславянский элемент в русской культуре», впервые здесь напечатанному. В предисловии автор излагает свое понимание учения о личности, лежащего в основе евразийства.

«Наряду с частночеловеческими личностями существуют личности многочеловеческие, как частнонародные, так и многонародные. Всякая личность конкретно проявляется в каком-нибудь определенном своем состоянии или индивидуации... Но в то время как у частночеловеческой личности имеются только разновременные (т. е. сменяющие друг друга во времени) индивидуации, у личности многочеловеческой, наряду с разновременными, имеются и одновременные

²³В нью-йоркской редакции далее: «Нужно заметить, что трактовка России как особого географического мира не является, собственно говоря, специально принадлежностью географов-евразийцев. Более обоснованным было бы утверждение, что этой мыслью проникнуто все новейшее развитие русской географической науки. Это и позволило П. Н. Савицкому привлечь к обоснованию своего тезиса обширную научную литературу» [6, л. 17].

(т. е. сосуществующие друг с другом в одно и то же время) индивидуации; такими одновременно индивидуациями многонародной личности являются отдельные входящие в нее народы ... Для ученых, принимающих участие в евразийском движении, главным предметом описательного исследования является та многонародная личность, которую в совокупности с ее физическим окружением (территорией) евразийцы называют «Евразией» ... Здесь нужна ... определенная организация совместной работы специалистов по самым разнообразным отраслям знания, причем целью этой работы является известный научный и философский синтез, который, оформляясь во время самой научной работы и благодаря этой работе, в то же время сам определяет собой не только смысл, но и направление как всей совместной работы в целом, так и каждого отдельного специального исследования».

Организация такой работы и составляет одну из научных задач евразийства. Статья Н. С. Трубецкого об «Общеславянском элементе в русской культуре» имеет дело с вопросами языка, в которых автор (лингвист по специальности) и видит звено, соединяющее Россию со славянством. Основной тезис этого очерка гласит:

«Современный русский литературный язык получился в результате прививки старого культурного „садового растения“ — церковнославянского языка — к „дичку“ разговорного языка правящих классов русского государства. Русский литературный язык в конечном счете является прямым преемником старочерковнославянского языка, созданного св. славянскими первоучителями в качестве общего литературного языка для всех славянских племен эпохи конца праславянского единства».

Он является не только прямым, но и единственным преемником этого языка. Во всех других частях славянского мира непосредственная языковая традиция пресеклась. Непрерывность более чем тысячелетней традиции дает русскому языку большие преимущества перед другими славянскими языками. Эти преимущества и перечисляет Н. С. Трубецкой. Назовем одно из них:

«Благодаря органическому слиянию в русском литературном языке церковнославянской стихии с великорусской словарь русского языка необычайно богат. Богатство это заключается именно в оттенках значения слов. Целый ряд представлений допускает по-русски два словесных выражения: одно по своему происхождению церковнославянское, другое — русское. Оба словесные выражения дифференцируются в своем значении, притом либо так, что церковнославянское слово получает торжественный и поэтический оборот, отсутствующий у соответствующего русского .. либо так, что церковнославянское слово имеет переносное и более абстрактное, а русское — более конкретное значение... Трудно указать нечто подобное в каком-нибудь другом литературном языке... Нет полной аналогии между русским литературным языком и романскими, например, французским. Правда, во французском языке мы находим использование латинских словарных элементов, напоминающее использование церковнославянских элементов русским языком ... Но, все же, аналогия неполная ... Французский язык гораздо сильнее отличается от латинского, чем русский от церковнославянского ... Французский язык не может так свободно дублировать чисто французские слова соответствующими латинскими, как это делает русский язык, например, заменяя русские слова *золото*, *берег* церковнославянскими *злато*, *брег* исключительно из стилистических соображений, для придания речи торжественно-поэтического оттенка ... Русский литературный язык в отношении использования преемства древней литературноязыковой традиции стоит, по-видимому, действительно особняком среди литературных языков земного шара».

Н. С. Трубецкой указывает на причины, которые препятствуют русскому языку стать языком междуславянского общения, к чему он, казалось бы, призван в силу традиции, которую представляет. Но автор подчеркивает, что русский язык является центром радиации в среде неславянских языков евразийского мира. Очерк заканчивается следующими словами, ярко характеризующими общую историческую и историософскую концепцию автора:

«Россия-Евразия — страна наследница. Волею судеб ей приходилось наследовать традиции, возникшие первоначально в иных царствах и у иных племен, и сохранять преемство этих традиций даже тогда, когда породившие их царства и племена погибали, впадали в ничтожество и теряли традиции. Так, унаследовала Россия традицию византийской культуры и хранила ее даже после гибели Византии, унаследовала Россия и традицию монгольской государственности, сохранив ее даже после впадения монголов в ничтожество, наконец, унаследовала Россия и церковнославянскую литературно-языковую традицию и хранила ее в то время, как гибли один за другим древние центры и очаги этой традиции. Но любопытно при этом, что все эти унаследованные Россией традиции только тогда становились русскими, когда сопрягались с Православием. Византийская культура с самого начала была для русских неотделима от Православия, монгольская государственность только оправославившись превратилась в Московскую, а церковнославянская литературно-языковая традиция только потому и могла принести плод в виде русского литературного языка, что была церковной, Православной».

Г. В. Вернадский. Начертание русской истории. Часть первая. С приложением «Геополитических заметок по русской истории» П. Н. Савицкого. Прага, 1927, с. 264, три карты

Один из немногих выпущенных в пореволюционные годы научных курсов русской истории. К сожалению, до настоящего времени появилась в свет только первая часть, обнимающая политическую и дипломатическую историю России от древнейших времен до 1914 г. Вторая

часть должна быть посвящена культурной и социальной истории. Судьбы русского народа Г. В. Вернадский прослеживает на широком фоне истории Евразии, в чем, в первую очередь, и заключаются новаторские тенденции его курса. Изложение начинается не с Рюрика, но со скифов и сарматов. Особые параграфы посвящены готам и гуннам и затем «роли кочевых народов в истории». «Вся история Евразии есть последовательный ряд попыток создания единого всеевразийского государства». Состояние политической раздробленности неизменно сменяется в истории Евразии единой государственностью (Скифская держава, Гуннская, Монгольская и Российская империи). На этом основании Г. В. Вернадский и намечает «схему периодической ритмичности государствообразующего процесса России-Евразии». В истории первоначальной Руси очень интересно трактована фигура Святослава (X в.):

«Захватом Дунайских Болгар Святослав осуществлял широкого размаха политический план: он становился преемником кочевых императоров, использовавших обмен между странами и народами „твердой культуры“. Географически империя Святослава достигала в этот момент большего протяжения, чем империя авар (потому что в руках Святослава был не только нижний Дунай, но и нижняя Волга) или империя хазар (обратно: не только Волга, но и Дунай). Империя Святослава по своему протяжению может быть сравнима только с гуннской империей IV—V вв. Только к стихии кочевнического степного государства Святослав прибавил еще стихию лесного государства (Киев — Новгород)».

Центральное место в книге Г. В. Вернадского занимает история XIII—XV вв. Автор излагает ее в теснейшей связи с историей Монгольской Империи, а затем Золотоордынской державы, в состав которой входила тогдашняя Русь. Этот метод дает ему возможность нарисовать цельную, а в значительной степени и новую картину происходившего в эти века на пространствах России-Евразии. Очень ярко характеризована историческая обстановка 1440-х годов, когда в связи с упадком Золотой Орды татары массами стали переходить на службу к Московскому Великому князю Василию Васильевичу:

«Татары приходили прежде на Русь как агенты чуждой и далекой татарской власти; теперь татары хлынули на Русь в качестве постоянных служилых людей своей русской великокняжеской власти ... Лишь более дальновидные из московских государственных людей понимали, что такой массовый прием татар на московскую службу означал собою в сущности конец Орды. Для большинства москвитей, наоборот, такое неожиданное легальное завоевание московского великого княжества татарами представлялось неслыханным бедствием и нарушением прав и преимуществ коренных русских людей: отсюда те жалобы, которые раздавались против Василия».

Г. В. Вернадским даны интересные характеристики Ивана Грозного, патриарха Филарета (отца царя Михаила Романова), Алексея Михайловича, Петра Первого. Свообразна трактовка 1812 г.:

«Организация социальной революции в России была единственным шансом успеха для Наполеона при ... „скифской“ системе войны (со стороны русских). Занятие Москвы Наполеоном могло бы иметь значение лишь для создания центра русской социальной революции. Наполеон, однако, не захотел или не сумел организовать русскую социальную революцию».

Русской дипломатии «петербургского» периода Г. В. Вернадский ставит в укор ее европоцентризм:

«Среди руководителей русской дипломатии за последние два века бывали блестящие таланты..., но деятельность их приверженностью к европейской дипломатической системе увлекалась в сторону от основного русла русского исторического развития».

В приложенных к книге Г. В. Вернадского «Геополитических заметках по русской истории» П. Н. Савицкий рассматривает русскую историю «как процесс создания России-Евразии как целостного месторазвития». В этой связи геополитический облик Российского государства сопоставляется им с обликом Джучиева улуса (Золотоордынской державы). Уясняется тождественность геополитической плоти того и другого. Московское государство рассматривается как одно из царств-наследников Золотой Орды. Русское же расширение XVI—XIX вв. трактуется как восстанавливающее, в основных чертах, ту геополитическую конъюнктуру, которая существовала в эпоху расцвета Золотоордынской державы.

«Так, принадлежность к золотоордынской геополитической системе и сопряженность с нею красной нитью проходит в русской истории последних столетий. В этом смысле значение Золотоордынской державы в русской истории не меньше значения империи Карла Великого в истории европейской».

Н. П. Толль. Скифы и гунны. Из истории кочевого мира. Прага, 1928, с. 80, пять карт

История скифов и гуннов, тесным образом связанная с историей России-Евразии, в течение долгого времени была неизвестна широкому кругу русских читателей ввиду отсутствия доступного ее изложения. Этот пробел и призвана восполнить книга молодого историка и археолога Н. П. Толля²⁴. Она использует данные как греческих и римских авторов, так и китайских хроник, а также весь материал, собранный археологией. В центре изложения

²⁴ Толль (Толь) Николай Петрович (1894—?) — археолог и искусствовед, ученик Н. П. Кондакова. Доктор философии Пражского университета, вице-директор Кондаковского института. Позднее переехал в Америку.

стоит, по преимуществу, *история гуннов*. П. Н. Савицкий так резюмирует содержание книги Н. П. Толля:

«Именно этапы этой эпопеи (истории гуннов) являются стержнем, на который нанизываются отдельные главы этой книги, от II до V. Отметим исключительное богатство содержанием и драматическую напряженность гуннской истории. Стоящий в начале образ великого завоевателя Мотуна, объединителя восточноевразийских степей. Судьбы созданной им державы, сначала наполненные успехом, затем все более клонящиеся к упадку. Трагическое метание вождей и масс между подчинением Китаю и борьбой за независимость, часто в условиях голода и холода, неизбежно — с уходом из родных мест. Неподчинившиеся уходят в среднеевразийские степи. Видимая или действительная двухвековая передышка. А затем — ошеломляющий удар на Запад, занятие в несколько лет западноевразийских степей; несколько позже — Атилины походы в Европу. История гуннов знаменует собою историческое единство Старого Света. В IV—V вв. бывали моменты, когда гуннские династии господствовали в северном Китае, гунны-эфталты повелевали Восточным Ираном и Северной Индией, западногуннская держава охватывала причерноморские степи и значительную часть Европы».

П. Н. Савицкий. О задачах кочевниковедения (почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?). Прага, 1928, с. 26

Эта брошюра представляет собою попытку систематизовать некоторые данные по истории степных народов. Прежде всего очерчивается их месторазвитие, «прямоугольник степей», простирающийся от Карпат до Хингана. Описываются отдельные его части, причем особое внимание уделяется черноморско-степному и китайско-степному рубежу, т. е. тем районам, где степи выходят к берегам Черного моря (на западе) и к пределам Китая (на востоке). Здесь степные культуры в течение долгих веков соприкасались с оседлыми культурами западной и восточной периферии материка. Отмечается единство исторического и экономического быта на всем пространстве степи. Подчеркивается близкая связь, сопрягавшая степных кочевников с культурами северной лесной зоны. Тем создавалось культурно-историческое единство, близкое по своим пределам к очертаниям нынешнего русского мира. Очерк заканчивается следующими словами:

«Есть основания думать, что кочевниковедение станет по преимуществу русской наукой. Но желанны и другие силы. В частности, необходимо привлечение к кочевниковедению работе культурных сил современных кочевых народов. Народы эти должны найти свое место и свою почетную роль в общем деле России-Евразии».

Д-р Эренжен Хара-Даван. Чингис-Хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII—XIV вв. Белград, 1929, с. 232, карта, иллюстрации

Очерк истории Чингис-Хана, стоящий в ближайшей связи с идеями евразийцев и написанный ученым-калмыком. Книга делится на две части. Первая дает сведения о личности и деятельности великого завоевателя, вторая прослеживает судьбы созданной им державы (в особенности западной ее части). В общем, в книге весьма удачно скомбинирован материал, позаимствованный из произведений монгольских, персидских, европейских и русских историков²⁵. Совершенно особый характер придает повествованию тот факт, что автор непосредственным, бытовым образом знаком с жизнью кочевников. Это позволяет ему в ряде случаев прийти к ценным и убедительным выводам. Ввиду малозвестности темы, интересна глава «Болгария и Сербия как вассалы Монгольской империи». Вообще книга Э. Д. Хара-Давана, написанная просто и живо, может быть с пользой прочтена каждым образованным читателем.

Евразийская Хроника. Выпуск I. Прага, 1925, с. 43. Выпуск II. 1925, с. 74. Выпуск III. Прага, 1926, с. 74. Выпуск IV. Прага, 1926, с. 84. Выпуск V. Париж, 1926, с. 86 (литографированное издание)

Первые пять выпусков «Евразийской Хроники» были изданы литографическим способом. По содержанию своему некоторые из них вполне стоят на уровне лучших евразийских изданий. Заключающиеся в этих выпусках попытки дать общее изображение сущности евразийства (доклад И. С. Белецкого в выпуске I, статья «Евразийство» Л. В. Копецкого²⁶, записка «Что делать?» в выпуске III, подписанная буквою С.) могут служить материалом по развитию евразийских идей в течение 1925—1926 гг. Записка «Что делать?» является предварением упомянутой выше «формулировки 1927 г.». Удачна статья В. П. Шапиловского «Новым оппонентам евразийства» (выпуск II). Несколько работ посвящено «предшественникам» евразийства; таковы очерки К. И. Флоровской «Леонтьев как предшественник евразийства»

²⁵ В нью-йоркской редакции далее: «Недостатком является не всегда достаточно критическое отношение к источникам» [6, л. 23].

²⁶ Копецкий Леонтий Васильевич (1894 — после 1972) — лингвист, специалист по русскому языку. Учился в Харьковском, затем Пражском университетах. Преподавал сначала в средней, позднее в высшей школе Праги.

и В. Н. Ильина «Евразийство и славянофильство». К. А. Чхеидзе в статье «Национальная проблема» (выпуск IV) рассматривает единство геополитической, этнической и культурно-исторической системы, которым обосновывается государственное единство России-Евразии. Он намечает пути евразийского решения национальной проблемы, основанного на «принципиальном признании равноценности всех наций, входящих в состав евразийской системы». Отношению евразийцев к вопросам народного просвещения посвящена записка Л. П. Карсавина «О педагогике» (выпуск IV). В. П. Никитин поместил в «Евразийской Хронике» несколько статей и обзоров по вопросам востоковедения. Очерк его «Персия в проблеме Среднего Востока» (выпуск IV) рассматривает историю Персии от начала войны до середины 1920-х годов. Рассказ весьма выигрышает от того, что автор в качестве Российского генерального консула в Урмии сам являлся участником ряда описываемых событий.

Евразийская Хроника, под редакцией П. Н. Савицкого. Париж, ин квартио. Выпуск VI, 1926, с. 46. Выпуск VII, 1927, с. 64. Выпуск VIII, 1927, с. 86. Выпуск IX, 1927, с. 102. Выпуск X, 1928, с. 102 (печатное издание)

Выпуски VI и VII по содержательности своей скорее уступают литографованным выпускам, чем превосходят их. Только с выпуска VIII начинается новый подъем. В нем помещена статья кн. Н. С. Трубецкого «О государственном строе и форме правления», которая обосновывает евразийское учение об идеократии. Этот очерк Н. С. Трубецкого необходимо прочесть всякому, кто хочет основательно ознакомиться с евразийством. В выпуске IX помещена другая не менее замечательная статья того же автора об «Общевеэвразийском национализме». Основная тенденция ее усматривается из следующих утверждений:

«национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской Империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и, в качестве таковой, обладающая своим национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию — Евразией, ее национализм — евразийством».

Целая серия работ Н. Н. Алексеева посвящена выяснению особенностей правового строя и правовых традиций России-Евразии. Таковы статьи «Народное право и задачи нашей правовой политики» в выпуске VIII, «Записка о суде» в выпуске IX, «Обязанность и право» в выпуске X. В первой из них Н. Н. Алексеев, систематизируя имеющуюся литературу, устанавливает особенности русского обычного права. Оно отмечено «правовым субъективизмом»:

«Даже курьезно, что у старых защитников нашего „народного права“ можно прямо прочесть те формулы, которые ныне проводят на Западе школой так называемую „свободного права“ в ее борьбе против юридической схоластики и юридического формализма».

Русское народное правосознание отмечено своеобразной «классовой» точкой зрения:

«обязательства, например, между одним крестьянином и другим народ наш свято чтит... а вот в договоре с помещиком не считалось предсудительным обязательства и не исполнить». Вообще в договорном праве «народное правосознание отдает предпочтение нанимаемому перед нанимателем». Исключительное значение в народном праве приписывается трудовому принципу.

«Полная оторванность труда от производственного организма, взгляд на него как на частное соглашение с нанимателем, как на вопросы только рабочей платы — все это не уживалось с народными представлениями, что без труда нет и производительной деятельности и что интересы труда в производстве суть интересы органические».

Это объясняет, почему на русской почве смогла утвердиться трудовая теория ценности: здесь намечается совпадение (конвергенция) русского народного сознания и некоторых сторон марксизма.

«Революция осуществила многие начала народного права. Изучая беспристрастно законодательные памятники революции, нельзя не прийти к заключению, что они стоят ближе к народному правосознанию, чем законодательство Империи. И это приходится констатировать, несмотря на то, что официальная идеология революции — марксизм — не имела никаких сознательных намерений проводить в жизнь основы русского права».

«Народное право» стоит под знаком нравственных и религиозных воззрений:

«Когда марксизм изживает сам себя, а иначе он и не может быть ликвидирован, тогда революционное право силой вещей вернется к своим народным религиозным и нравственным истокам»²⁷.

В статье «Обязанность и право» Н. Н. Алексеев отмечает, что русскому правовому развитию свойственно органическое сочетание права с *положительной обязанностью* (т. е. не сводящейся только к *воздержанию* от действий), чего в такой форме не наблюдается на Западе.

В области внешнеполитических изысканий отметим статью К. А. Чхеидзе «Лига Наций и государства-материки» (выпуск VIII). В ней он анализирует наметившуюся в современности тенденцию к созданию политических объединений материкового масштаба. Россия-Евразия

²⁷ В нью-йоркской редакции далее: «В „Записке о суде“ Н. Н. Алексеев устанавливает отношение евразийцев к советскому судоустройству: „В нашем судебном законодательстве мы принципиально можем взять за отправную точку советские законы. Наша дальнейшая задача будет сводиться к тому, чтобы освободить современный процесс от навязанного ему односторонне-классового начала... сделать его общенародным“» [6, л. 26].

есть сложившееся объединение такого типа. Но о том же идет речь в панамериканском, паназнатском, паневропейском движении. Что касается нынешней Лиги Наций, то в ней «нужно видеть, по преимуществу, эмбрион правительства ... паневропейского союза». Статья В. Т. «Понятие Евразии по антропологическому признаку» (выпуск VIII) установила основы антропологического учения евразийцев.

В 1928 г. появились в свет две книги о евразийстве на английском языке, принадлежащие перу евразийцев.

Английский Евразиец. Воскресающая Россия. Сводка взглядов и целей новой партии в России. Лондон, 1928, с. 266

Одно из самых обстоятельных, если не самое обстоятельное из вышедших доселе на иностранных языках изложений евразийского учения. Передача основных тезисов евразийства связана здесь с общим очерком географии и истории России. Две обширных главы посвящены «большевистской России». Географический обзор воспроизводит основные выводы евразийцев по этой части. В отделе, рассматривающем этнографию евразийского мира, отмечены «дружественные отношения», существовавшие и существующие между народами этого мира. В проникновенных словах охарактеризованы идея и факт «святой Руси» (в особенности, в главе «Дух России»). Вообще во многих местах книга написана с большим поэтическим подъемом. Кратко, но вразумительно изложена история русского революционного движения. Она является как бы введением к характеристике идей и практики марксизма-ленинизма. Экономическая и политическая программа евразийства очерчена на основании главным образом «Формулировки 1927 г.». Особая глава посвящена евразийскому пониманию отношений между Церковью и государством и самой природы Церкви²⁸. Повторяем, разбираемая книга является одним из лучших изображений евразийства. Нужно, конечно, иметь в виду, что автор ее — англичанин и что изложение носит печать английского духа. При основательном знакомстве автора с евразийством это обстоятельство дает ему возможность по-новому осветить целый ряд вопросов.

П. Н. Малевский-Малевич. Новая партия в России. Лондон, 1928, с. 119

В этой работе, в отличие от книги «Английского Евразийца», почти отсутствует философская и собственно историческая часть, но зато сделано ударение на политической стороне евразийства. Дано резкое той критики, которую евразийцы выдвинули по адресу белого движения. Подробно изложено учение о «правящем отборе», а также об «идеократии» (см. выше). Подчеркнуто, что и нынешний режим в некоторых отношениях подготавливает «идеократический» строй будущего:

«Поскольку идея служения входит в коммунистическую систему даже в ее чисто материалистическом и потому дефективном аспекте, природа этой последней не абсолютно чужда идеократии».

Свои взгляды на самые общие и коренные вопросы культуры П. Н. Малевский-Малевич излагает в следующих выражениях:

«Если вселенская культура не только мечта (а мы глубоко уверены, что она может быть реализована), она должна проистечь из культурного сотрудничества. Должен существовать симфонический гармоничный союз, федерация независимых культур, предоставляющая каждой расе и каждому народу свободу развития. В чем мир действительно нуждается — это в „идеократическом“ интернационале, выражающем высочайшие идеалы человечества».

Книга П. Н. Малевского-Малевича сопровождается введением, написанным известным английским публицистом Ланселотом Лоутоном. Приведем некоторые выдержки из этого введения:

«Пересмотр русской истории дал евразийцам возможность формулировать совершенно новое понимание России. Евразийцы — археологи и строители в одно и то же время. Под императорскими руинами и лавою коммунизма они вскрыли фундаменты русской народности, и на этих фундаментах в свете современных идей они наметили здание Евразии... их горизонт широк, столь же широк, как сама вселенная; и они воспользовались опытом всего человечества».

Евразийский Сборник. Книга VI. Под редакцией Н. Н. Алексеева, В. Н. Ильина, Н. А. Клепинина, П. Н. Савицкого и К. А. Чхеидзе. Прага, 1929, с. 80

В этом сборнике отметим следующие статьи: 1) Н. Н. Алексеев. Евразийство и марксизм. В ней автор противопоставляет евразийство марксизму в областях религиозной, философской и др. В понимании социальной жизни евразийство, в отличие от марксизма с его «классовой» теорией государства, выдвигает

«значение в жизни человеческих обществ чисто служилых правящих групп, в господстве

²⁸ В нью-йоркской редакции далее: «В эпиллоге указывается, что выводы евразийцев относительно „европеизации“ применимы и ко многим другим странам, кроме России, например, к Индии и Китаю. Они должны были бы предостеречь от безоглядного перенесения на почву этих стран европейских форм и побудить к творческому развитию лучшего, что есть в самой местной традиции» [6, л. 27].

которых проявляется не односторонний групповой интерес, но нейтральные интересы общественного целого».

2) В. Н. Ильин. О религиозном и философском мировоззрении Н. Ф. Федорова. Общий очерк мировоззрения этого философа (1828—1903), соединявшего глубокое религиозное миропонимание с идеей преобразования мира при помощи техники. 3) К. А. Чхеидзе. Евразийство и ВКП(б). Краткая формулировка основных *тактических* задач евразийства. 4) Я. А. Бромберг²⁹. О необходимом пересмотре еврейского вопроса. Автор является поборником еврейского «восточничества», отстаивает необходимость евразийской ориентации духовных сил восточного (т. е. русского) еврейства. 5) Н. А. Клепичинин. Материалы к социальной программе евразийства. Попытка применить начала государственно-частной системы к области социального обеспечения.

Три работы Н. Н. Алексеева посвящены обоснованию политической и экономической программы евразийства:

Н. Н. Алексеев. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности). Париж, 1927, с. 78

Эта брошюра, имеющая большое значение в развитии политических воззрений евразийства, существенна в то же время как один из немногих объективных юридических анализов советского строя. Обычно суждения эмигрантских юристов бываю окрашены враждою к этому строю. Наоборот, работы юристов советских, все без исключения имеют более или менее официальный характер. Н. Н. Алексеев одинаково свободен от предвзятости в смысле как похвал, так и обличений. Он описывает советский строй, как тот складывается согласно *писанной конституции* (как известно, *неписанная конституция* устанавливает фактически режим партиеправства):

«Советское государство, в противоположность новейшим европейским демократиям, от правным пунктом своим считает не отдельного гражданина, образующего вместе с другими гражданами неорганизованную массу народа; напротив того, советское государство отправляется от первоначальных организованных ячеек граждан, — именно от советов — деревенских, городских, фабрично-заводских ... советская политическая система принципиально отрицает всякое разделение властей и всякую специализацию функций ... Исполнительный комитет в промежутки между сессиями съезда советов исполняет все функции этого последнего. Мы говорим о принципе замещения, который столь характерен для советского государства. Любой Исполнительный Комитет вполне замещает съезд советов, но в свою очередь избранный комитетом его Президиум вполне замещает комитет... Такой порядок отношений между органами незнаком правовому государству нового времени. Если искать сравнений, то нужно обратиться к учреждениям абсолютной монархии. Так, например, сенат, учрежденный Петром Великим, всецело замещал монарха на время его отсутствия ... «Исполнительная власть да подчинится законодательной» — такова основная норма западного конституционализма. «Исполнительный Комитет да будет наиболее сильною властью во всех сферах, даже в делах законодательства» — таков принцип советского государственного строя»³⁰.

В советском строе как таковом Н. Н. Алексеев видит целый ряд положительных сторон, отвечающих потребностям России-Евразии в сильной власти.

Н. Н. Алексеев. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. Париж, 1928, с. 83

Первая часть брошюры представляет собою юридический анализ понятия собственности вообще. Затем рассматривается правовая природа различных проектов социализации (в которых субъектом права собственности являются коллективы — организованные и не организованные). Демонстрируется крайняя спутанность юридических представлений, сказавшаяся в программах и практике русских социалистических партий. Особенно противоречивы воззрения социалистов-революционеров. Они требовали, например, чтобы земля принадлежала «всему народу», т. е. неорганизованному коллективу, и признавали права собственности за всеми и каждым. Но уже в своих более детальных предположениях, отрещиваясь от этатизма (государственного хозяйства), они фактически приходили к его утверждению. В земельном вопросе тот же путь на практике проделали коммунисты. Они сначала провозгласили обращение земли «во всенародное достояние» (в 1917 г.), а затем, последовательными этапами, перешли к резко выраженному этатизму. Н. Н. Алексеев отвергает социализм как стремление к изменению субъектов собственности.

«Чтобы достигнуть истинного и плодотворного преобразования института собственности, нужно стремиться не к изменению субъектов, но к изменению самой природы института».

Порядок частной собственности должен восполняться деятельностью государства, наделенного положительной миссией и осуществляющего государственно-частную систему хозяйства.

²⁹ Бромберг Яков Абрамович (1898—1948) — публицист, автор публикаций на исторические темы.

³⁰ В нью-йоркской редакции далее: «Н. Н. Алексеев решительно отвергает порядок коммунистического партиеправства» [6, л. 30].

Автор прослеживает, как у современных западных народов «пробуждается ощущение государства». Он намечает те методологические требования, которые должны характеризовать теорию государства в русской ее постановке. Это — освобождение от засилья юридизма:

«общая теория государства должна перестать отождествлять себя с общей теорией государственного права». Необходимо также «преодоление европейского эгоцентризма в теории государства; привлечение в орбиту своих исследований всех возможных типов государств различных культур поможет теории государства увидеть в изучаемых явлениях такие стороны, усмотрение которых закрыто для европейских государствоведов, воспитанных в условиях утраты человеком чувства реальности государства».

Во исполнение первого из этих требований (т. е. ради отыскания широкой социологической базы, чуждой одностороннего юридизма) Н. Н. Алексеев сопоставляет учение о государственной территории с выводами новейшей геополитики и в частности с выдвинутой евразийцами геополитической характеристикой России. Россия-Евразия определяется им как «государство-мир», в отличие от «государств-волостей», «земель» и т. д. В учение о народе вводится представление о нем как о коллективной «многочеловеческой» личности. «Ведущий слой» рассматривается как необходимая принадлежность государства. Нужно отличать «ведущий слой» от «правляющей группы».

«Политически управляющая группа, образуемая из среды ведущего слоя, ... является распорядителем или „диспозитарием“ внешней мощи государства».

Мы не будем излагать здесь тех характеристик нормоустановительной и правоустановительной деятельности государства, закона, государственных функций и их распределения, которые дает Н. Н. Алексеев. Отметим только, что в отделе, посвященном «государственному идеалу», он останавливается на необходимости демократического (народного) характера «идеального» государства, и воплощение демократичности видит в особом образом сконструированной «системе советов». Большое внимание уделено «организации ведущего слоя». Он строится «на принципах общественной самоорганизации».

«Единство ведущего себя должно покоиться ... на единстве духовной жизни, на единстве убеждений и духовных стремлений». Ведущему слою «должна быть открыта высшая религиозно-философская истина, которой он призван служить и которая не может не объединить его в одно целое. Здесь раскрывается извечный смысл учения Платона о царстве философов, а также и смысл понятия теократии как государства, высшим принципом которого является верховная из идей — идея религиозная».

Степан Лубенский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Raeff M.* Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919—1939. New-York; Oxford, 1990, p. 166—168.
2. *Савицкий П. Н.* В борьбе за евразийство. Poleмика вокруг евразийства в 1920-х годах.— В кн.: Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Париж, 1931.
3. Bulletin d'information des sciences historiques en Europe Orientale. 1932, T. IV, F. 3/4, p. 167.
4. *Горизонтов Л. Е.* Федерация исторических обществ Восточной Европы (1927—1943 гг.).— В кн.: XII Всесоюзная конференция историков-славистов. Тезисы докладов и сообщений. М., 1990, с. 154—156.
5. *Лубенский С.* Евразийская библиография 1921—1931. Путеводитель по евразийской литературе.— В кн.: Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Париж, 1931, с. 285—317.
6. *Savitskii P. N.* Evraziiskaia bibliografiia. Np., nd. George Vernadsky Papers, Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University.
7. Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом, 1930—1940. Вып. 2, ч. 1. Белград, 1941, с. 287—289.
8. *Трубецкой Г. П.* Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк, 1956.
9. *Вернадский Г. В.* П. Н. Савицкий (1895—1968).— Новый журнал, Нью-Йорк, 1968, кн. 92, с. 273.
10. *Топоров В. Н.* Николай Сергеевич Трубецкой — ученый, мыслитель, человек (к столетию со дня рождения).— Советское славяноведение, 1990, № 6; 1991, № 1.
11. *Зернов Н. М.* Русские писатели эмиграции: биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре 1921—1972. Boston (Mass.), 1973, с. 136.

МАТЕРИАЛЫ К УЧЕБНИКУ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Плетнева А. А.

ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

1. Г Р А Ф И К А

1.1. Алфавит

Буквы	Их названия	Их произношение
А, а	<u>аз</u>	(а) ¹
Б, б	<u>буки</u>	(б)
В, в	<u>веди</u>	(в)
Г, г	<u>глаголь</u>	(г)
Д, д	<u>добро</u>	(д)
Е, е, е ²	<u>есть</u>	(е) ('э)
Ж, ж	<u>живете</u>	(ж)
З, з	<u>зело</u>	(з)
З, з	<u>земля</u>	(з)
И, и	<u>иже³</u>	(и)
І, і	<u>и²</u>	(и)
К, к	<u>како</u>	(к)
Л, л	<u>люди</u>	(л)
М, м	<u>мыслете</u>	(м)
Н, н	<u>наш</u>	(н)
О, о, о ⁴	<u>он</u>	(о)
П, п	<u>покой</u>	(п)
Р, р	<u>рцы</u>	(р)
С, с	<u>слово</u>	(с)
Т, т	<u>твердо</u>	(т)

Оу, оу, Ѹ	<u>ук</u>	(у)
Ф, ф	<u>ферт</u>	(ф)
Х, х	<u>хер</u>	(х)
Ѡ, ѡ	<u>от</u>	(от)
Ц, ц	<u>цы</u>	(ц)
Ч, ч	<u>червь</u>	(ч)
Ш, ш	<u>ша</u>	(ш)
Щ, щ	<u>ща</u>	(щ)
Ъ, ъ	<u>ер</u>	— °
Ы	<u>еры</u>	(ы)
Ь, ь	<u>ерь</u>	— °
Ѣ, ѣ	<u>ять</u>	(е) (э)
Ю, ю	<u>ю</u>	(ю) ('у)
Я, я	<u>я</u>	(я) ('а)
Ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ	<u>омега</u>	(о)
Ѧ, ѧ	<u>юс малый</u> °	(я)
Ѩ, ѩ	<u>кси</u>	(кс)
Ѱ, ѱ	<u>пси</u>	(пс)
Ѳ, ѳ	<u>фита</u>	(ф)
Ѵ, ѵ	<u>ѣжица</u>	(и) или (в) °

Примечания к алфавиту:

1) Ѧ в некоторых формах слов типа НиколаѦ, моѦ и т. д. читается как (я) (см. подробнее п. 2.3.6. б);

2) буква есть имеет одно начертание для прописной буквы и два для строчной: е-узкое — ѣ и е-широкое — ѣ;

3) в соответствии с цифровыми значениями букв (см. п. 1.4) буква И еще называется и-восьмеричное, а буква І — и-десятеричное;

4) буква он прописная имеет один вариант О — о-широкое, а строчная имеет два варианта начертаний О — о-широкое и О — о-узкое;

5) в односложных предлогах ИЗ', БЕЗ', НАД', ПОД', ПРЕД', УБ' и т. п. на месте ера ставится паерок'. В приставках ИЗ', БЕЗ', НАД' и т. п. написание паерка соответствует написанию в русском языке твердого знака, напр. ѡб'ѣтїе, ИЗ'лїнї, но ИЗ'мїднї;

б) так же как и в русском языке буквы **Ѣ** и **Ѧ** обозначают твердость и мягкость предыдущего согласного;

7) о разных начертаниях омеги (см. п.2.3.4.);

8) юсы (**Ѧ, Ѧ̄, Ѧ̅, Ѧ̆**), т. е. буквы, обозначающие в старославянском языке носовые гласные, не входят в современный цсл алфавит, кроме буквы **Ѧ**, которая соответствует гласной **я** в русском алфавите. **Ѧ̄** — юс-большой входит в ключ границ пасхалии;¹

9) после букв **Ѧ** и **Ѧ̄** ижица читается как (**в**) в соответствии с греческими дифтонгами **αυ**, **ευ**. В остальных случаях ижица читается как (**и**), и тогда над ней стоит какой-либо надстрочный знак **Ѧ̇**, **Ѧ̈**, **Ѧ̉**.

Следует иметь в виду, что количество букв, входящих в цсл алфавит, и порядок их расположения в разных изданиях может варьироваться. Так, например, в грамматике В. Классовского [1] 39 букв алфавита (в одну строку объединяются **Ѧ** и **Ѧ̄**). Кроме того, отсутствует особое начертание омеги для восклицательных междометий **Ѧ̇**. Алфавит в грамматике Алипия [2], как и приведенный нами выше, имеет 40 букв. Однако здесь также отсутствует графема **Ѧ̇**, а **Ѧ̅** находится не в конце алфавита, после **Ѧ̄**, а в середине — после **Ѧ̆**.

В «Справочной книжке по церковно-славянскому правописанию» [3], которая является наиболее полным описанием орфографии синодального цсл языка, алфавит состоит из 42 букв. Дополнительно введена буква **у**, встречающаяся лишь в цифровом значении, а графемы **Ѧ̅** и **Ѧ̇** представлены как разные буквы. Кроме того, цсл алфавит не включает букву **Ѧ̈**, реально встречающуюся в текстах. Граматики рассматривают **Ѧ̈** как букву иже — **И** со специальным надстрочным знаком **Ѧ̈** краткая, встречающимся только в этой позиции.

1.2. Прописные буквы употребляются в начале предложения или стиха. До 1888 г. в изданиях Санкт-Петербургской и Киево-печерской типографий с прописной буквы писались имена собственные, а также слова, относящиеся к сакраль-

¹ Ключ границ - 35 букв цсл азбуки, показывающих на сколько дней дата Пасхи отстоит от 21 марта (3 апреля). Числовые значения букв, входящих в ключ не совпадают с обычным числовым значением этих же букв: **Ѧ** (1), **Ѧ̄** (2), **Ѧ̅** (3), **Ѧ̆** (4), **Ѧ̇** (5), **Ѧ̈** (6), **Ѧ̉** (7), **Ѧ̊** (8), **Ѧ̋** (9), **Ѧ̌** (10), **Ѧ̍** (11), **Ѧ̎** (12), **Ѧ̏** (13), **Ѧ̐** (14), **Ѧ̑** (15), **Ѧ̒** (16), **Ѧ̓** (17), **Ѧ̔** (18), **Ѧ̕** (19), **Ѧ̖** (20), **Ѧ̗** (21), **Ѧ̘** (22), **Ѧ̙** (23), **Ѧ̚** (24), **Ѧ̛** (25), **Ѧ̜** (26), **Ѧ̝** (27), **Ѧ̞** (28), **Ѧ̟** (29), **Ѧ̠** (30), **Ѧ̡** (31), **Ѧ̢** (32), **Ѧ̣** (33), **Ѧ̤** (34), **Ѧ̥** (35). Под 1992 г. ключевая буква **Ѧ̈** (23). Отсчитав 23 дня от 21 марта установим, что в этом году Пасха 13 (26) апреля.

ной сфере [4, с. 96], в то время как в изданиях Московской синодальной типографии эти слова писались со строчной буквы. В 1888 г. следует постановление Св. Синода, делающее московскую норму общеупотребительной. Однако и позже от этого правила изредка отступали [3, с. 7].

Противники использования прописных букв в середине предложения предлагали, что знак титла, который ставится над лексикой, относящейся к сакральной сфере, (см. ниже п. 1.3.3), делает прописные буквы излишними [5, с. 97]. Точка зрения сторонников прописных букв и их противников изложена в статье Н. Романовского [5].

1.3. Надстрочные знаки

1.3.1. Знаки ударения

В цсл языке встречаются три типа ударения: $\acute{}$ – ударение острое (или оксия); $\grave{}$ – ударение тяжелое (или вария); $\bar{}$ – ударение облеченное (или камора).

Различие в знаках ударения не отражает особенностей произношения. Эти различия восходят к эпохе второго южнославянского влияния и связаны с тенденцией приблизить внешний вид славянского текста к греческому оригиналу (в греческом, как известно, существуют те же самые три вида ударений).

Острое ударение ставится над гласной в начале и в середине слова, напр. $\acute{D}OM\grave{X}$, $\acute{S}OTVOP\acute{I}T\bar{I}$, $\acute{A}G\bar{G}\bar{L}\bar{X}$. Тяжелое ставится в том случае, если слово оканчивается на ударную гласную, напр. $\bar{P}A\bar{I}N\bar{I} \bar{S}G\grave{O}$. Однако если после слова, оканчивающегося на гласную, стоят союзы $\bar{B}O$, $\bar{J}E$, $\bar{A}N$ (энклитические формы, не имеющие собственного ударения), то слово сохраняет острое ударение, напр. $\bar{Z}EM\bar{L}\bar{A} \bar{J}E \bar{B}\bar{E}$ $\bar{N}E\bar{V}\bar{I}D\bar{I}M\bar{A} \bar{I} \bar{N}E\bar{V}\bar{S}T\bar{R}OB\bar{E}N\bar{A}$ (Быт. 1, 2). Если же в этой позиции оказываются краткие формы личных местоимений $\bar{M}I$, $\bar{T}I$, $\bar{E}I$ (Д. от $\acute{I}Z\bar{X}$, $\bar{T}Y$, $\bar{E}B\bar{E}$) и $\bar{M}\bar{A}$, $\bar{T}\bar{A}$, $\bar{E}\bar{A}$ (В. от $\acute{I}Z\bar{X}$, $\bar{T}Y$, $\bar{E}B\bar{E}$), то они обычно теряют собственное ударение. Однако в этой позиции такие формы могут иметь и собственное ударение. Напр. $\bar{B}OZ\bar{N}\bar{E}\bar{E} \bar{M}\bar{A}$ (Пс. 26, 5); $\bar{I} \bar{K}\bar{T}\bar{O} \bar{T}\bar{I} \bar{D}\bar{A}\bar{D}\bar{E}$ $\bar{V}\bar{L}\bar{A}\bar{S}\bar{T}\bar{A} \bar{I}\bar{I}\bar{U}$ (Мф. 21, 23).

Облеченное ударение является средством, позволя-

ющим избежать грамматической омонимии форм, напр. $\text{BPA}^{\text{Г}}\text{X}$ – И., ед. и $\text{BPA}^{\text{Г}}\text{X}$ – Р., мн. (Подробнее об этом см. раздел «Орфография», п. 2.2.1.г).

1.3.2. Знаки придыхания

Если слово начинается с гласной, то над этой гласной ставится знак тонкого придыхания, называемый по-славянски звátельцо – $\acute{\text{A}}$, который не влияет на произношение.

В греческом языке есть два вида придыхания: густое $\acute{\text{A}}$ (γα) и тонкое $\acute{\text{a}}$ (α). В цсл нет придыхательных гласных в начале слова, однако, следуя модели греческой орфографии, это отсутствие придыхания обозначается специальным знаком.

Знак придыхания может совмещаться со знаком ударения: $\acute{\text{Y}}$ – комбинация звátельца и оксии называется в цсл грамматиках йсо. Напр. $\acute{\text{Y}}\text{Ц}\epsilon$, $\acute{\text{Y}}\text{K}\omega$;

$\acute{\text{A}}$ – комбинация звátельца и вари называется áпострофь.

Апострофь встречается в следующих словах и словоформах (см. также п. 2.2.1.д): $\acute{\text{H}}$ – его (м. р.), $\acute{\text{Ю}}$ – её, $\acute{\text{E}}$ – его (ср. р.), $\acute{\text{A}}$ – их, $\acute{\text{Y}}$ – еще, $\acute{\text{H}}\text{X}$ (В.мн.) $\acute{\text{H}}\text{M}\text{X}$, $\acute{\text{H}}\text{M}\text{Ж}\epsilon$ – которым (мн.), $\acute{\text{H}}\text{Ж}\epsilon$ – которые (мн.), $\acute{\text{A}}\text{Ж}\epsilon$ – которые (мн.).

1.3.3. Знаки титла

В цсл языке некоторые слова пишутся не полностью, а сокращенно под знаком титла. В большинстве своем это слова, относящиеся к сакральной сфере, напр. $\text{B}^{\text{Г}}\text{X}$ (Бог), $\text{B}^{\text{Ц}}\text{A}$ (Богородица), $\text{P}^{\text{P}}\text{OK}\text{X}$ (пророк).

Изображения и названия знаков титла следующие:

1) --- – простое титло ($\text{B}^{\text{Г}}\text{X}$);

2) буквенные титла:

A – добрó-титло ($\text{B}^{\text{Ц}}\text{A}$);

Y – глаголь-титло ($\text{E}^{\text{Y}}\text{A}^{\text{I}}\epsilon$);

P – он-титло ($\text{P}^{\text{P}}\text{OK}\text{X}$);

H – рцы-титло ($\text{H}^{\text{M}}\text{K}\text{X}$);

K – слово-титло ($\text{K}^{\text{P}}\text{T}\text{X}$).

Способ сокращения того или иного слова является тра-

диционным. Однако единой нормы, предлагающей жесткий список слов, требующих обязательного сокращения, нет.

Так, например, в Службнике, выпущенном Московской Патриархией в 1979 г., наблюдается тенденция к раскрытию знаков титла, в то время как в Службнике 1987 года – совершенно иная картина.

Вот пример расхождений в первых восьми возгласах Литургии Иоанна Златоуста:

1979
БЛАГОСЛОВИ
БЛАГОСЛОВЕНО
ЦА́РСТВО
СПАСЕ́НИИ
БЛАГОУТО́МНИИ
ЦЕРКВЕ́И

1987
БЛГОСЛОВИ
БЛГОСЛОВЕНО
ЦРСТВО
СПСЕ́НИИ
БЛГОУТОМНИИ
ЦРКВЕ́И

Ниже мы приводим список слов, которые могут встречаться в текстах под знаком титла:

А́ГГЛЪ – ангел
А́РХА́ГГЛЪ – архангел
А́ПЛАЪ, А́ПТО́ЛЪ – апостол
БГЪ – Бог
БЖЕ – Боже
БЛГЪ – благ
БЛЖЕ́НЪ – блажен
БЛГОУ́ЧЕ́СТІЕ – благочестие
БЦА – Богородица
ВЛКО – Владыко
ВЛЧИ́ЦА – Владычица
ВЛЧЕ́СТВО – владычество
ВОСКРЕ́НІЕ – воскресение
ГДЬ – Господь
ГДЕНЬ – Господень
ГДИ́НЪ – господин
ГДСТВО – господство
ГДЬ – государь
ГЛЪ, ГЛГО́ЛЪ – глагол
ДВДЪ – Давид

МЛРА́ДІЕ – милосердие
МЛТЫ́НЪ – милостыня
МЛНЦЪ – Младенец
МРО́СТЬ – мудрость
МЧНКЪ – мученик
МЦЪ – месяц
НЕ́БО – небо
НЕ́БНЫИ – небесный
ННѢ – ныне
ОЦЪ – Отец
ОЧЕ – Отче
ОЧЕ́СТВО – отечество
ПРВНЪ – праведен
ПРТЕ́ЧА – Предтеча
ПРЕ́МРО́СТЬ – премудрость
ПРЕ́СТА́В – пресвятая
ПРЕ́ПОДОНЪ – преподобен
ПРТО́ЛЪ – престол
ПРНО – присно
ПРРО́КЪ – пророк

ДНЬ – день
 ДНЬСЬ – днесь
 ДХЪ – дух
 ДША – душа
 ДХЪОВНЫЙ – духовный
 ДВА – Дева
 ДВѢТВО – девство
 ЕПКОПЪ – епископ
 ЕПКОПѢТВО – епископство
 БѢТВО – естество
 ЕВАНГІЕ – Евангелие
 ИМЯ – имярек
 ІЕРУСАЛИМЪ – Иерусалим
 ІИЗРАИЛЬ – Израиль
 ІИСУСЪ – Иисус
 КРѢТЪ – крест
 КНЯЗЬ – князь
 ЛЮБЬ – любовь
 ЛЮДСКІЙ – людской
 МАРІА – Мария
 МАТѢРЬ – Матерь
 МАТИ – Мати
 МАЛѢТЬ – милость

РОЖДѢСТВО – рождество
 СПАСЪ – Спас
 СВѢТЪ – свят
 СВѢТА – святитель
 СЦѢННИКЪ – священник
 СРЦЕ – сердце
 СЛАВА – слава
 СЫНЪ – Сын
 СТРАСТЬ – страсть
 ТРИСВѢТЪ – трисвят
 ТРОИЦА – Троица
 ТРОИЧЕНЪ – троичен
 УЧЕНИКЪ – ученик
 УЧИТЕЛЬ – Учитель
 ХРИСТОСЪ – Христос
 ЦАРЬ – царь
 ЦАРСТВО – царство
 ЦЕРКОВЬ – церковь
 ЧЕСТЬ – честь
 ЧЛВКЪ, ЧЛВКЪКЪ – Человек
 ЧЛВКЪЧЕСКИЙ – человеческий
 ЧИСТЪ – чист
 ОЧИСТИТИ – очистить

Употребление знаков титла на иконах (как и в целом орфография надписей на иконах) может сильно отличаться от общепринятой. Отметим две надписи, которые мотивируются греческим языком: на Богородичных иконах: **МР** **ФУ** (Μήτηρ τοῦ Θεοῦ – Матерь Божия); на нимбе Спасителя: **О** **ΩН** (ὁ ὢν – Сущий).

1.4. Знаки препинания

Точка и восклицательный знак изображаются и употребляются так же, как и в русском языке. Запятая в цсл, аналогично ее функциям в современном русском языке, служит для обозначения интонационного изменения внутри предложения и выделения ряда синтаксических конструкций. Однако употребление запятых в цсл не всегда совпадает с современным.

Двоеточие изображается так же, как и в русском языке, и употребляется там, где в русском языке находится:

1) двоеточие, напр. **ОНЪ ЖЕ РЕЧЕЪ ЙМЪ: КТОЪ ЁСТЬ Ѡ ВЪСЪ ЧЛВЪКЪ, ЙЖЕ ЙМАТЬ ѠВЧА ЕДИНО** (Мф. 12, 11);

2) вместо запятой или точки с запятой, напр. **Е ОТРОКЪ МОЙ, ЕГОЖЕ ЙЗБОЛУЪ: ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ МОЙ НАНЪЖЕ БЛГОВОЛИ ДУША МОА: ПОЛОЖУ ДУХЪ МОЙ НА НЕМЪ, И СЪДУ ИЗЫКЪМЪ ВОЗВЪСТИТЪ** (Мф. 12, 18);

3) вместо многоточия, когда приводится только начало известного возгласа или чтения, напр. **ОЛВА И НЫНЪ: ЙКЪ ТВОЕЪ ЕСТЬ ЦРЪТВО:**

Так же как и в греческом языке точка с запятой указывает на вопросительную интонацию, напр. **МАЛОВЪРЕ, ПОЧТО ѠСЪМНЪЛЪСЯ ЕИ;** (Мф. 14, 31).

К сожалению, мы не имеем возможности говорить о нормативной пунктуации. Система знаков препинания в книгах кириллической печати в настоящее время не изучена. Разнобой в употреблении знаков препинания по разным изданиям очень велик. Так, например, взяв три произвольных издания конца XIX — начала XX вв., обнаруживаем серьезные несоответствия в постановке знаков препинания:

Источ-ник	Библия Москва, 1879	Евангелие СПб., 1914	Новый Завет Киев, 1888
Мк	Зачало еѡліа іиса	Зачало еѡліа іиса	Зачало еѡліа іиса
1, 1-2	Хрѡта ѡна бѡіа: іакоже естъ писано во прѡрѡцѣхъ	Хрѡта, ѡна бѡіа, іакоже етъ писано во прѡрѡцѣхъ	Хрѡта, ѡна бѡіа: іакоже етъ писано во прѡрѡцѣхъ
Мк 1, 3	Гласъ вопіющаго въ пѡстыни, ѡготовайте пѣтъ Гдѡ: прѡвы творѣте стезѡ егѡ		Гласъ вопіющаго въ пѡстыни: ѡготовайте пѣтъ Гдѡ, прѡвы творѣте стезѡ егѡ

Примеры такого рода можно найти практически в любом стихе. Возможно, мы имеем дело с различными местными системами знаков препинания.

Соображения относительно принципов упорядочивания цсл орфографии и необходимости введения знаков тире и кавычек были в 1888 г. высказаны Архиепископом Екатеринославским Августином (Гуляницким) [4, с. 40]. Исследование закономерностей и осмысление нормы в употреблении знаков препинания – дело будущего.

1.5. Цифровые значения букв

Буквы в цсл языке обозначают не только звуки, но также имеют и цифровые значения. В этом случае над буквами стоит знак титла. Если число записано двумя или более буквами, то знак титла ставится над второй буквой от конца. Цифровые значения букв славянской азбуки (кириллицы) в основном соответствуют порядку букв в греческом алфавите (А – α – 1, Б – не имеет цифрового значения, В – β – 2, ...).

А̑	1	К̑	20	Р̑	200
Б̑	2	Л̑	30	Т̑	300
Г̑	3	М̑	40	У̑	400
Д̑	4	Н̑	50	Ф̑	500
Е̑	5	Х̑	60	Ц̑	600
В̑	6	О̑	70	Ч̑	700
З̑	7	П̑	80	Ш̑	800
И̑	8	Т̑	90	Щ̑	900
А̑	9	Р̑	100	Ѡ̑	1000
Г̑	10				

Примечания:

1) числа от 11 до 19 записываются так: на первом месте – буквы, обозначающие единицы, а на втором буква $\bar{\text{и}}$, имеющая цифровое значение «десять», напр. $\bar{\text{аи}}$ – 11, $\bar{\text{би}}$ – 12, $\bar{\text{ги}}$ – 13 и т.д.; числа от 21 и далее записываются так: сначала пишется буква, обозначающая десяток, потом буква, обозначающая единицу, напр. $\bar{\text{кѡ}}$ – 26, $\bar{\text{нѣ}}$ – 53, $\bar{\text{оѣ}}$ – 71; .

2) тысячи обозначаются знаком Ѡ , который может присоединяться к любой букве, напр. $\text{Ѡ}\bar{\text{к}}$ – 2000, $\text{Ѡ}\bar{\text{а}}$ – 9000, $\text{Ѡ}\bar{\text{ѡ}}$ – 60000, $\text{Ѡ}\bar{\text{ф}}$ – 500000, $\text{Ѡ}\bar{\text{Ѡ}}$ – 1000000;

3) летоисчисление может вестись как от Рождества Христова, так и от сотворения мира. Временной промежуток между этими событиями, по церковному преданию, равен 5508 годам. Следовательно, если дата издания книги указана как $\times 3\Phi$ (7500), то это обозначает 1992 г. от Рождества Христова или же по-славянски $\times 4\Upsilon\text{И}\text{В}$.

2. ОРФОГРАФИЯ

2.1. Орфографическая система цсл языка является последовательной реализацией принципов второго южнославянского влияния.²

Реформа, обычно называемая вторым южнославянским влиянием, была связана со стремлением русских книжников очистить свой извод цсл языка от поздних наслоений, восстановить древний кирилло-мефодиевский облик языка. При этом образцом, естественно, оказывалась южнославянская письменность, которая уже была в значительной степени нормализована и гречизирована. Южнославянская книжная норма воспринималась как более архаичная и, следовательно, более «правильная». К тому же южные славяне не прерывали своих связей с греками и их орфография была ближе к греческой.

Естественно, мы не имеем в виду наличие генетической связи орфографических систем, а лишь сходство практики XVIII – XIX вв. с провозглашенными в XIV – XV вв. идеями. В популярных учебниках цсл XIX – начала XX вв. можно обнаружить случаи текстуального совпадения с орфографическими трактатами средневековья.

Основной чертой орфографической системы эпохи второго южнославянского влияния, видимо, следует считать представление о жесткой связи между означающим и означаемым. При этом изменение облика слова предполагает изменение стоящей за этим словом реальности и орфогра

² О втором южнославянском влиянии см. [6-9]

фическая ошибка чревата отпадением в ересь. Таким образом, по замечанию Г. Гольдблатта (10, с. 74), правописание (orthography) оказывается условием правоверия (orthodoxy), и грамматика становится богословской дисциплиной. Видимо, именно отсюда берет начало существенное для Руси сближение грамматического и богословского образования. Эта идея отразилась в структуре цсл букварей, которые наряду с грамматической информацией включают в себя катехизис.

Идея жесткой связи означающего и означаемого предполагает выработку технических приемов для избежания двусмысленностей при чтении текста. Для этой цели, вслед за византийскими книжниками, применяется принцип антистиха (ἀντίστοιχα), т.е. использование дуплетных букв и диакритических знаков для избежания лексической и грамматической омонимии.

Классическим примером антистиха является использование букв **Λ** и **ΙΑ** для противопоставления **ΙΑΖΥΚЪ** в значении ἕθνος и **ΛΖΥΚЪ** в значении γλώσσα. По всей вероятности, это противопоставление восходит к Константину Костенечскому, который использовал в этом случае графемы **Ϛ** и **ϛ** [10, с. 219]. Укажем еще антистих **ΜΙΡЪ** (εἰρήνη) и **ΜΙΡЪ** (κόσμος). Смешение двух значений слова мир приводит к тому, что при восприятии богослужения на слух диаконский возглас **ΜΙΡΟΜЪ ΓΔΥ ПОΜΟΛΙΜΙΔ** ошибочно переводится как «все вместе, всем миром Господу помолимся», хотя написание слова **ΜΙΡЪ** через **И** однозначно указывает на перевод «в мире Господу помолимся».

Правила орфографии можно разделить на 2 группы:

а) связанные с различием морфологических форм;

б) не имеющие связи с грамматическими оппозициями,

т. е. традиционные написания.³

³ В эту же группу мы включаем лексические пары типа **ΙΑΖΥΚЪ** (народ), **ΛΖΥΚЪ** (язык, дар речи).

2.2. Грамматические антистихи

Грамматическим антистихом мы называем пару омофоничных форм слова, где каждая из форм имеет свое грамматическое содержание, выражающееся определенным графическим способом. Обычно такую пару составляют словоформа единственного числа и словоформа двойственного или множественного числа.

2.2.1. Противопоставление омонимичных морфологических форм может быть выражено следующими графическими оппозициями:

а) *o/w* в корне, суффиксе или окончании слова, напр. **пáбдъ** (И., ед.) — **пáвдъ** (Р., мн.);

б) *ε/ϵ* в корне, суффиксе или окончании слова, напр. **цáрѣмъ** (Т., ед.) — **цáрѣмъ** (Д., мн.);

в) *и/ы, а/я* в окончаниях после шипящих, напр.: **твóрѣщимъ** (Т., ед., м., ср. р.)

твóрѣщимъ (Д., мн., для всех родов)

мѹдрѣйша (И., мн., ж. р.) — **мѹдрѣйша** (И., мн., ср. р.);

г) чередование острого или тупого ударения с обличенным: *á/â, à/â*, напр.

рáбъ (И., ед.) — **рáбъ** (Р., мн.);

рáбѹ (Д., ед.) — **рáбѹ** (Р., П., дв.);

д) чередование острого и тупого ударений, напр.

ѣмъ (Т., ед.) — **ѣмъ** (Д., мн.);

ѣжѣ (И., ед., м. р.) — **ѣжѣ** (И., мн.);

ѣжѣ (И., ед., ж. р.) — **ѣжѣ** (В., мн.).

Кроме того, при наличии в слове подвижного ударения место ударения иногда является таким же различительным фактом, как и мена букв *o* и *w*, *ε* и *ϵ* и др., напр.:

рѹцѣ (Д., ед.) — **рѹцѣ** (И., В., дв.);

рѹкѹ (В., ед.) — **рѹкѹ** (Р., П., дв.).

2.2.2. Упомянутые выше графические средства служат для различения следующих графических форм:

а) формы И., В., дв. ед.

рáбá — **рáбá** (Р.)

ѣлѣѣ — **ѣлѣѣ** (П.)

мѹрн — **мѹрн** (П.)

жѣнѣ́ — жѣнѣ́ (Д., П.)
 рѣцѣ́ — рѣцѣ́ (Д., П.)
 зѣмлѣ́ — зѣмлѣ́ (Р., Д., П.)
 за́повѣди — за́повѣди (Р., Д., П.)
 небѣси́ — небѣси́ (Д., П.)
 тѣ́ (м., ср. р.) — тѣ́ (И., ж. р.)
 кѣ́л (м. р.) — кѣ́л (И., ж. р.)
 мѣ́дра (м. р.) — мѣ́дра (Р., м. р.)
 мѣ́дрѣ́ (ж., ср. р.) — мѣ́дрѣ́ (Д., П., ж. р.; П., ср. р.)
 госпѣ́дни (ж., ср. р.) — госпѣ́дни (Р., Д., П., ж. р.; П., ср. р.)
 твѣ́рѣща (м. р.) — твѣ́рѣща (Р., м. р.)
 твѣ́рѣщѣ́л (м. р.) — твѣ́рѣщѣ́л (И., ж. р.)
 ѣ́ннал (м. р.) — ѣ́ннал (И., ж. р.)

б) формы Р., П., дв. - ед.

рабѣ́ — рабѣ́ (Д.)
 мѣ́рю — мѣ́рю (Д.)
 жѣнѣ́ — жѣнѣ́ (В.)
 за́повѣдию́ — за́повѣдию́ (Т.)
 ѣ́ю (для всех родов) — ѣ́ю (Т., ж. р.)
 тѣ́ю (для всех родов) — тѣ́ю (Т., ж. р.)
 мѣ́дрѣ́ (для всех родов) — мѣ́дрѣ́ (Д., м. р.; В., ж. р.)
 мѣ́дрѣ́ю (для всех родов) — мѣ́дрѣ́ю (В., ж. р.)
 твѣ́рѣщѣ́ (для всех родов) — твѣ́рѣщѣ́ (Д., м. р.; В., ж. р.)

в) формы И., В., мн. ⁴, ед.

ѣ́ла — ѣ́ла (Р.)
 царѣ́ — царѣ́ (П.)
 зна́менїѣ́л — зна́менїѣ́л (Р.)
 жѣнѣ́ — жѣнѣ́ (Р.)
 зѣ́мли — зѣ́мли (Р., Д., П.)
 за́повѣди — за́повѣди (Р., Д., П.)
 ка́мени — ка́мени (Д., П.)
 на́ша (ср. р.) — на́ша (И., ж. р.)

⁴ Имена существительные одушевленные и прилагательные (причастия, местоимения), к ним относящиеся, могут в В. падеже мн. числа иметь другие окончания, соответствующие Р. падежу.

НА́ША (ж. р.) — НА́ША (И., ж. р.)
МѢ́ДРЫ (ж. р.) — МѢ́ДРЫ (Р., ж. р.)
ГОСПО́ДНИ (м., ср. р.) — ГОСПО́ДНИ (П., м., ср. р.; Р., Д., П., ж. р.)
МѢ́ДРАА (ср. р.) — МѢ́ДРАА (И., ж. р.)
МѢ́ДРЫА (ж. р.) — МѢ́ДРЫА (Р., ж. р.)
ТВОРА́ЩИА (ж. р.) — ТВОРА́ЩИА (Р., ж. р.)

г) формы Р., мн. - ед.

РА́БЪ — РА́БЪ (И.)
ІЕРЄ́Й — ІЕРЄ́Й (И.)

д) формы Д., мн. - ед.

РАБО́МЪ — РАБО́МЪ (Т.)
ЦАРЕ́МЪ — ЦАРЕ́МЪ (Т.)
ИМЪ — ИМЪ (Т.)

ТѢ́М (для всех родов) — ТѢ́МЪ (Т., м., ср. р.)
НА́ШЫМЪ (для всех родов) — НА́ШЫМЪ (Т., м., ср. р.)
ГОСПО́ДНЫМЪ (для всех родов) — ГОСПО́ДНЫМЪ (Т., м., ср. р.)
НИ́ЩЫМЪ (для всех родов) — НИ́ЩЫМЪ (Т., м., ср. р.)
ТВОРА́ЩИМЪ (для всех родов) — ТВОРА́ЩИМЪ (Т., м., ср. р.)

е) формы Т., мн. - ед.

ЦАРИ́ — ЦАРИ́ (П.)
МО́РИ — МО́РИ (П.)
МѢ́ЖЫ — МѢ́ЖИ (П.)

МѢ́ДРЫ (м., ср. р.) — МѢ́ДРЫ (Р., ж. р.)
ГОСПО́ДНИ (м., ср. р.) — ГОСПО́ДНИ (П., м. р.; Р., Д., П., ж. р.)

ж) Антистихи, не связанные с противопоставлением единственного и неединственного числа:

ж. 1. И́ХЪ (Р., мн. для всех родов) — И́ХЪ (В., мн.; м., ж. р.)

ж. 2. МЕНЕ́ (Р., ед.) — МЕНЕ́ (В., ед.)

ТЕБЕ́ (Р., ед.) — ТЕБЕ́ (В., ед.)

БЕБЕ́ (Р., ед.) — БЕБЕ́ (В., ед.)

ж. 3. НА́ША (И., В., З., дв., м. р.; И., В., мн., ср. р.) —
НА́ША (И., В., мн., ж. р.)

ж. 4. СТРА́ШНО (наречие)⁵ — СТРА́ШНО (кр. прилаг., ср. р.).

⁵ Ѡ пишется в суффиксах всех наречий независимо от того, есть ли аналогичная форма краткого прилагательного.

2.3. Орфографические особенности церковнославянского, не связанные с грамматической структурой языка

2.3.1. ѣ / ѣ

а) ѣ е-широкое пишется в начале слова, ѣ е-узкое в середине и конце слова;

б) ѣ пишется в окончании Р., мн. существительных 1 склонения мягкого типа, напр. **кРАѢВЪ**;

в) ѣ пишется в И., мн. существительных 1 склонения, оканчивающихся на -ей, напр. **ФАРНѢЕЪ**, **ІЕРѢЕЪ**.

2.3.2. ѡ / ѡ

В современном цсл буква ѡ зело встречается лишь в следующих словах: **ѡВѢРЪ**, **ѡВѢЗДА**, **ѡВѢІЕ**, **ѡЛІКЪ**, **ѡЛО**, **ѡМІЙ**, **ѡТЛѠ**, а также в производных от них: **ѡЛІЧНЫЙ**, **ѡЛЫЙ** и др.

2.3.3. ѣ/и/ѣ

а) и пишется перед согласными, ѣ - перед гласными и ѣ, напр. **МОЛІТВА**, **БРАТІА**, **ІННІЙ**;

б) ѣ встречается в соответствии с греческой буквой ι йота, напр. **ХІТѠНЪ** (**χιτών**);

в) кроме того, ѣ пишется в двух словах со славянским корнем **ВІНО** и **МІРЪ** в значении «вселенная» (**κόσμος**), а **МІРЪ** (**εἰρήνη**) в значении «покой», «тишина» пишется с и-восьмеричным (см п. 2.1). О написаниях **МІРЪ** МІРЪ см. п. 2.1.;

г) ѣ встречается в текстах в соответствии с греческой буквой υ юсилон. Если ижица читается как (и) (т. е. не после гласных **а, ѣ**), то над ней ставится надстрочный знак: **Ѥ**, **Ѧ**, **Ѩ**. Таким образом, при транслитерации греческого слова **ї** соответствует **ι**, **и** - **η**, **ѣ** - **υ**. Дифтонги **οι**, **ει** могут передаваться как **ї** или же как **οї**, **ει**.

2.3.4. о/О/ω/Ѡ/ѡ

а) о встречается только в середине и на конце слова, напр. **ІОТВОРИ НѢО** (Деян. 14, 15);

б) О встречается в начале слова, напр. **Очи**, **ОНА**, после приставки, напр. **ІОБЩЕНІЕ**, в составе сложного слова, напр. **МНОГООЧИТІИ**, а также в слове **ІОРДАНЪ**;

в) Ѡ пишется:

в.1. в предложениях и приставках, напр. Ѡ, ѠБ', ѠЧИЩЕНІЕ (Мк. 1, 44), Ѡ ГРѢБѢХЪ (1 Ин. 4, 10), ѠБРѢТШЕ (Ин. 6, 25).

Матъесен отмечает (11, с.128), что правописание приставки Ѡ, ѠБ' через омегу последовательно встречается лишь в глагольных формах. В словах других частей речи, включая причастные формы, норма вариативна, т. е. допускается употребление О;

в.2. в словах, заимствованных из греческого языка, в соответствии с буквой Ѡ, напр. КАНѠНЪ, ЁМѠНЪ (Мф. 4, 18);

в.3. в словах **ѠКЪ**, **ТАКЪ**,⁶ **ѠБЪ** – в значении утвердительной частицы «ведь», «именно», «-то»;⁷

в.4. в окончании Р.п –ѠВЪ существительных м.р., мн., напр. во вѣки вѣкѠвъ; полных прилагательных и местоимениях м.р. ед., напр. великаѠ, нашеѠ;

в.5. в случае противопоставления омонимичных форм (см. п. 2.2.а);

г) диграф Ѡ пишется в приставке и предлоге Ѡ (от), напр. ѠДАИ НЕ ѠСТѠПИТЪ РѠКА ѠГѠ Ѡ ВАЪ (1 Цар. 6, 3);

д) Ѡ употребляется в восклицательных междометиях Ѡ! и ѠЛЕ! со Зв. и Р. падежами, напр. Ѡ РОДЕ НЕВѢРЕНЪ (Мк. 9, 19). ѠЛЕ СТѠШНАГѠ ТѠННЕТВА! ѠЛЕ БѠГОТРОБѠА БЖІА (Канон причащ. п. 8.).

2.3.5. Ѵ/Ѷ/Ѹ

Диграф Ѵ пишется в начале слова. В середине или конце пишется Ѷ, напр. БѶДѶ, ѶМѶ (Мк. 9, 19), ѴЧИТЕЛЬ (Мк. 9, 17).

Ѹ – встречается только в значении числа «400», причем обязательно со знаком титла Ѹ̅ – 402.

2.3.6. Ѡ/Ѡ/Ѡ

а) Ѡ употребляется в начале слова, Ѡ – в середине и конце слова, напр. вѠКЪ (Мк. 9, 49), ѠНДОШАѠ (Мк. 10, 1), ѠГНА (1 Цар. 7, 9).

⁶ Слова **ѠКОЖЕ**, **ТАКОЖЕ** пишутся с буквой он – О.

⁷ **ѠБЕО** в значении «так», «итак», «таким образом» пишется через 0-микрон.

Исключения:

а.1. слово **ЛЗЫКЪ** в значениях: 1) «часть тела», 2) «дар слова», (**ЛЗЫКЪ** в значении «народ», «племя» пишется по правилам);

а.2. местоимение **ѡ** (их) – В., мн. от **ѠНЪ**;

б.1. в некоторых собственных именах существительных в И., Р. и В. падежах после гласной вместо **Л** пишется **А**:

И. **МАРІА, ЗѠА, ИЛІА**
Р., В. **ТИМОДѢА, МАТДѢА**

б.2. слово **ЕУА́НГЕЛІЕ** (**ЕУЛІЕ**) в Р., ед.; И., В., Зв., мн. имеет окончание – **А**: **ЕУЛІА** (Мк. 1, 1; 10, 29). **Я́ННАУІА** пишется через **А**.

2.3.7. **Ѥ**

Ѥ встречается только в грецизмах в соответствии с греческой **ξ**, напр. **АЛЕѤАНДРЪ**.

2.3.8. **Ѩ/Ѧ**

Ѩ встречается только в грецизмах в соответствии с греческой **ψ**, напр, **ѨЛѦМЪ**. Эквивалентное звуковое сочетание может записываться славянскими буквами **Ѧ** и, соответственно, встречается в славянских, а не греческих словах, напр. **НЕ ДАДѦТЕ БѦГѦМ ПРѦМЪ** (Мф. 7, 6).

2.3.9. **Д/Ф**

Буквы **Д** и **Ф** были внесены в славянский алфавит для передачи греческих букв **ϑ** (тета) и **φ** (фи).

Соответственно **Д** (фита) встречается на месте греческой **ϑ**, а **Ф** (ферт) – на месте **φ**: **ФЕЛѦНЪ** (φελώνης), **ДІМІАМЪ** (θυμίαα). В словах со славянским корнем эти буквы не встречаются.

2.3.10. **Ѧ**

Ѧ в корне пишется в соответствии с этимологией. **Ѧ** в суффиксах и окончаниях пишется в следующих случаях:

а) в существительных и кратких прилагательных:

а1) м. р., оканчивающихся на **-Ъ**, типа **ДѦБРЪ** **РѦБЪ**:

П., ед. ДОБРА́Е РАБѢ,

П., мн. (ДОБРЫХЪ) РАБѢХЪ;

а2) ср. р., оканчивающихся на -О, типа КРА́СНО БЕЛО́:

П., ед. КРА́СНОЕ БЕЛО́Е,

П., мн. (КРА́СНЫХЪ) БЕЛО́ХЪ,

И., В., З., дв. КРА́СНОЕ БЕЛО́Е;

а3) ж. р., оканчивающихся на -А, типа ДО́БРА ЖЕНА́:

П., ед. ДО́БРАЕ ЖЕНѢ,

И., В., З., дв. ДО́БРАЕ ЖЕНѢ;

б) в полных именах прилагательных, типа МЪДРА́Й:

П., ед. МЪДРА́ЕМЪ (м., ср. р.), МЪДРА́ЕЙ (ж. р.),

И., В., З., дв. МЪДРА́ЕИ (ж., ср. р.);

в) в суффиксах прилагательных сравнительной степени: МЪДРА́ЕИ, МЪДРА́ЕИША, МЪДРА́ЕИШИ и т. д.

г) в местоимениях:

г1) ЙНЪ, О́НЪ, О́ВЪ, ТО́Й, Ё́МЪ, ВЪ́КЪ, КЪ́КЪ (какой), ТА́КЪ, (такой), Ё́ЛІКЪ, ТОЛІ́КЪ, КОЛІ́КЪ в следующих формах:

Т., ед., м. и ср. р. О́ВѢМЪ,

И., В., П., дв., для всех родов О́ВѢ,

Д., Т., П., дв., для всех родов О́ВѢМА,

Р., Д., Т., П., мн., для всех родов О́ВѢХЪ, О́ВѢМЪ, О́ВѢМИ,

В., мн., м. и ж. р. О́ВѢХЪ;

г2) Ё́ЗЪ, ТЫ́, СЕБѢ́ в Д. и П. МНѢ́, ТЕБѢ́, СЕБѢ́;

д) в глаголах:

д1) Ъ́ как суффиксальный гласный появляется во всех глагольных формах, а также отглагольных существительных и прилагательных: БОЛѢ́ТЬ, БОЛѢ́Ю, БОЛѢ́ЗНЬ, СИДѢ́ТЬ, СИДѢ́ЛЪ, СИДѢ́ВЪ́ и т. п.;

д2) в окончаниях дв., ж. и ср. р.:

НЕСѢ́ВѢ́ — мы вдвоем несем,

НЕСѢ́ТѢ́ — вы (они) вдвоем несете (несут),

НЕСО́ХОВѢ́ и НЕО́ЛХОВѢ́ — мы вдвоем несли,

НЕСО́ВѢ́ТѢ́ и НЕО́ЛВѢ́ТѢ́ — вы (они) вдвоем несли (несут);

е) в суффиксах наречий: ВЪ́КОРѢ́, ГДѢ́, ПО́ДЛѢ́, ВНѢ́, ПОИ́СТИНѢ́ и др.

ж) в числительных ж. р.: ДВѢ́, О́ВѢ́ и во всех формах от

них: **ОБЪЕМЪ**, **ДВѢМА** и др.

Описанная выше графико-орфографическая система цсл языка окончательно устанавливается в XVIII в., а концепция этой системы формулируется в XIV—XV вв. (см. п. 2.1.). Следует подчеркнуть, что последовательное соблюдение столь строгой и изощренной системы возможно лишь в эпоху книгопечатания. При ручном способе копирования книг орфографическая однородность едва ли возможна.

3. ПРАВИЛА ЧТЕНИЯ

3.1. В цсл языке нет редукции и упрощения групп согласных при произнесении, поэтому каждое слово произносится в соответствии с его написанием, напр. **ЙЖЕ Ѡ ОЦА РОЖДѢННАГѠ** (йже от отца рождёнаго).

3.2. **_ША** и **_ШЛ** читаются одинаково как (ша): **_ЦА** и **_ЦЛ** — (ца); **_ШН** и **_ШЫ** — (шы); **_ЦН** и **_ЦЫ** — (ци)

Т. е. при сочетании шипящего с гласной произнесение твердого или мягкого согласного не зависит от последующей гласной.

3.3. Если приставка оканчивается на твердую согласную, а корень начинается с и, напр. **ѠИМѢГЪ**, то и читается как (ы).

3.4. В большинстве грамматик цсл языка (напр. в грамматике Алипия) говорится о том, что Г произносится как г-фрикативное (γ).

Однако современная богослужбная практика заставляет усомниться в жизненности этой нормы для районов, где г-фрикативное в языке отсутствует.

4. ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

МѢСАЦА МАІА ІІ

ОТЪХЪ РАВНОПЪЛНЫХЪ МЕДОДІА И КЪРІЛА, ОУЧИТЕЛЕЙ СЛОВЕННИХЪ

ТРОПАРЬ, ГЛАВЪ Д.

ИҢКѠ¹ АҢЛАШМЪ² ЕДИНОУРАВНІИ³ И СЛОВЕНСКИХЪ СТРАНИ⁴
ОУЧИТЕЛІЕ, КҮРІЛЛЕ⁵ И МЕДОДІЕ⁶ БГОМѢДРИН⁷, ВЛѦ⁸ ВСѢХЪ
МОЛІТЕ, ВЛѦ⁹ ЯЗЫКИ¹⁰ СЛОВЕНСКИА¹¹ ОУТВЕРДИТИ¹² ВЪ
ПРАВОСЛАВІИ И ЕДИНОУМЫСЛІИ, ОУМИРИТИ¹³ МІРЪ¹⁴ И СПІТИ¹⁵
ДУШЫ¹⁶ НАША¹⁷.

КОНДАКЪ, ГЛАВЪ Г.

ОЩЕИИ¹⁸ ДВОИЦѦ¹⁹ ПРОСВѢТИТЕЛЕИ²⁰ НАШИХЪ ПОЧТИМЪ,
БЖЕСТВЕННЫХЪ ПИСАНИИ²¹ ПРЕЛОЖЕНІЕМЪ²² ИСТОЧНИКЪ
БГОПОЗНАНІА²³ НАМЪ ИСТОЧИВШИХЪ, ИЗ²⁴ НЕГѠЖЕ²⁵ ДАЖЕ
ДОДНЕСЬ НЕШЕКѠДАН²⁶ ПОЧЕРПАЮЩЕ, ОУБЛЖАЕМЪ²⁷ ВАЕЪ, КҮРІЛЛЕ И
МЕДОДІЕ, ПРѢОЛѦ²⁸ ВЫШНАГѠ²⁹ ПРЕСТОЛЩИХЪ И ТѢПЛѢ³⁰
МОЛІЩИХЪ Ѡ ДУШАХЪ НАШИХЪ.

1. Ѡ см. п. 2.3.4. в.
2. Ѡ указывает на Д., мн. (Т., ед. — О), см. п. 2.2.2. д.
3. Ё см. п. 2.3.1. а ; і см. п. 2.3.3. а.
4. Ъ пишется в соответствии с греческой ψ , а і — с греч. ι (см. п. 2.3.3. б; 2.3.3. г).
5. А — в соответствии с греческой α (см. п. 2.3.9.).
6. Ѡ см. п. 2.3.5.
7. Камера $\hat{}$ здесь указывает на форму В., мн. (И., ед., ж. р. — ВЛѦ) (см. п. 2.2.2. в).
8. М см. п. 2.3.6. а.1.
9. Ё указывает на форму В., мн., м. р. (Р., ед., ж. р. — в корне ё) (ср. п. 2.2.2. в).
10. Ѡ см. п. 2.3.5.
11. і и И см. п. 2.3.3. в.
12. О тупом ударении ($\grave{}$) см. п. 1.3.1.
13. М указывает на форму В., мн. (И., мн. — ДУШИИ) (ср. п. 2.2.2. в).
14. Л указывает на форму И., мн. (им. п., ед. ч. — НАША) (ср. п. 2.2.2. в).
15. ' см. прим. к алфавиту 5.
16. Ѡ см. п. 2.3.4. в.4.
17. Ѡ см. п. 2.3.4. в.1.; 2.2.2. ж.4.
18. Ѡ см. п. 2.3.4. в.4.

ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ К СЛАВЯНСКОМУ ТЕКСТУ

(О. А. Седакова)

Перевод имеет чисто учебное, подсобное значение: мы по возможности стремимся к буквализму, не пытаюсь воссоздать художественные достоинства оригинала. Однако там, где русский язык не располагает соответствующими конструкциями, приходится делать заметные изменения: вставлять недостающие местоимения (как здесь, при переводе инфинитивной конструкции: **МОЛІТѢ ВЛАДѸ... ѠТВЕРДИТИ**), переводить пассивные конструкции в активные (как здесь, при переводе творительного орудийного: **ПРЕЛОЖЕНІЕМЪ Ѡ ТОЧИВШИХЪ**) и подобные, изменять порядок слов. Все вставки будут отмечены квадратными скобками.

В отношении лексики в некоторых случаях речь идет не столько о переводе, сколько о подборе синонимов: здесь это слова **ѢДИНОУРАВНІИ, ѠМИРИТИ, НЕШКОУДНО, ТЕПЛА**.

11 (24) мая

Святых равноапостольных Мефодия и Кирилла учителей славянских.

Тропарь, глас 4.

Богомудрые Кирилл и Мефодий, [вы] как подобные по духу апостолам и учителя славянских земель, молитесь Владыку всех, [чтобы Он] утвердил все славянские народы в православии и единомыслии, сделал мирным мир и спас души наши.

Кондак, глас 3.

Почтим священную двоицу просветителей наших, [чей] перевод божественных писаний источил нам источник богопознания: донныне из него изобильно черпая, прославляем вас, Кирилл и Мефодий, предстоящих Престолу Вышнего и горячо молящихся о душах наших.

Уже в первых приведенных нами текстах хотелось бы отметить некоторые общие для литургической поэзии черты:

I. Порядок слов инвертирован, как свойственно стилю «извития словес», особенно связанному с жанром похвалы (происхождение самого термина «извитие», «плетение словес» некоторые исследователи связывают с образом плетения венка: это словесный венец победителю).

II. Содержательная тема непосредственно отражается в семантико-синтаксическом построении: здесь тема «двоицы» отражается в парных построениях Тропаря: ЄДИНОПРАВНІИ АПЛШМЪ И УЧИТНАІЕ; ВЪ ПРАВОВАІИ И ЄДИНОМЫСЛІИ, УМИРІТИ И СПЕТИ.

III. Игра омонимами: УМИРІТИ МІРЪ и плеоназм, или figura ethymologica – ИСТОЧНИКЪ ИСТОЧНИХЪ (излюбленная в библейской и литургической словесности, ср.: ХОТЕНІЕМЪ НЕ ХОЩУ СМЕРТИ ГРЕШНИКА).

IV. Метафора, имеющая доктринальное обоснование: уподобление славянского перевода чудесному источению источника отсылает к событиям Исхода (Моисей источает источник из камня, Исх. 17, 6, Числ. 20, 10), многократно упоминаемым в псалмах (Пс. 106, 35, 104, 41 и др., также и в Прем. 11, 4) и в новозаветном духе истолкованным ап. Павлом (I Кор. 10, 4 ПІАХУ БО Љ ДУХОВНАГВ ПОСЛАДУЩАГВ КАМЕНЕ: КАМЕНЬ ЖЕ БЪ ХРІТОУ). Эта метафора, во-первых, дает ключ к взаимному истолкованию ветхо- и новозаветных событий как прообраза и реальности («это были образы для нас», ІІЖ ЖЕ ОБРАЗЫ НАМЪ БЫША, I Кор. 10, 6), причем новый источник, в отличие от первого, водного, – «словесный» или невещественный.

Далее, эта метафора открывает общее истолкование миссии свв. Кирилла и Мефодия: подобно Моисею, они выводят новый народ из «рабства неверия». В «Повести временных лет» и в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона Моисею уподобляется равноапостольный князь Владимир, а «Новому Израилю» – Русь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Классовский В. Краткая грамматика славяно-церковного языка периода печатных (в России) книг. СПб., 1857

2. Иеромонах Алипий (Гаманович). Грамматика церковно-славянского языка. Джорданвилль, 1964

3. Соколов Д.Д. Справочная книжка по церковнославянскому правописанию. СПб., 1907

4. Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX – XX веках. Богословские труды, сб. V, М., 1970

5. Романовский Н. Наши богослужебные книги со стороны орфографии. - Христианское чтение, 1907, VII

6. Соболевский А.И. Южнославянское влияние на русскую письменность. - Соболевский А.И. История русского литературного языка. Л. 1980

7. Лихачев Д.С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. - Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л. 1986

8. I. Talev. Some Problems of the Second Slavic Influence in Rússia. München, 1973

9. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI – XVII). Мюнхен, 1987

10. H. Goldblatt. The Church Slavonic Language Question in the Fourteenth and Fifteenth Centuries... - Aspects of the Slavic Language Question, v. 1, New Haven, 1984

11. R. Mathiesen. The inflectional morphology of the Synodal Church Slavonic verb. Columbia University, 1972

Пользуемся случаем поблагодарить центр «Мефодий», оказавший помощь при подготовке этого материала к печати.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Kosik V. I.</i> From the history of the begining of Russian emigration	3
<i>Kozlitiñ V. D.</i> Russian emigration in the Kingdom of Serbs, Chroats and Slavenes (1919—1923)	7
<i>Kosik V. I.</i> Russian Jugoslavia: fragments of history, 1919—1944	20
<i>Nikiforov K. V.</i> Russian Belgrade (the activities of Russian emigrant architects)	33
<i>Borisionok E. U.</i> Russian agricultural movement in Czechoslovakia in the 1920-ies	45
<i>Goriainov A. N.</i> From the forgotten «trifles» of the «Slavianskii glas»	56

FROM ARCHIVES HELVES

<i>Robinson M. A., Petrovskii L. P.</i> N. N. Durnovo and N. S. Trubetskoi: the Euroasian problem in the context of the «case of Slavic scholars» (by the materials of OGPU—NKVD)	68
<i>Robinson M. A.</i> A letter by P. N. Savitskii to F. I. Uspenskii	83
<i>Gorizontov L. E.</i> Euroasian problem, 1921—1931: a look from inside	86

MATERIALS TO THE MANUAL OF CHURCH-SLAVIC

<i>Pletneva A. A.</i> The graphic-orthographical system of Church-Slavic	105
--	-----

Технический редактор *А. В. Рудницкая*

Сдано в набор 10.04.92. Подписано к печати 04.06.92 Формат бумаги 70 × 100 ¹/₁₆
 Офсетная печать Усл. печ. л. 10,4 Усл. кр.-отг. 10,5 тыс. Уч.-изд. л. 13,2 Бум. л. 4,0
 Тираж 989 экз. Зак. 2721 Цена 1 р. 50 к.

Адрес редакции: 117334. Москва, Ленинский проспект, д. 32а.
 Телефоны 938-01-20, 938-08-09
 2-я типография издательства «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

1 р. 50 к.
Индекс 70891